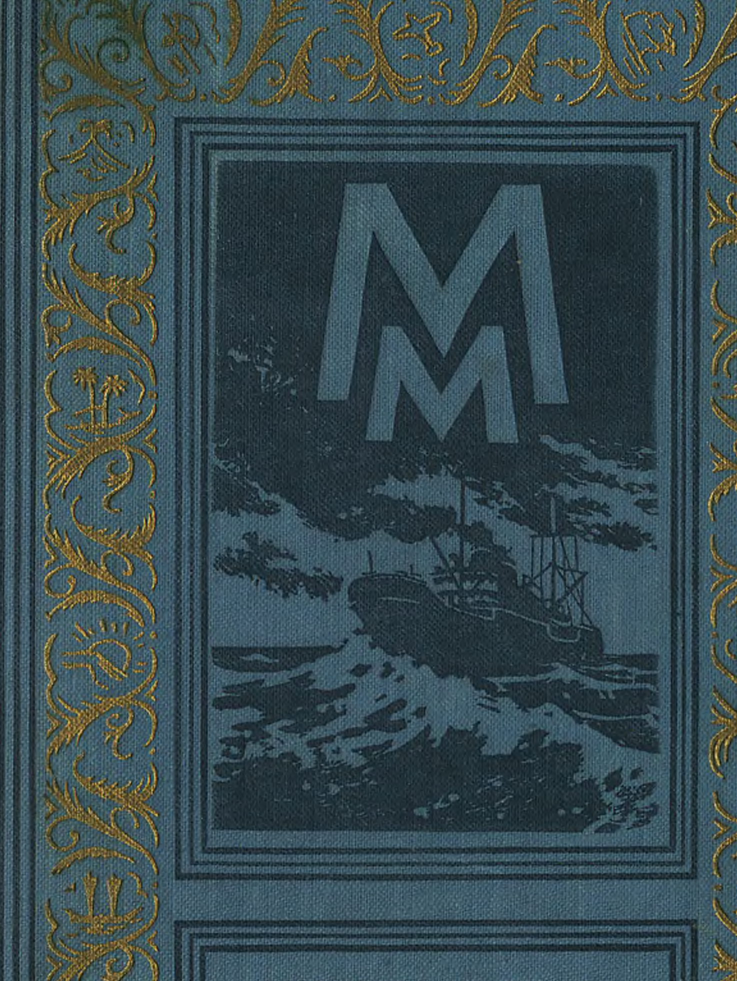

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

МЕСС-МЕНД

ДЕТГИЗ · 1960

HOTEL

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1960

МАРИЭТТА ШАГИНЯН
(ДЖИМ ДОЛЛАР)

МЕСС-МЕНД,
ИЛИ
ЯНКИ
В ПЕТРОГРАДЕ

РОМАН-СКАЗКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ДЖИМ ДОЛЛАР, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК

В мартовское утро 1888 года на одном из вокзалов Нью-Йорка к носильщику бляха № 701 подбежал прилично одетый человек с новорожденным ребенком на руках:

— Носильщик, ваш номер? Отлично, возьмите ребенка. Да осторожней, черт возьми, если хотите заработать доллар... Ждите меня вон там, у остановки омнибусов, — я бегу разыскивать даму...

Проговорив это, незнакомец кинулся в толпу. Бляха № 701 осторожно понес ребенка на площадку, ждал десять минут, потом полчаса, потом час. Ребенок заплакал. Носильщик струсил — уж не подкинут ли ему ребенок?

Когда спустя два часа никто не появился, а на вокзале незнакомца не оказалось, носильщик сказал себе с горечью: «Вот так доллар!» — и понес ребенка в участок.

По дороге на него нашло раздумье. Дитя прекрасно одето, пеленки с метками. Что, если с незнакомцем что-нибудь случилось, а потом он хватится ребенка, разыщет

носильщика по номеру и будет взбешен, узнав, что дитя в полиции! Не подержать ли его у себя дома, а тем временем поискать незнакомца?

Он понес его домой и сдал жене. Дитя оказалось прехорошеньким мальчиком. Белье было помечено «Д. Д.». Так как носильщика звали Джемсом, он в шутку назвал мальчика раза два «Джим Доллар» — и этому имени суждено было навеки укрепиться за потерянным существом и заслужить ему впоследствии широкую известность.

Родители ребенка не появлялись. Носильщик усыновил его. Он рос обыкновенным городским мальчишкой и проводил все свое время на улице, покуда бляха № 701 не скончался. Вслед за ним умерла и жена, оставив Джиму Доллару бляху приемного отца и краткую историю его усыновления.

Года полтора мальчик ведет бродячую жизнь. Он ночует под мостом и на крышах, питается вместе с собаками городскими отбросами. «В эти годы усовершенствовалось мое обоняние, — рассказывает он в краткой автобиографии. — Я узнал, что у каждого города, у каждой улицы, у каждого двора есть свой запах».

Однажды он увидел перед пивной воз с большими дорожными картонками, забрался в одну из них, прикрыл себя крышкой и заснул. Он проснулся от толчков. Вслед за тем на него полился яркий электрический свет. Высокая девица в папильотках стояла над картонкой и разглядывала его, поджав губы. Он выскочил из картонки, собираясь улизнуть.

— Я полагаю, что заплатила за картонку настоящими деньгами, — сказала девица.

— Не думаете ли вы, мэм, что купили меня вместе с картонкой? — в ужасе воскликнул Джим.

— Да, я думаю, — ответила неумолимая девица. — Ведь я беру вещи не иначе как на вес.

Несчастный Джим не знал законов. Он искренне поверил девице и остался у нее в услужении добрых двенадцать лет.

Это были самые мрачные годы его жизни. Девица эксплуатировала мальчика, заставляя его работать даже по воскресеньям. Урывками он выучился читать и писать. Когда ему стукнуло девятнадцать лет, она внезапно подарила ему велосипед. Спустя некоторое время она снова сделала ему подарок — дюжину галстуков. Странное предчувствие овладело Джимом: не задумала ли девица женить его на себе? Как только он оформил в мозгу это предчувствие, природная любовь к свободе вспыхнула в нем, он вскочил на велосипед — и был таков.

Джим свободен. Он снова на улицах Нью-Йорка. Но тут ему пришлось на собственной шкуре испытать всю тяжесть социального бесправия: что нужды в свободе, когда нет куска хлеба! Пространствовав по фабричным окраинам Нью-Йорка, он кое-как устраивается на спичечной фабрике и становится рабочим. Резкое влияние оказывают на него два обстоятельства: первая стачка и первое знакомство с кинематографом.

Стачка, как он впоследствии писал, научила его «уменью защищаться, становясь спиной к врагу», а кинематограф привел его к той теории «городского романа», которая насчитывает в настоящее время многочисленных последователей.

Вернувшись из кинематографа, где он смотрел примитивную драму из парижской жизни, с благородным апашем и красоткой, Джим Доллар, как безумный, начинает имитировать кинематограф для своих товарищей по работе. Он собирает вокруг себя кучку молодежи, сочиняет пьесы, разыгрывает их в обеденный перерыв тут же на фабрике, используя для своих акробатических фокусов станки и машины. К этому времени относятся первые эскизы двух его излюбленных героев — металлиста Лори

Лена и «укротителя вещей» Микаэля Тингсмастера — Мик-Мага его позднейших романов. По ночам он лихорадочно поглощает учебники, стараясь «поймать ту связь установленных представлений, которую принято называть образованием»[1]. Не отказываясь ни от какой работы, он перебирается из одного промышленного центра Америки в другой, периодически возвращаясь, однако же, на старую спичечную фабрику, где у него остались друзья и знакомцы.

Та же фабрика, точнее кружок сгруппировавшихся вокруг него спичечников, знакомится с первым литературным опытом Джима Доллара, сценарием большого кинoромана, который он задумал и набросал в течение двенадцати часов. Тут, между прочим, обнаружилась роковая особенность Доллара, долгое время препятствовавшая его карьере романиста. Впервые постигший значение фабулы через зрительный образ (не в книге, а на экране кино), Доллар непременно зарисовывал своих героев на полях рукописи и вставлял там и сям в текст рисунки, служившие иллюстрациями. Как большинство одаренных людей, Джим видел свой талант совсем не в том, чтó у него действительно было талантливо, а в наиболее слабой своей области. Так, он в глубине души считал себя прирожденным рисовальщиком. Между тем рисунки Джима Доллара были более чем худы — они были безграмотны и беспомощны.

Первый его кинороман (впоследствии уничтоженный автором) встречен был в спичечном кружке взрывом восторга. Доллар, поощренный друзьями, отправляется в крупное нью-йоркское издательство «При-фикс-Бук» и показывает свою рукопись. Редактор, едва увидев его рисунки, сворачивает рукопись трубкой и немедленно возвращает ее молодому автору, не говоря ни слова.

---

[1] «Нью-Йорк Джеральд» № 381, автобиография Доллара.

— В чем дело? — спросил вспыхнувший Джим.

— Обратитесь в обойный магазин, молодой человек, — ответил безжалостный редактор.

Джим пожал плечами и два последующих года лихорадочно работал над новыми сценариями, обильно уснащая их рисунками. Но, несмотря на все его старания, их ожидала та же участь. Неизвестно, что сталось бы с нашим романистом, если б однажды он не услышал безумного стука в свою дверь.

— Джим! — заорал спичечник Роллыс, влетая в каморку с газетой в руках. — Гляди, дурья башка!

В отделе объявлений жирным шрифтом стояло:

СРОЧНО,

УБЕДИТЕЛЬНО,

НАСТОЯТЕЛЬНО

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

БЫВШИЙ

НОСИЛЬЩИК БЛЯХА № 701

Для благосостояния своего собственного и вверенного ему младенца

Ольстрит **№ 92**

С газетой в руках Доллар побежал по указанному адресу. Он мечтал уже о найденных родителях, братьях и сестрах.

Жирный нотариус вышел к нему навстречу и, по проверке документов, после тщательного допроса Джима, ввел его во владение довольно-таки солидным наследством, ни единым словом не подняв завесы над тайной его происхождения.

Доллар был угрюм; он не радовался неожиданному богатству. Как это ни странно, но он даже не ушел со спичечной фабрики и первые полгода не прикасался к деньгам.

Однажды редактор «При-фикс-Бука» получил новую рукопись, испещренную забавными рисунками. Он посмотрел себе за спину — есть ли огонь в камине — и уже собрался отправить туда злополучную бумагу. Но из рукописи выпало письмо, а в письме было написано Джимом Долларом, что он предлагает издательству сумму, втрое возмещающую убытки по опубликованию его романа. Редактор пожал плечами и развернул рукопись. Через минуту он забыл обо всем на свете; дважды звонил телефон, входил секретарь, кашляла машинистка — он читал.

На другой день он сказал Джиму:

— Мы покупаем у вас роман. Одно условие: выбросьте рисунки.

— Я покупаю у вас все издание вперед и дарю вам его целиком с условием печатать рисунки, — ответил Джим.

Переговоры шли десять дней. Наконец «При-фикс-Бук» взялось за опубликование первой книги Доллара.

Наши читатели, по всей вероятности, знают, что книга разошлась в первые восемь дней и ныне выходит двадцать вторым изданием.

Не без тайного вздоха сказал как-то редактор Джиму Доллару:

— Вы отличный писатель, Джим, но, ей-богу, у вас

есть недостаток. Не сердитесь на меня: вы совсем некстати возомнили себя художником.

Доллар впервые услышал намек на негодность своих рисунков. Это уязвило его; он покраснел и надменно ответил:

— Если даже это и недостаток, он у меня общий с некиим Гёте.

К сожалению, он не перестал разрисовывать свои романы, ставя каждому издателю непременным условием воспроизведение этих рисунков. Нашим читателям мы предлагаем первый роман Джима Доллара «Месс-Менд, или Янки в Петрограде», вдохновленный русской Октябрьской революцией. Чтобы уяснить себе облик Доллара как романиста, следует помнить, что традиции его восходят к кинематографу, а не к литературе. Он никогда не учился книжной технике. Он учился только в кинематографе. Весь его романический багаж условен.

Сам американец, уроженец Нью-Йорка, он не дает ничего похожего на реальный Нью-Йорк. Названия улиц, местечки, фабрики, бытовые черты — все почти фантастично, и перед нами в романах Доллара проходит совершенно условный «экранный» мир. Он сказал как-то, что кинематограф — эсперанто всего человечества. Вот на этом общем «условном» языке и написаны романы Доллара.

Если свою, американскую, действительность Джим Доллар описывает фантастически, то можно себе представить, как далеки от реальности описания Советской России и других стран, упоминаемых в его романах и никогда им в жизни не виданных. Но глубокое чувство преклонения и восхищения перед Великой Октябрьской революцией приводит его сквозь все эти курьезы к настоящему чувству реальности нового мира, создающегося на Земле Советов.

23 ноября 1923 г.

М Ш.

МЕСС-МЕНД,
ИЛИ
ЯНКИ
В ПЕТРОГРАДЕ

РОМАН-СКАЗКА

ПРОЛОГ

— Ребята, Эптон Синклер — прекрасный писатель, но не для нас! Пусть он томит печень фабриканту и служит справочником для агитаторов, — нам подавай такую литературу, чтоб мы почувствовали себя хозяевами жизни. Подумайте-ка, никому еще не пришло в голову, что мы сильнее всех, богаче всех, веселее всех: дома городов, мебель домов, одежду людей, хлеб, печатную книгу, машины, инструменты, утварь, оружие, корабли, пушки, сосиски, пиво, кандалы, паровозы, вагоны, железнодорожные рельсы делаем мы, и никто другой Стоит нам опустить руки — и вещи исчезнут, станут антикварной редкостью. Нам с вами не к чему постоянно видеть свое отражение в слезливых фигурах каких-то жалких Джимми Хиггинсов и воображать себя несчастными, рабами, побежденными. Этак мы в самом деле недалеко уйдем. Нам подавай книгу, чтоб воспитывала смельчаков!

Говоря так, огромный человек в синей блузе отшвырнул от себя тощую брошюру и спрыгнул с читального стола в толпу изнуренных и бледных, внимательно слушавших его людей.

Дело происходит в Светоне, на металлургическом заводе Рокфеллера. Металлисты бастуют уже вторую неделю. Но не одни забастовщики пришли послушать необычного оратора. Зал, отданный местной библиотекой под собрание, набит битком. Здесь осторожные деревенские парни — батраки с ближних ферм; телеграфисты и диспетчеры станции Светон; множество ребят с ближайших заводов и фабрик, и даже тайком пробравшийся сюда с Секретного завода Джека Кресслинга молодой металлист Лори Лен.

— Ты сказки рассказываешь, Мик! — крикнул в спину оратору желтолицый ямаец Карло.

— Сказки? Зайди к нам на фабрику — посмотришь своими глазами. Я говорю себе: Мик Тингсмастер, не ты ли отец этих красивых вещичек? Не ты ли делаешь дерево узорным, как бумажная ткань? Не щебечут ли у тебя филенки нежнее птичек, обнажая письмена древесины и такие рисунки, о которых не подозревают школьные учителя рисования? Зеркальные шкафчики для знатных дам, хитрые лица дверей, всегда обращенные в вашу сторону, шкатулки, письменные столы, тяжелые кровати, потайные ящики — разве все это не мои дети? Я делаю их своею рукою, я их знаю, я их люблю, и я говорю им: «Эге-ге, дети мои, вы идете служить во вражеские кварталы! Ты, шкаф, станешь в углу у кровопийцы; ты, шкатулка, будешь хранить брильянты паучихи, — так смотрите же, детки, не забывайте отца! Идите туда себе на уме, себе на уме, верными моими помощниками...»

Тингсмастер выпрямился и обвел глазами толпу:

— Да, ребята. Одушевите-ка вещи магией сопротивления. Трудно? Ничуть не бывало. Замки́, самые крепкие, хитрые наши изделия, — размыкайтесь от одного нашего нажима! Двери пусть слушают и передают, зеркала запоминают, стены скрывают тайные ходы, полы проваливаются, потолки обрушиваются, крыши приподнимаются,

как крышки. Хозяин вещей — тот, кто их делает, а раб вещей — тот, кто ими пользуется!

— Эдак нам нужно знать больше инженера, — вставил старый рабочий. — Темному человеку не придумать ничего нового, Мик, он делает, что ему покажут, и баста.

— Ошибаешься! Влюбись в свое дело — и у тебя откроются глаза. Взгляните-ка на эти полосы металла. Ведь они дышат, действуют, имеют свой спектр, излучаются на человека, хоть и невидимо для врачей. Вы должны знать их действие, вы подвергаетесь ему десятки лет. Изучите каждый металл, пропитайтесь им, используйте его — и пусть он течет в мир с тайным вашим поручением и исполняет, исполняет, исполняет...

Тингсмастер удаляется; речь все глуше, большое бородатое лицо с прямыми белыми бровями над веселым взглядом меркнет мало-помалу — он скрылся; ему нужно взбодрить в Ровен-сквере бастующих телеграфистов, он уже далеко...

— Кто это был? — взволнованно спрашивает белокурый Лори Лен, металлист с Секретного, глядя вслед исчезнувшему оратору. — Черт побери, кто это был?

— Да сам ты откуда, если этого не знаешь? — послышалось со всех сторон.

А пожилой и медленный в движениях слесарь Виллингс, о котором известно было, что он набивает трубочку и двигается с явным подражанием Мику Тингсмастеру и даже пробует отпустить себе бороду точь-в-точь на такой же манер, наставительно произнес:

— Запомни и дальше не передавай! Это Микаэль Тингсмастер, с деревообделочной в Миддльтоуне. Он же токарь, слесарь, столяр — все, что тебе угодно; самый умный из нашего брата в Америке!

Глава первая

ДЖЕК КРЕССЛИНГ УЗНАЕТ НОВОСТИ

Маленький городок Миддльтоун утопает в высоких черных трубах, окружающих его со всех сторон и давно уже изгнавших из его центра всякое подобие зелени. На восточной его окраине, блестя светлыми стеклами, стоят корпуса деревообделочной фабрики Кресслинга. К железнодорожной станции каждые пять минут подходят товарные составы юго-восточной магистрали, акции которой на девять десятых принадлежат Джеку Кресслингу. С юга и севера город сжимают трубный, котельный, механический, гидротурбинный, автомобильный и прочие заводы Кресслинга. А на западе, за стальными щитами высокой ограды, прячется небольшой по размеру, но необыкновенно важный и дорогостоящий Секретный завод Кресслинга.

Болезненная любовь к рекламе и странное нервное беспокойство, снедающее миллиардера Кресслинга днем и ночью, не позволили ему сделать свой Секретный завод настолько секретным, чтобы о нем никто ничего не подозревал. Наоборот, вся пресса Америки только и знает, что строит догадки на его счет. Пишут о необыкновенных опытах, производимых на этом заводе, о связи его с отдаленными рудниками, нахождение которых, правда, не указывается, но зато упоминается о бывшей французской концессии в России и о том, что русская революция сильно отразилась на этой концессии; пишут о таинственной руде, будто бы найденной Кресслингом и обещающей сделать его властелином мира; пишут, и много пишут, о самом

Джеке Кресслинге, наиболее интересном миллиардере в семье американских долларовых вельмож.

Джек Кресслинг холост. Ему сорок лет. Он высокого роста, сухощав, плотно и хорошо подобран, брит, сероглаз, со щегольски прилегающими к его внушительному черепу коротко подстриженными и крепко приглаженными волосами, серо-пепельный цвет которых на десятки лет гарантирует ему неопределенный возраст, известный под термином «моложавость». Вопреки обычаю американских миллиардеров ничего не знать и ничему не учиться, не отличать Данта от Канта и поэта Колриджа от овсянки[1], Джек Кресслинг в молодости окончил Оксфорд, читает в подлиннике греческих поэтов и даже издал многолетний труд, под названием «Капитал как субстрат психоэнергии».

Если б не его упорное, принявшее характер мании увлечение политикой и подозрительная красота его личной секретарши, он был бы самым завидным женихом для дочерей «двухсот американских семейств».

Но еще больше, чем о Джеке Кресслинге, еще больше, чем о сотнях его заводов и фабрик, пишут газеты о правой руке Кресслинга, главном инженере его огромного заводского хозяйства, директоре Секретного завода и всему миру известном изобретателе мистере Иеремии Морлендере. Это именно Морлендер доискался до таинственной руды, это он делает на Секретном заводе что-то, обещающее Кресслингу господство над миром, это он построил для своего «босса» волшебную виллу «Эфемериду» в окрестностях Миддльтоуна и это он, как пишут газеты, разделяет ненависть Кресслинга к русской революции и России.

О том, что инженер Морлендер, по специальному заданию Джека Кресслинга, вот уже месяц, как уехал

[1] Игра на звуковом сходстве слов Coleridge — porridge.

в Восточную Европу, известно из газет. Но еще никто в Америке, не исключая и собственного сына Морлендера, Артура, не знает, что Иеремия Морлендер уже вернулся из своей секретной поездки.

Он прилетел на личном самолете Кресслинга, приземлился на широкой асфальтовой крыше одного из подсобных зданий виллы «Эфемериды»; движущимися лестницами опустился и поднялся в собственный кабинет Кресслинга и в отличном настроении сидит сейчас перед ним, подставив под вентилятор, предварительно зарядив его на аромат левкоя и жасмина, свое энергичное, загорелое крупное лицо.

Пока жужжит вентилятор, источая вместе с прохладой свой душистый запах, Джек Кресслинг нетерпеливо ходит взад и вперед по комнате, искоса поглядывая на своего подручного. Что-то в лице и чересчур затянувшемся молчании Иеремии Морлендера явно беспокоит миллиардера.

— Ну, — начинает он, остановившись перед изобретателем и топнув ногой, — выкладывайте!

— Ну, Джек, — отвечает тем же тоном Иеремия Морлендер, — сейчас выложу!

Круглые серые глаза Кресслинга, окруженные, как у птицы, желтыми ободками, уставились на инженера.

— Вас, наверно, удивит то, что я вам скажу, — начал Морлендер. — Вы знаете, я отдал вам на службу всю свою изобретательность. Я никогда не торговался с вами, не заботился о равной доле и тому подобное. Мы ведь когда-то вместе учились: вы — филологии, я — физике. Вы были моложе меня лет на десять. Но я поздно получил возможность учиться, и вы догнали меня. Помните наш первый разговор на пароходе «Аккорданс», когда мы оба, я — сын простого американца, вы — миллиардер, возвращались в Штаты?

— К чему это предисловие?

— Вы изложили мне тогда основные мысли вашей замечательной книги, и с той минуты я стал вашим человеком, Джек! Капитал аккумулирует человеческую энергию, каждый текущий счет, каждая чековая книжка — это скованные киловатты человеческих действий, сказали вы. Я, признаться, ничего тогда не понял и попросил объяснить. Вы пустились в объяснения. Белка тащит в нору орехи, которые не может съесть сразу. Муравей делает запасы на зиму. Всё на земле делает запасы: лист — в своих зернах хлорофилла, раковина — в своей жемчужине, камень — в своей руде, вода — в своей извести, а солнце — в углях, в нефти, в торфе. И человек тоже научился делать впрок для себя запасы энергии, он научился аккумулировать электричество. «А что́ же аккумулирует, собирает про запас энергию самого человека?» — спросили вы и сами ответили: «Человеческую энергию аккумулирует капитал». Я и тогда не совсем ясно понял и сконфуженно попросил объяснить подробнее...

— И я объяснил вам! — нетерпеливо воскликнул Кресслинг. — Я объяснил, и вы поняли. Человек запасает капитал... А что такое капитал, как не скрытые возможности миллионов дерзаний, желаний, страстей, власти! Вы держите его в банке, но деньги в банке — это растущая в раковине жемчужина ваших неограниченных возможностей проявить себя в мире! Вы переводите деньги в акции, но акции — это силосная башня вздымающихся в человеке страстей. Миллионы нищих гениев умерли неизвестными человечеству, потому что они были нищими. А я, капиталист, могу развернуть свою волю, свои таланты, прогреметь на весь мир, приобрести все, что хочу, повлиять на любой процесс, любое движение в мире, могу создать, могу взорвать, могу...

— Стойте! — воскликнул Морлендер. — Я и сейчас помню ваши тогдашние речи. Капитал продолжает вашу

силу и волю за пределы самого сильного человеческого хотения, он вытягивает ваши руки до тысяч километров, усиливает ваши мускулы до стихийной силы землетрясенья, — так ведь? Передаю вашими словами. Они захватили меня. Я повторял их всю свою жизнь. Рост аккумулированной человеческой энергии в миллиардах Джека Кресслинга! И, когда я уезжал в Россию, вы опять напутствовали меня, Джек... Вы посоветовали мне глядеть в корень советской экономики. Когда мы, капиталисты, бросаем золото на землю, сказали вы, оно вырастает золотом в три, четыре, десять, двадцать раз бо́льшим, чем брошено, и с ним растут личные возможности его хозяина. А коммунисты убили деньги, убили человеческие возможности. У них сколько ни бросай, столько и останется, — капитал не растет! У них человеческая психоэнергия, не имея запаса, однодневна, как век бабочки: на один короткий рабочий день, на один локоть длины человеческой руки, — вы помните? Я передаю точно, почти цитирую вас. Так вот, Джек... — Морлендер остановился.

— Продолжайте, — сказал Кресслинг странным тоном.

Инженер не заметил этого тона. Он не заметил и холодной, птичьей неподвижности глаз миллиардера, устремленных на него. Он был охвачен собственными мыслями, занимавшими его всю дорогу в самолете.

— Так вот, дорогой Джек, вы ошиблись — и я вместе с вами. Я месяц пробыл в стране большевиков. По вашим указаниям я изъездил эту страну в надежде вернуть концессию вашего друга Монморанси законным путем. Изучал и всякие другие пути. Присматривался ко всем лазейкам. Наблюдал людей... Джек, не обольщайтесь! Их творческие возможности куда больше наших! Пусть из мертвых денег у них не растут деньги, но зато вырастают заводы, мосты, машины, дороги, каналы, станции! Пусть

у них нет капитала, или, как вы его называете, «субстрата психической энергии», зато у них есть сама эта энергия — в неограниченном количестве! И в этой энергии накапливается у них тот самый растущий икс, тот дрожжевой грибок, который движет у нас деньгами, заставляя всходить капитал. Знаете ли вы, дорогой Джек, что это за грибок?

Морлендер слегка наклонился в сторону неподвижного Кресслинга. Он дотронулся рукой до его острых колен и заговорил доверительно-дружески, высказывая вслух свои затаенные мысли:

— Не лучше ли нам отказаться от нашего плана, а? Я думал в дороге... Аккумулированная энергия, субстрат — это вы верно. Только вот в чем дело: чья, Джек, чья энергия аккумулирована в капитале, чьей психоэнергии он субстрат? В том-то и дело, что не вашей, Джек, а вот этих самых масс, которые тут, в Миддльтоуне, и там, в каждом штате, работают на вас. А если так, при чем тут ваши персональные возможности? У большевиков, у каждого из них, у каждого рабочего в их стране, больше этих самых персональных возможностей, чем у нас с вами, — этот дрожжевой грибок, рост производительных сил, поднимается у них вместе с их собственной энергией.

Джек Кресслинг расхохотался.

То был резкий хохот, с повизгиванием на верхних нотах, и, хохоча, Кресслинг держал голову низко опущенной, чтоб собеседник не заметил вспыхнувшего в его глазах страшного, истерического бешенства. Нога его незаметно искала под столом и, найдя, надавила самую крайнюю педальку слева.

Тотчас в ответ на нажим педали дверь открылась, и в комнату заглянула необычайной красоты женщина, огненно-рыжая, с оливково-смуглым, ярким, как тропический цветок, лицом.

— Войдите, миссис Вессон, — произнес Джек Кресслинг. — Вы, как всегда, вовремя!.. Морлендер, то, что вы говорите, остроумно. Это надо обдумать. Мы обдумаем вместе. А пока — покурим и обсудим, что делать взамен концессии Монморанси.

Тем временем миссис Вессон неслышно скользнула в комнату. Змеиным движением она открыла дверцу шкафчика, отделанного перламутром, достала бутылку, графин, стаканы, сифон. Коробка, источавшая аромат табака, легла на стол. Морлендер протянул руку за сигарой.

— Кстати, где ваши чертежи, дружище? Вы понимаете — те самые... — спросил вдруг Кресслинг, как будто вспомнив что-то неотложное.

— У Крафта в сейфе, — с удивлением ответил Морлендер, зажигая свою гавану и с наслаждением затягиваясь ею. — Всё у Крафта. Перед отъездом, вы ведь сами знаете, я сдал ему наши технические расчеты, модель, формулы... Даже завещание успел... успел...

Он вдруг остановился.

Еще раз заплетающимся языком, сонно, словно отсчитывая буквы, протянул: «У-с-пе...» — и опустил голову на грудь.

— Заснул, — спокойно произнес Джек Кресслинг, вставая и глядя в глаза своей секретарше. — Он стал очень опасен. Нам нужно спрятать его и держать в тайнике. Его распропагандировали! Моего инженера распропагандировали! Завещание — черта с два! Элизабет, мы сделаем вас пока его законной вдовой... Запомните: вы тайно обвенчаны с ним. Он вам оставил по завещанию свои чертежи. И поскорей, поскорей — все это надо успеть в ближайшие два-три дня!

Глава вторая

В майское утро по Риверсайд-Драйв с сумасшедшей скоростью мчался автомобиль.

Молодой человек весь в белом, сидевший рядом с задумчивым толстяком, почти кричал ему в ухо, борясь с шумом улицы и ветра:

— Не успокаивайте меня, доктор! Все равно я беспокоюсь, беспокоюсь, беспокоюсь!

Толстяк пожал плечами:

— Я бы на вашем месте не делал слона из мухи. Мистер Иеремия слишком умный человек, Артур, чтобы с ним что-нибудь случилось.

— Но телеграмма, телеграмма, Лепсиус! Чем объяснить, что она от каких-то незнакомых лиц? Чем объяснить, что она не мне, а секретарше Кресслинга, этой бархатной миссис Вессон, похожей на кобру!

— Очень красивую кобру, — вставил, подмигивая, доктор.

— Черт ее побери! — вырвалось у Артура. — Вы знаете, как мы дружны с отцом, — ведь мы даже считываем мысли друг друга с лица, словно два товарища, а не отец и сын. Можно ли допустить, чтоб он поручил кому-нибудь телеграфировать о своем приезде на адрес Вессон, а не на наш собственный, не мне, не мне?.. Что это значит, что под этим скрывается?

— Адрес Вессон — это ведь адрес Кресслинга, Артур. А Кресслинг — босс. Мало ли что помешало мистеру

Морлендеру дать эту депешу лично! Он знал, что из конторы хозяина вас тотчас же известят, как это и произошло.

— Известят, известят... Чужой, противный, мурлыкающий голос по телефону, неприлично фамильярный тон, — какой я «Артур» для нее? Почему «Артур»? «Милый Артур, — как она смеет называть меня милым! — отец прибывает завтра на «Торпеде»... депеша от капитана Грегуара...» И вы еще уверяете, что не надо беспокоиться! Почему «отец», а не «ваш отец»? Кто, наконец, она такая, эта самая миссис Вессон?

— Мистер Иеремия ни разу не упоминал вам об этой ужасной женщине? — спросил толстяк. И, когда его сосед резко замотал головой, он незаметно пожал плечами.

Доктор кое-что слышал. Иеремия Морлендер, вдовевший уже пятнадцать лет, мужчина редкого здоровья и богатырской корпуленции. Слухи ходили, что он близок с какой-то там секретаршей. Возможно, с этой самой Вессон. Один сын, как всегда, ничего не знает о делах собственного отца.

Стоп! Шофер круто повернул баранку и затормозил Автомобиль остановился. Перед ними, весь в ярком блеске солнца, лежал Гудзонов залив, влившийся в берега тысячью тонких каналов и заводей. На рейде, сверкая пестротой флагов, белыми трубами и окошками кают-компаний, стояли бесчисленные пароходы. Множество белых лодочек бороздило залив по всем направлениям.

— «Торпеда» уже подошла, — сказал шофер, обернувшись к Артуру Морлендеру и доктору. — Надо поторопиться, чтобы подоспеть к спуску трапа.

Молодой Морлендер выпрыгнул из автомобиля и помог своему соседу. Толстяк вылез отдуваясь.

Это был знаменитый доктор Лепсиус, старый друг семейства Морлендеров. Попугаичьи пронзительные глаз-

ки его прикрыты очками, верхняя губа заметно короче нижней, а нижняя короче подбородка, причем все вместе производит впечатление удобной лестницы с отличными тремя ступеньками, ведущими сверху вниз прямехонько под самый нос.

Что касается молодого человека, то это приятный молодой человек — из тех, на кого существует наибольший спрос в кинематографах и романах. Он ловок, самоуверен, строен, хорошо сложен, хорошо одет и, по-видимому, не страдает излишком рефлексии. Белокурые волосы гладко зачесаны и подстрижены, что не мешает им виться на затылке крепкими завитками. Впрочем, в глазах его сверкает нечто, делающее этого «первого любовника» не совсем-то обыкновенным. Мистер Чарльз Диккенс, указав на этот огонь, намекнул бы своему читателю, что здесь скрыта какая-нибудь зловещая черта характера. Но мы с мистером Диккенсом пользуемся разными приемами характеристики.

Итак, оба сошли на землю и поспешили вмешаться в толпу нью-йоркцев, глазевших на только что прибывший пароход.

«Торпеда», огромный океанский пароход братьев Дуглас и Борлей, был целым городом, с внутренним самоуправлением, складами, радио, военно-инженерным отделом, газетой, лазаретом, театром, интригами и семейными драмами.

Трап спущен; пассажиры начали спускаться на землю. Здесь были спокойные янки, возвращавшиеся из дальнего странствования с трубкой в зубах и газетой под мышкой, точно вчера еще сидели в нью-йоркском Деловом клубе; были больные, едва расправлявшие члены; красивые женщины, искавшие в Америке золото; игроки, всемирные авантюристы и жулики.

— Странно! — сквозь зубы прошептал доктор Лепсиус, снимая шляпу и низко кланяясь какому-то красно-

лицему человеку военного типа. — Странно, генерал Гибгельд в Нью-Йорке!

Шепот его был прерван восклицанием Артура:

— Виконт! Как неожиданно! — И молодой человек быстро пошел навстречу красивому брюнету, постоянному клиенту конторы Кресслинга, опиравшемуся, прихрамывая, на руку лакея. — Вы не знаете, где мой отец?

— Виконт Монморанси! — пробормотал Лепсиус, снова снимая шляпу и кланяясь, хотя никто его не заметил. — Час от часу страннее! Что им нужно в такое время в Нью-Йорке?

Между тем толпа, хлынувшая от трапа, разделила их, и на минуту Лепсиус потерял Артура из виду.

Погода резко изменилась. Краски потухли, точно по всем предметам прошлись тушью. На небо набежали тучи. Воды Гудзона стали грязного серо-желтого цвета, кой-где тронутого белой полоской пены. У берега лаяли чайки, взлетев целым полчищем возле самой пристани. Рейд обезлюдел, пассажиры разъехались.

«Где же старый Морлендер?» — спросил себя доктор, озираясь по сторонам.

В ту же минуту он увидел Артура, побледневшего и вперившего глаза в одну точку.

По опустелому трапу спускалось теперь странное шествие. Несколько человек, одетых в черное, медленно несли большой цинковый гроб, прикрытый куском черного бархата. Рядом с ним, прижимая к лицу платочек, шла дама в глубоком трауре, стройная, рыжая и, несмотря на цвет волос, оливково-смуглая. Она казалась подавленной горем.

— Что это значит? — прошептал Артур. — Почему тут Вессон?.. А где же отец?

Шествие подвигалось. Элизабет Вессон, подняв глаза, увидела молодого Морлендера, слегка всплеснула руками и сделала несколько шагов в его сторону.

— Артур, дорогой мой, мужайтесь! — произнесла она с большим достоинством.

Молодой человек отшатнулся от нее, ухватившись за поручни трапа. Словно завороженный, он смотрел и смотрел на медленно приближавшийся гроб.

— Мужайтесь, дитя мое! — еще раз, над самым его ухом, послышался бархатный шепот миссис Вессон.

— Где отец? — крикнул молодой Морлендер.

— Да, Артур, он тут. Иеремия тут, в этом гробу, — его убили в России!

Миссис Элизабет проговорила это дрожащим голосом, закрыла лицо руками и зарыдала.

Скорбная процессия двинулась дальше. Лепсиус подхватил пошатнувшегося Артура и довел его до автомобиля. Набережная опустела, с неба забил частый, как пальчики квалифицированной машинистки, дождик.

Сплевывая прямехонько под дождь, к докам прошли, грудь нараспашку, два матроса с «Торпеды». Они еще не успели, но намеревались напиться. У обоих в ушах были серьги, а зубы сверкали, как жемчуга.

— Право, Дип, ты врешь! Право, так!

Но Дип не врал. Чего бы он ни отдал, да еще пять лет жизни в придачу, окажись только его собственные слова враньем.

Побледнев и оглядываясь, он хрипло зашептал:

— Черта с два вру! Ты сам слышал: «Убили в России!» — а гроб-то при мне—я был вахтенный — погрузили к нам темной ночью в Галифаксе... Скажи на милость, десять лет плаваю — ни разу не делали крюка, чтоб заходить в Галифакс! Пока я не залью ромом...

Остальное пропало в коридоре, ступеньками вниз, подвала «Океания»: «Горячая пища и горячительные напитки — специально для моряков». Нам с вами, читатель, не для чего туда спускаться, тем более что кто-то неопределенной и незапоминающейся наружности, с жесткими

кошачьими усами и кадыком на шее, с опущенными вниз слабыми руками, опухшими, как у подагрика, в сочленениях, уже спустился туда вслед за двумя матросами,

Глава третья

Быстрыми шагами, не соответствующими ни его возрасту, ни толщине, поднялся доктор Лепсиус к себе на второй этаж. Он занимал помещение более чем скромное Комнаты были свободны от мебели, окна без штор, полы без ковров. Только столовая с камином да маленькая спальня казались жилыми. Впрочем, за домом у доктора Лепсиуса была еще пристройка, куда никто не допускался, кроме его слуги-мулата и медицинских сестер. То был собственный стационар Лепсиуса, где он производил свои таинственные эксперименты.

Поднимаясь к себе, доктор казался взволнованным. Он танцевал всеми тремя ступеньками, ведущими к носу, бормоча про себя:

— Съезд, настоящий съезд! Какого черта все они съехались в Нью-Йорк? Но тем лучше, тем лучше! Как раз вовремя для тебя, дружище Лепсиус, когда твое открытие начинает нуждаться в дополнительных примерчиках, в проверочных субъектах... Тоби! Тоби!

Мулат с выпяченными губами и маленькими, как у обезьяны, ручками выскользнул из соседней комнаты. Лепсиус отдал ему шляпу и шапку, уселся в кресло и

несколько мгновений сидел неподвижно. Тоби стоял, как изваяние, глядя в пол.

— Тоби, — сказал наконец Лепсиус тихим голосом, — что поделывает его величество Бугас Тридцать Первый?

— Кушает плохо, ругается. На гимнастику ни за что не полез, хоть я и грозил пожаловаться вам.

— Не полез, говоришь?

— Не полез, хозяин.

— Гм, гм... А ты пробовал вешать наверху бутылочку?

— Все делал, как вы приказали.

— Ну, пойдем навестим его... Кстати, Тоби, пошли, пожалуйста, шофера с моей карточкой вот по этому адресу.

Лепсиус написал на конверте несколько слов и передал их мулату. Затем он открыл шкаф, достал бутылочку с темным содержимым, опустил ее в боковой карман и стал медленно спускаться вниз, на этот раз по внутренней лестнице, ведущей к тыловой стороне дома.

Через минуту Тоби снова догнал его. Они миновали несколько пустых и мрачных комнат со следами пыли и паутины на обоях, затем через небольшую дверку вышли на внутренний двор. Он был залит асфальтом. Высокие каменные стены справа и слева совершенно скрывали его от уличных пешеходов. Нигде ни скамейки, ни цветочного горшка, словно это был не дворик в центральном квартале Нью-Йорка, а каменный мешок тюрьмы. Шагов через сто оба дошли до невысокого бетонного строения, похожего на автомобильный гараж. Дверь с железной скобой была заперта тяжелым замком. Только что Лепсиус собрался вставить ключ в замочную скважину, как позади него, со стороны главного дома, раздался чей-то голос.

Лепсиус нервно повернулся:

— Кто там?

— Доктор, вас спрашивают! — надрывалась экономка в белом чепце, красная как кумач. — Вас спрашивают, спрашивают, спрашивают!

Мисс Смоулль, экономка доктора, была глуховата — очень незначительное преимущество у женщины, не лишенной употребления языка.

— Кто-о? — растягивая звуки, крикнул Лепсиус.

— Хорошо! — ответила ему мисс Смоулль, усиленно закивав головой.

И тотчас же некто, бедно одетый, странной походкой направился через дворик к Лепсиусу.

— Черт побери эту дуру! — выругался про себя доктор. — Держишь ее, чтоб не подслушивала, а она знай гадит тебе с другого конца... Кто вы такой, что вам надо? — Последние слова относились к подошедшему незнакомцу.

— Доктор, помогите больному, тяжело больному! — сказал незнакомец, едва переводя дыхание.

Лепсиус посмотрел на говорившего сквозь круглые очки:

— Что с вашим больным?

— Он... на него упало что-то тяжелое. Перелом, внутреннее кровоизлияние, одним словом — худо.

— Хорошо, я приду через четверть часа. Оставьте ваш адрес.

— Нет, не через четверть часа. Идите сейчас!

Доктор Лепсиус поднял брови и улыбнулся. Это случалось с ним очень редко. Он указал мулату глазами на дверь стационара, передал ему ключ и двинулся вслед за настойчивым незнакомцем.

Только теперь он разглядел посетителя как следует. Это был невысокий бледный человек с ходившими под блузой лопатками, со слегка опухшими сочленениями рук. Глаза у него были впалые и разбегающиеся, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие жесткие кошачьи усы; на шее болтался кадык.

— Вот видите, только перейти улицу, — лихорадочно твердил он доктору, приближаясь к высочайшему небо-

скребу коммерческого типа, — только и всего, экипажа не надо... — Видно было, что его стесняет каждый шаг, сделанный доктором, и он охотно ссудил бы ему для этого свои собственные ноги.

Доктор Лепсиус начал удивляться. Перед ним было отделение Мексиканского кредитного банка, не имевшее ничего общего с жильцами квартиры.

— Куда вы меня тащите? — вырвалось у него. — Тут контора и банк. Все закрыто. Где тут может быть больной!

— У привратника, — ответил незнакомец, быстро отворяя боковую дверку и пропуская доктора в светлую маленькую комнату подвального этажа.

Здесь действительно находился больной. Это был огромный мужчина, видимо только что принесенный сюда на носилках и сброшенный прямо на пол. Он был прикрыт простыней. Над ним склонялись двое: седой, важного вида старик в торжественном мундире банковского швейцара и старуха, сухая, маленькая, остроносая, плакавшая навзрыд.

Незнакомец быстро снял с раненого простыню и подтолкнул к нему доктора. Лежавший человек был буквально искромсан. Грудь его сильно вдавлена и разбита, ребра сломаны, живот разорван, как от нажима гигантского круглого пресс-папье, оставившего ему в целости лишь конечности и голову. Он отходил.

— Я тут ничего не могу сделать, — отрывисто произнес доктор, с изумлением глядя на умирающего. — Он уже в агонии, к великому для него счастью.

— Как! И, по-вашему, его нельзя заставить заговорить? — вскрикнул незнакомец. — Он не произнесет больше ни слова, даже если вернется сознание, а? — Он смотрел на доктора странными, разбегающимися глазами.

— Нет, — ответил доктор, — сознание не вернется, он умирает... умер. Он ваш родственник?

Но, к его удивлению, незнакомец, не дослушав даже вопроса, быстро повернулся и выбежал из комнаты. Старики, склонившиеся над мертвецом, плакали.

Лепсиус только теперь увидел, что несчастный был матрос. На рукаве его синей куртки была нашивка с якорем и крупной прописью: «Торпеда».

Доктор невольно вздрогнул. Он тронул за плечо плакавшую старуху:

— Голубушка, кто этот бедняжка?

— Сын мой, сыночек мой, Дип-головорез, — так его звали на пароходе... Ох, сударь, что это за день! Ждали мы его из-за моря, а вместо этого дождались из-под камня... Океан не трогал его, голубчика, а в городе, среди бела дня... ох-охо-хо!

— Как это случилось?

— Да говорили нам, что он шел из кабачка, а сверху, с виадука, оторвался кусок плиты и придавил его, как букашку. И рта не разинул. И принесли, так не кричал.

— Кто ж его принес? Вот этот человек, что сейчас вышел?

— Принесли полицейские с матросами. А этот, сударь, нам незнаком — должно быть, от доброты сердца сжалился. Сам и за доктором вызвался сходить и все беспокоился, не скажет ли Дип, сыночек наш, последнего слова... Верно, вы его знаете, так скажите ему от нас, стариков, спасибо.

— Хорошо, хорошо. Надо теперь вызвать полицейского врача, — ответил Лепсиус и вышел из привратницкой.

«Странно! — сказал он себе самому. — Множество странностей в один день... Приходит «Торпеда» и привозит с собой политическую публику — странность номер первый. На той же «Торпеде» нам доставляется мертвый Морлендер — странность номер второй. И вот, наконец, матрос с «Торпеды», умерший ни с того ни с сего, от камня, слетевшего с виадука. А страннее всего — неведомый

человек, с виду простой рабочий, которому, видите ли, непременно нужно узнать, сможет ли раздавленный матрос говорить. Будь я немножко свободнее, я занялся бы этими странностями на досуге, позадумался бы с трубочкой. Но теперь...»

Теперь у доктора Лепсиуса была своя собственная странность — номер пятый, и совершенно очевидно, что она оттесняла другие.

Придя в свою спальню и включив электричество, доктор со вздохом облегчения скинул смокинг. Мулат расшнуровал ему ботинки и надел на ноги вышитые турецкие туфли.

— Шофер возвратился? — спросил доктор.

Мулат молча протянул ему конверт. «Генерал Гибгельд просит доктора Лепсиуса пожаловать к нему между 7 и 8 вечера...»

Доктор поднял к очкам полную руку с браслеткой. Дамские часики с крупным, как горошина, брильянтом показывали без четверти семь.

— Черт возьми, ни отдыха, ни спокойствия! Его величество Бугас Тридцать Первый будет опять дожидаться своей бутылочки до глубокой ночи... Тоби, постарайся угостить его какими-нибудь сказками, чтоб он не заснул до моего прихода.

Полчаса доктор сидит, протянув ноги на решетку холодного камина. Он отдыхает молча, сосредоточенно, деловито, как спортсмен или атлет перед выступлением. Дышит то одной, то другой ноздрей, методически прикрывая другую пальцами. Не думает. Натер виски одеколоном пополам с каким-то благовонным аравийским маслом. Но вот полчаса проходит. Бессмысленное выражение лица становится снова остро внимательным, лукавым. Большие очки бодро поблескивают. Туфли сбрасываются: снова смокинг, ботинки, шляпа, все по порядку, палка — в руку, бумажник и трубочка — во внутренний карман, —

доктор Лепсиус освежился, он готов для нового странствования, быть может снабжающего его фактами, фактиками, проверочными субъектами для чего-то такого, о чем мы никак не можем догадаться, тем более что мулат Тоби, преспокойно пропустив мимо ушей распоряжение доктора, а за воротник — две-три рюмочки, лег спать на холодную циновку в полупустой комнате, и не подумав навестить таинственного Бугаса.

Глава четвертая

НАЧИНАЮЩАЯСЯ С МЕЖДОМЕТИЙ

— Ай, ай!

— О господи!

— О-ой! Ой!

Такими возгласами встретила верная челядь тело Иеремии Морлендера. Старая негритянка Полли, няня, вы́ходившая массу Иеремию и мастера Артура, одна не плакала — и это было тем удивительнее, что она-то и любила хозяина по-настоящему. Круглыми глазами, не мигая, смотрела она на цинковый гроб, теребя в руках серенький камешек-талисман. Не мудрено, что швейцар, не утерпев, сделал ей замечание, правда почтительное — негритянки на кухне побаивались:

— Что же это вы, Полли, как будто ничего?..

— Дурак, — ответила спокойно Полли и так-таки не проронила ни слезинки.

Наверху, в будуаре покойной матери Артура, к вели-

чайшему изумлению и гневу этого последнего, водворилась почему-то миссис Элизабет Вессон.

Пересиливая свою скорбь и ненависть, Артур Морлендер решительными шагами поднялся по лестнице.

В этой комнате он не был лет пять. Она давно была заперта, и все эти годы с улицы можно было видеть тяже лые спущенные шторы на окнах. К изумлению Артура, вместо спертого запаха от ковров и шелков, вместо потускневшего лака и изъеденной молью обивки все в этой старой, запущенной комнате было обновлено и освежено. Веселые, светлые занавеси на окнах, мебель — совсем не похожая на прежнюю, стоявшую здесь уже пятнадцать лет, зеленые растения в кадках, хорошенький рабочий ящик и книжный шкаф с последними новинками. Никто, кроме старого Морлендера, не имел доступа в эту комнату: ключ висел у него на цепочке от часов вместе с брелоками. Было ясно, что Иеремия Морлендер сам приготовил ее для новой жилицы.

Словно отвечая на эти мысли, Элизабет Вессон подняла красивую голову и взглянула на Артура:

— Как видите, ваш отец ждал меня. Он так внимательно пошел навстречу всем моим простым вкусам. Жаль только, что не предупредил сына о нашем браке...

Достав из сумочки вчетверо сложенный листок, она протянула его Морлендеру:

— Взгляните, Артур, — наше брачное свидетельство. Мне тяжело говорить об этом сейчас, но еще тяжелее видеть ваше изумление и недоверие. При всей силе и твердости характера Иеремии, при всей его пламенной любви ко мне, он, видимо, не решился рассказать вам о вашей мачехе.

Она вздохнула и опустила голову. По щекам ее поползли слезинки. Ничто в этой красивой и печальной женщине, державшей себя удивительно спокойно, не напоминало ни самозванки, ни авантюристки. И все-таки Артур

Морлендер задыхался от ненависти. То был удар — удар по его сердцу, самолюбию, уважению к отцу. Даже горе его было словно отравлено изрядной дозой уксуса и перца. От красоты до бархатного голоса — каждая черта, каждое движенье этой женщины вызывали в нем приступ бешенства, похожего на морскую болезнь.

— Я пришел сказать, что уезжаю из этого дома, — произнес он таким шипящим голосом, что сам не узнал его. — Но, прежде чем уйти отсюда, я намерен услышать подробности смерти отца, о которых вы, видимо, осведомленнее меня.

Элизабет Вессон встала. Что-то сверкнуло ответно в ее иссиня-черных глазах с узкими, словно точки, зрачками.

— Мне хотелось мира с сыном Иеремии, — медленно начала она, — я была готова предложить ему гостеприимство и часть оставленных мне средств, потому что, узнайте всю правду, мистер Морлендер, ваш отец завещал мне этот дом, и все свои сбережения, и чертежи своего изобретения... Но к такому непристойному тону...

— Чертежи своего изобретения? — воскликнул Артур.

— Да, чертежи своего изобретения. Хотите видеть завещание? Показать вам и его, как я показала брачное свидетельство?

— Завещание отца хранится у нотариуса Крафта!

— Иеремия написал новое в России. Капитан «Торпеды» передал мне его вместе с вещами покойного.

— Я вызову старого Крафта и прочту новое завещание вместе с ним.

Крафт был давнишним нотариусом семейства Морлендеров. Артур кинулся к столику с телефоном. Пока его пальцы автоматически набирали номер, он думал, думал, пытаясь понять поведение отца. Гипноз? Обман? Преступление?

— Алло! 8-105-105! Дайте нотариуса Крафта. Как?.. Но когда же? Только что? Боже мой, боже мой!

Он положил трубку и повернулся к женщине:

— Его только что принесли домой с проломленным черепом. Шофер был пьян и разбил машину...

Новая миссис Морлендер не реагировала на это слишком горячо — она почти не знала Крафта. Но Артур был так подавлен, что на минуту почувствовал себя беспомощным. Лучший друг отца! Можно сказать, единственный! Знавший его как свои пять пальцев...

Слуга вошел и доложил о приходе доктора Лепсиуса. Артур кинулся ему навстречу.

Доктор подвигался не спеша. На лице его была приличествующая случаю скорбь.

— Дорогой мистер Артур, меня вызвали к генералу Гибгельду, но по дороге я решил заглянуть и к вам... Миссис Вессон, утром мне не удалось поздороваться с вами...

— Миссис Морлендер, — тихонько поправила она Лепсиуса.

— Я рад вам, доктор, — коротко перебил ее Артур. — Я прошу вас вместе со мной прочесть новое завещание отца.

— Новое завещание? Иеремия Морлендер, сколько помнится, написал одно до своего отъезда в Россию.

— А там написал второе... — вмешалась мачеха Артура, и слезы опять показались у нее на глазах.

Она встала, отперла шкатулку, стоявшую перед ней на столике, и протянула Артуру пакет, где с соблюдением всех формальностей, на гербовой бумаге было написано завещание Морлендера.

Артур и Лепсиус, приблизив друг к другу головы, прочли его почти одновременно.

Это был странный документ, составленный в патетическом тоне. В нем говорилось, что всему миру грозит опас-

ность коммунизма. Поэтому он, Иеремия Морлендер, в случае своей смерти завещает свое последнее изобретение на священную войну против коммунистов. Хранительницей его чертежей он делает дорогую свою жену Элизабет, по первому мужу Вессон. Все состояние и дом в Нью-Йорке он безоговорочно завещает ей же, поскольку сын Артур в том возрасте, когда может сам себя прокормить. Далее следовала подпись Морлендера и двух свидетелей.

Лепсиус одним взглядом охватил содержание документа и невольно воскликнул:

— А где же Крафт? Это надо первым делом показать Крафту.

— Он умер.

— Умер?

— Несчастный случай с автомобилем, — вставила мачеха Артура.

Лепсиус прикусил нижнюю губу. Кое-что, готовое сорваться у него с языка, было мудро подхвачено за хвостик и водворено обратно, в глубину молчаливой докторской памяти.

— Да... — сказал он. — Вы разорены, Артур.

— Все, что принадлежит мне, — к его услугам, — вмешалась миссис Морлендер, — все, кроме, разумеется, чертежей, завещанных на святую цель. Я убеждена, что Иеремия составил это завещание под впечатлением увиденного в России. Он был наблюдательный и острый человек. И, может быть, из-за того, что он увидел, коммунисты убили его.

Она произнесла это так просто и убедительно, что мысли Артура мгновенно приняли другое направление.

— Клянусь, я отомщу убийцам! — воскликнул он, невольно вкладывая в эти слова все, что пережил за последние несколько часов. — Отомщу — или не вернусь живым, как отец!

Лепсиус несколько мгновений смотрел на него, потом взял шляпу.

— От всего сердца, Артур, желаю вам успеха, — произнес он медленно.

Лепсиус поцеловал руку вдове и двинулся к выходу, храня на лице все такое же наивно-скорбное выражение.

Но на лестнице лицо его мгновенно изменилось. По трем ступенькам к носу взбежал фонарщик, заглянул ему под стекла очков и сунул туда зажженную спичку. Глаза Лепсиуса положительно горели, как уличный газ, когда он пробормотал себе под нос:

— Или я дурак и слепец, или это не подпись Морлендера!

Он вышел на улицу, где в нескольких шагах дожидался автомобиль, но тут ему пришлось остановиться. Чья-то черная, худая рука схватила его за палку. Старушечий голос произнес:

— Масса Лепсиус, масса Лепсиус!

— Это ты, Полли? Что тебе надо?

— Вы большой хозяин, масса Лепсиус? Вас станут много слушать?

— В чем дело?

— Черная Полли говорит вам: прикажите открыть гроб мастера Иеремии, прикажите его открыть!

— Что взбрело тебе в голову, Полли?

Но негритянки уже не было. Лепсиус посмотрел по сторонам, подождал некоторое время, а потом быстро сел в автомобиль, приказав шоферу ехать в отель «Патрициана».

Он ни о чем не думал в пути. У доктора Лепсиуса правило: никогда не думать ни о чем в краткие минуты передышки.

ОТЕЛЬ „ПАТРИЦИАНА“

Надо вам сказать, что хозяин «Патрицианы», богатый армянин из Диарбекира, по имени Сетто, имеет только одну слабость: он не пьет, не курит, не изменяет жене, но он бессилен перед своей страстью к ремонту. Должно быть, отдаленные предки Сетто были каменщиками. Каждую весну, при отливе иностранцев из своего отеля, Сетто начинает все ремонтировать, снизу и доверху. Он перелицовывает мебель, штукатурит, красит, меняет дверные фанеры, лудит, скребет, чистит, мажет, разрисовывает. Это равносильно лихорадке в 40°. Что хотите делайте с ним, а он непременно затеет ремонт на всю улицу, заставляя чихать нью-йоркских собак.

Многие скажут, что это звучит плебейски и не согласуется с названием гостиницы. Они правы. Но диарбекирец тут ни при чем: он не хотел иметь гостиницы, не хотел называть ее «Патрицианой» и не хотел предназначать ее для знатного люда. Это вышло роковым образом. Когда Сетто с женой и детьми и большим запасом столярных инструментов, а также армянских вышивок эмигрировал из Диарбекира в Америку, пароход наскочил на плавучую мину, и множество пассажиров потонуло. Среди несчастных, барахтавшихся в воде, был человек в тяжелых, как подковы, и блестящих, как солнце, эполетах, утыканных золотыми позументами. Отяжелев под ними, он уже собрался тонуть, как вдруг, подняв глаза, увидел над собой целую эскадрилью больших желтых круглых тыкв. Они плыли, а за ними как ни в чем не бывало, поджав ноги,

плыло все семейство диарбекирца, перебрасываясь мирными замечаниями насчет погоды.

— Спасите меня! — крикнул им утопающий.

Сетто пристально посмотрел на жену. Та кивнула головой и произнесла по-армянски:

— Спаси человека однажды, а бог спасет тебя дважды.

— Это хороший процент, — ответил Сетто и кинул незнакомцу пару великолепных пустых тыкв.

Незнакомец — бывший президент одного из крохотных государств, только что изгнанный своим народом, — благодарно ухватился за тыквы и поплыл, благословляя судьбу. Так они носились три дня, подкрепляясь глотками рома и месивом из муки «Нестле», хранившихся в жестянке на груди у диарбекирца. Вот в эти-то часы морского существования недоутопший и обещал своему спасителю построить для него чудесную гостиницу в Нью-Йорке, с одним непременным условием: чтоб она принимала только экс-коронованных особ, экс-министров и экс-генералов и была названа в честь этой благородной публики «Патрицианой». Диарбекирец согласился. Их подобрали на четвертые сутки, и каково же было удивление Сетто, когда его морской попутчик сдержал свое обещание! Таким-то образом Сетто из Диарбекира стал хозяином отеля «Патрициана».

Он свято выполнял условие. Ни один простой смертный, ни один честный труженик не имел права остановиться в его гостинице. Зато любой «бывший» — беглый президент или свергнутый принц, все состояние которого заключалось в одних серебряных позументах, не говоря уже о чисто опереточном воинстве побитых где-то армий, состоявшем из многочисленных атосов, портосов и арамисов, желавших сражаться по найму, — имел к нему неограниченный доступ. Несчастный диарбекирец выручал очень мало со своей гостиницы. Он зарабатывал на сторо-

не торговыми оборотами. Часто случалось, что знатные постояльцы просили у него взаймы. Он терпел и сносил это безропотно. Только однажды жена услышала от него слово гнева: войдя к ней в комнату, он внезапно снял со стены икону, изображавшую святую Шушаник, и повернул ее лицом к стене.

— Что ты делаешь, несчастный! — воскликнула жена.

— Пусть они там наверху поучатся сведéнию баланса и двойной бухгалтерии, — ответил Сетто. — Я ждал от бога сто на пятьдесят, а он вместо этого заставляет меня спасать знатных беглецов уже не единожды, а восемьдесяттысяччетырежды.

Так вот, с наступлением весны этот самый Сетто задумал опять на досуге отдаться своей страсти и приступил к ремонту. «Рабочий союз для производства починок по городу Нью-Йорку» получил от него срочный заказ и тотчас же выслал ему армию квалифицированных маляров, кровельщиков, штукатуров, обойщиков, водопроводчиков, канализаторов и трубочистов.

Только-только приступили они к работе, как автомобиль доставил в «Патрициану», к истинному бешенству Сетто, двух знатных господ: генерала Гибгельда и виконта де Монморанси.

Как назло, комнаты, предназначавшиеся для них, были в ремонте.

— Ничего, хозяин, — сказал пожилой слесарь, приводивший в порядок замки в № 2 А—Б, — не трудите себе головы. Пусть их въезжают, а я уж при них докончу. Тут работы самое большее на часок.

И, пока знатные господа сидели за табльдотом, слесарь, как обещал, со всеми своими инструментами направился в апартаменты бельэтажа, носившие затейливую нумерацию 2 А—Б и состоявшие из анфилады больших парадных комнат со всеми решительно удобствами,

вплоть до самостоятельной междугородной телефонной станции и почтового отделения.

Захлопнув за собой дверь, слесарь Виллингс первым долгом поставил корзинку с инструментами на пол, а потом набил и закурил трубочку точь-в-точь так, как это проделывал Микаэль Тингсмастер. Затянувшись разок-другой, он, к моему собственному удивлению, вместо того чтоб начать ремонт, сделал прыжок. Потом остановился и прислушался — ни звука. Тогда Виллингс сделал еще один пируэт, нажимая пятками на какую-то невидимую нам точку, и тотчас же квадратный кусок паркета под ним зашевелился, поднялся и стал ребром поперек комнаты, открыв черную дыру вниз.

— Менд-месс! — шепотом сказал слесарь, наклонившись к дыре.

— Месс-менд! — тотчас же послышалось оттуда, и в отверстии показалась голова водопроводчика Ван-Гопа. — Это ты, Виллингс? Я тут чиню трубы. А ты что делаешь?

— Исправляю замки. Скажи, пожалуйста, Ван-Гоп, у тебя там, внизу, на всех вещах есть клеймо Мик-Мага?

— Почти на всех, Виллингс. Только обойная фабрика из Биндорфа подкузьмила. Ребята на ней еще не записались в наш союз, у них вещи не согласованы с нашими. Обидно это — тут ведь за обоями дверь с клеймом прямехонько в верхний номер русского князька, а обои не слушаются.

— Надо бы нажать на Биндорф. Предупреди Мика Тингсмастера. Да смотри, Ван-Гоп, не выходи из трубы до завтра. Должно быть, будут интересные передачи.

После этого Виллингс закрыл паркет и, весело посвистывая, принялся осматривать замки. Он делал это в высшей степени странным образом. Так, он брал лупу и внимательно глядел через нее на шейки замков, на бородки ключей, на дверные, комодные, шкафные скобки и всякий

раз одобрительно кивал головой. Заглянув с ним вместе, я вижу в лупу только две микроскопические буквы, стоящие одна внутри другой, мелкие, как инфузории:

M
M

И больше ничего.

Закончив осмотр, Виллингс крепко запер ключом одну из дверей, подошел к ней и, не вынимая ключа, провел ногтем по какой-то невидимой полоске. Дверь тотчас же тихо открылась, хотя ключ по-прежнему торчал в замке.

— Менд-месс! — позвал кто-то громко из стены.

— Месс-менд! — поспешно ответил Виллингс.

Стена раздвинулась, и с куском штофной материи в руках в комнату вошел обойщик. Лицо его было встревожено:

— Виллингс, дай немедленно знать по всей линии! Тут что-то готовится. Только что с экспрессом из Сан-Франциско приехал экс-президент Но-Хом. С доков звонили, что ожидается лорд Хардстон. Это неспроста. Я думаю, нам пора кончить починку, тут все до последнего в порядке.

— Ван-Гоп говорил насчет обоев...

— Да, это нам помешает слышать, что делается у русского и в смежном с ним номере. Ну, да не беда. Поставь, брат, часовых и выбирайся отсюда поскорей.

Оба немедленно вошли в стену и бесшумно очутились в комнате телефонистки, мисс Тоттер. С ней они обменялись все тем же таинственным приветствием, а потом вышли из боковой двери и попали прямехонько на шумную улицу.

Тем временем генерал Гибгельд и виконт де Монморанси, благополучно покончив с длинным обедом и запив его чем следует, закурили и, тихо переговариваясь, пошли к себе, в общие апартаменты № 2 А—Б.

Глава шестая

ЗАСЕДАНИЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО

Генерал Гибгельд вошел в комнату первым. Он нетерпеливо прошелся раза два из угла в угол, пока виконт с трудом не опустился в кресло. Потом подошел к двери, выглянул в коридор, запер ее и вернулся к виконту:

— Знаете ли вы, без лишних слов, как обстоят наши дела?

— Столько же, сколько и вы, генерал, — томно ответил Монморанси. — Я, как вы знаете, ненавижу всякую идеологию. Мне действуют на нервы рассуждения нашего патрона Кресслинга. Если б не доллары, фунты и франки, которыми он их сопровождает...

— Напрасно, виконт...

— Не трясите так пол — это передается креслу и вибрирует в моем позвоночнике, — укоризненно произнес француз

— Напрасно, виконт, вы не хотите прислушаться к теории Джека Кресслинга. Это самая подходящая теория в мире хаоса и анархии, каким становится наша неприятная планета.

— Довольно того, что он платит нам и собирается посадить нас обратно — правителями наших стран. Я совершенно согласен с тем, что правителей сажают свыше, — власть, как говорит церковь, от бога. И если ему удастся насадить всюду правительства, подобные божьему промыслу, и они будут держаться...

— ...железной рукой! — прервал генерал, звякнув галунами.

— ...то у Кресслинга будет могучая опора против этих пошлых людей, именуемых коммунистами.

— Тсс! — прошептал генерал.

В дверь постучали. Лакей принес на подносе карточку русского вельможи, князя Феофана Ивановича Оболонкина. Князь жил уже третий год в Нью-Йорке, занимая комнату № 40 во втором этаже, и все счета, получаемые им, посылал главе русского эмигрантского правительства в Париже, содержавшему своих «придворных» и «дипломатических представителей». Злые языки, впрочем, уверяли, что в Берлине, Риме, Мадриде и Лондоне также имеются правящие династии русского престола и что дипломатический корпус имеет тенденцию к постоянному приросту населения, но это уже относится к области статистики, а не беллетристики.

Генерал посмотрел на карточку и утвердительно кивнул лакею. Дверь снова отворилась, и на этот раз в комнату влез боком крошечный старикашка с моноклем в глазу, красным носом и дрожащими ножками, сильно подагрическими в суставах.

— Мое почтение, Гибгельд! Добрый вечер, виконт! Поздравляю с приездом. Очень, очень рад. Газеты, знаете ли, стали какими-то неразборчивыми. Перепутали день тезоименитства его величества, самодержца всея Тульской губернии Маврикия Иоанновича со спасением на суше и на водах генерала Врангеля, и я из-за этого должен был опоздать к вам: с самого утра принимаю депутации.

— Как? — рассеянно переспросил генерал. — Маурикий? А, да, да, Тульская губерния! Это претендент группы народных сепаратистов, известной под именем «Россия и самовар». Знаю, знаю. Садитесь, князь, вы ничуть не опоздали. Мы поджидаем еще кой-кого...

— Кстати, — промямлил виконт, — милейший Оболон-

кин, ваш сосед перед отъездом не дал вам никаких поручений?

— Вы говорите о синьоре Грегорио Чиче? Нет, он только сообщил, что непременно появится в нужную минуту. — С этими словами Феофан Иванович потянулся к столику, где у генерала лежали гаванские сигары.

— Странный человек этот Чиче! — понизив голос, заговорил виконт. — Уезжает и возвращается, как волшебник, ни разу не пропустив важной минуты. Никому не отдает отчета, вертит Кресслингом и каждым из нас как хочет.

— Он великий гипнотизер, — заметил генерал, — он необходим Кресслингу.

— Да-с, крепкий человек. Насчет дамского пола — можете быть уверены, я слежу — крепость необычайная и полнейший нейтралитет, — вмешался князь Феофан, — не то что банкир Вестингауз. Этот в ваше отсутствие... вы прямо-таки не отгадаете!

— Чем отличился Вестингауз? — спросил виконт.

Но Феофану Ивановичу не суждено было высказаться. Дверь снова раскрылась, впустив на этот раз в комнату доктора Лепсиуса.

Здесь читатель, во избежание обременительных церемоний, сам может вставить «здравствуйте», «как поживаете» и прочие фразы, принятые в общении между цивилизованными людьми. Я пропускаю все это и начну с того, как доктор Лепсиус, согласно своей профессии, стал орудовать инструментами.

Каждый доктор должен иметь: трубочку, молоточек, рецептную книжку, часы, щипчики для языка и — желательно — электрический фонарик с головным обручем. Все это у Лепсиуса имелось. Все это он извлек и приступил к делу.

— Давненько я вас не слушал, ваше превосходительство, — бормотал Лепсиус. — Пульс хорош, так, так...

Цвет лица мне не нравится, шея тоже. А скажите, пожалуйста, как обстоит с теми симптомами, которые удручали вас в прошлом году?

— Вы говорите о позвоночнике? Да, они не утихают, доктор. Я бы хотел, чтобы вы ими занялись.

— Позвоночник, черт его побери! — вмешался де Монморанси. — Вот уж с месяц, как меня изводит эта беспричинная хромота, почему-то вызывающая боль в позвоночнике. Посмотрите и меня, Лепсиус.

Глазки доктора под круглыми очками запрыгали, как фосфорические огоньки Все три ступеньки, ведущие к носу, сжались взволнованным комочком. Он вскочил, впопыхах едва не рассыпав инструменты:

— Я должен осмотреть вас. Необходимо раздеться. Выйдемте в соседнюю комнату.

— Вот таков он всегда! — со вздохом сказал Гибгельд, когда виконт и Лепсиус скрылись за дверью. — Чуть дело коснется позвоночника, или, точнее, седалищного нерва, наш доктор на себя не похож — волнуется, мечется, раздевает больного и прелюбопытно его осматривает Когда нет причин для осмотра, он их выдумывает из головы. Я видел трех турецких беев, претендентов на возрождение Османской империи, которых он ухитрился осмотреть ни с того ни с сего, под предлогом какой-то болезни...

Между тем в соседней комнате виконт де Монморанси лениво предоставил доктору Лепсиусу изучать свою обнаженную спину. Толстяк был совершенно вне себя. Он пыхтел, прыгал, как кролик, вокруг больного, бормотал что-то по-латыни и, наконец, весь замер в созерцании.

На что он смотрит? Он смотрит на позвоночник молодого француза, изящно пересекающий его белое с голубыми жилками тело. Все как будто в порядке, но предательская лупа в дрожащей руке Лепсиуса указывает на маленькое, с булавочную головку, пятнышко, ощущаемое как небольшая выпуклость.

— Вот оно, вот оно! — забывшись, шепчет Лепсиус с выражением восторга и ужаса на лице. И внезапно задает виконту нелепый вопрос, не удивляющий француза только потому, что его лень сильнее, чем все остальные способности: — Вы пережили когда-нибудь сильный страх, виконт?

— Во время русской революции, когда отняли мою концессию, — вздрогнув, отвечает француз. — Я не люблю революций. Мне пришлось тогда бежать от большевиков с территории моей концессии в Персию.

— Прекрасно, прекрасно! Одевайтесь, мы вам пропишем великолепные капли.

Между тем к генералу опять постучали. Вошли два новых гостя: высокий седой англичанин, пропитанный крепчайшим запахом табака, и странное кривоглазое существо, только что потерявшее сто миллионов подданных, выгнавших его из собственной страны.

— Ваш нижайший слуга и союзник Но-Хом, — назвало себя с азиатской вежливостью существо, растягивая рот в улыбке.

— Лорд Хардстон, — отрекомендовался англичанин.

Сердечные рукопожатия. Опять «здравствуйте», «как поживаете» и пр. и пр. Но лорд Хардстон не расположен тратить время. Он оглядывается вокруг, смотрит на часы и отрывисто говорит:

— Я только что видел Кресслинга. Он приказывает нам немедленно открыть заседание.

— Позвольте, но еще нет Чиче.

— Он будет. Дорогой Гибгельд, отпустите, пожалуйста, этого толстяка. Он, кажется, доктор?

— Доктор Лепсиус.

— А, так это знаменитый Лепсиус! Рад познакомиться. Однако время не терпит. Объявляю от имени председателя заседание открытым. Прошу всех посторонних удалиться!

Лепсиус никогда не мог дождаться гонорара от постояльцев «Патрицианы». Тем не менее он уходил от них в состоянии, похожем на экстаз. Так и сейчас: прижимая к себе палку, он выскочил из № 2 А—Б с восторженным лицом и, не переставая бормотать про себя «так оно и есть», спустился к ожидавшему его авто.

Сетто-диарбекирец укоризненно посмотрел ему вслед.

— Тщеславный человек, — сказал он своей жене. — Только и подавай ему разных там претендентов да президентов. Любой турецкий паша, побирающийся в американских прихожих, ему интереснее, чем порядочный армянский труженик. А я бы всех этих знатных белибеев обоего пола, да еще их лакеев в придачу, с удовольствием променял на хороший салат из помидоров

— С луком! — вздохнув, отозвалась его супруга.

Глава седьмая

Как только Лепсиус удалился, лакей подвел хромающего виконта к креслу возле Гибгельда, помог ему сесть и вышел. Князь Феофан Оболонкин мелкой трусцой подошел к столу вместе с кривоглазым Но-Хомом, все еще пытаясь рассказать, что произошло с бароном Вестингаузом. Но в эту минуту в дверях показался сам барон Вестингауз, молодящийся старик с напудренным носом, нафабренными усами и желтофиолью в петлице, и это положило конец всем попыткам Оболонкина. В самую по-

следнюю минуту, когда лорд Хардстон, подняв брови, в пятый раз извлек из кармана свой хронометр, появился и Рокфеллер-младший, небольшого роста прыщеватый пижон, извинившийся перед присутствующими за Рокфеллера-старшего.

— Все еще болеет папаша? — с любопытством осведомился Феофан Иванович.

— Все еще не может оправиться после узурпации власти в русской империи, — с готовностью ответил Рокфеллер-младший.

Болезнь второго после Кресслинга американского миллиардера, приключившаяся тотчас же после русской революции и разгрома дивизии интервентов, собранной, обмундированной и вымуштрованной на его счет, была одной из любимых тем знатной публики, собиравшейся в отеле «Патрициана». Однако сегодня и этой теме посчастливилось не больше, чем похождениям барона Вестингауза.

— Сядьте, господа претенденты! — громовым голосом провозгласил лорд Хардстон.

Присутствующие расселись вокруг стола.

Над ними, в каминной трубе, молодой человек с яркочерным носом, черными щеками и лбом тоже уселся поудобнее — то есть упер ноги выше головы в выступ трубы, а голову свесил вниз, прижав ухо к незаметной щели.

— Мы обменяемся основными новостями о наших усилиях создания гармонических правительств в обоих полушариях земли, не дожидаясь синьора Чиче, господа! — снова начал Хардстон. — Время не терпит...

— Скажите, какая любезность! — шепнул про себя Том-трубочист, сплевывая вниз. — Откуда он знает, что у меня каждая минуточка на счету?

— Время не терпит, — повторил Хардстон, — поскольку акции на сегодняшней бирже начали падать и да-

же... — тут он пожал плечами с видом некоторого скептического недоверия к собственным своим словам, — даже фунты стерлингов пошатнулись.

Вокруг стола раздались восклицания искреннего сочувствия.

— Для абсолютной конспирации того, что сейчас будет сказано, по личной просьбе синьора перейдемте, господа, незамедлительно в его комнату, ключ от которой, — лорд Хардстон вынул из кармана ключ необыкновенно странной формы, — передан мне самим Чиче...

Дальше Том-трубочист слушать не стал. Быстрее обезьяны он взметнулся по трубе, влез в какую-то заслонку, вынырнул из нее, повис над пустой ванной, раскачался, скакнул через нее в уборную и тут попал прямехонько на Дженни, убиравшую купальные принадлежности.

— Ай, — вскрикнула Дженни, — ай! Кто вы такой?

— Я черт, красавица. Ей-богу, черт!

— Как бы не так, станут черти божиться! — недоверчиво произнесла Дженни, думая про себя: «Вот уж миссис Тиндик лопнет от зависти, если узнает, что я видела настоящего черта!»

Но время ее раздумья было для Тома спасительным. Он тихонько попятился к двери и, не отворив ее, исчез.

Дженни разинула рот.

— Верь после этого пастору Русселю, — пробормотала она в душевном смятении, не сводя глаз с двери. — С чего это он уверяет, будто чудеса есть промысл божий? Черти-то, оказывается, тоже этим промышляют. Гляди-кась, прошел через запертую дверь, а она опять заперта с моей стороны.

В это время Том, пролетев стрелой по коридору, вошел в шкаф, сделал два-три перехода по стене и очутился перед дверью синьора Чиче. Но он опоздал. Заседание уже началось перед самым его носом. И из-за несознательно-

сти ребят с обойной фабрики в Биндорфе он не мог проникнуть в комнату. Том чуть не заплакал со злости, что, разумеется, очень повредило бы профессиональному цвету его лица. Поблизости был камин. Он грустно вошел в него и провалился в трубу. Внизу, под страшным жаром кухонной плиты, в сетке всевозможных труб и цилиндров, Том нажал кнопку и шепнул:

— Менд-месс!

— Месс-менд! — тотчас же послышалось в ответ.

Цилиндр раздвинулся, обнаружив мирно сидящего Ван-Гопа с каучуковыми трубками на ушах.

— Почему ты ушел со сторожевого поста, Том?

— А потому, что, черт их побери, они перебрались в комнату этого итальянца!

— В комнату без номера?

— Вот именно, Ван-Гоп. Я совершенно сдурел. Я метался по стенам, въехал на голову одной красотке, даже обчистился малость от такой переделки, а придумать ничего не могу.

— Да, этим ты, Том, никогда особенно и не отличался. Удивляюсь, почему это ребята посадили именно тебя. Ну, да ладно, молчи и слушай. Алло, мисс Тоттер!

Сквозь одну из каучуковых раковин послышалось:

— Я слушаю. Это вы, Ван-Гоп?

— Я. Соедините меня с Миком.

— Сейчас не могу, требуют из конторы. Подождите.

Ван-Гоп и Том принялись молча ждать.

Через две минуты раздался голос мисс Тоттер:

— Ван-Гоп, слушайте. Я вас соединила с Миком.

Откуда-то, из отчаянной дали, глухо донеслось:

— В чем дело?

— Тингсмастер, помоги! — заговорил в трубку Ван-Гоп. — Совещание перебросили в комнату без номера. Том и я бессильны. А должно быть, они шушукаются не без важного дела.

— Умеете орудовать зеркальным аппаратом? — донеслось по складам; Тингсмастер старался говорить внятно.

Ван-Гоп взглянул на Тома, Том взглянул на Ван-Гопа.

— Как будто не умеем, Мик, — сконфуженно ответил Ван-Гоп.

— Иду сам, — раздалось из трубки.

Как только водопроводчик повесил свой каучуковый телефон на место, трубочист не без ехидства толкнул приятеля легонько в бок:

— Видать, Ван-Гоп, что и ты не особенно отличаешься этим самым...

— Чем таким?

— Смекалкой.

И, прежде чем Ван-Гоп смог дать ему подзатыльник, Том уже взлетел на самый верх цилиндра и превесело задрыгал оттуда пятками.

Между тем широкоплечий русобородый силач в рабочей блузе, перепоясанной ремешком, положил на место рубанок у станка в ярко освещенной мастерской деревообделочной фабрики, счистил с себя стружки, оглянулся вокруг и внезапно исчез в стену. Он мчался со всех ног по темным, шириною не более аршина проходам, то и дело отряхиваясь от земли и водяных капель. Спустя десять минут проходы расширились, ноги его нащупали ступеньки, взбежали по ним, и вот из щели на свет появилась русая голова Тингсмастера с веселыми голубыми глазами из-под прямых пушистых бровей. Он огляделся вокруг: это была телеграфная вышка, самый высокий пункт фабричного городка Миддльтоуна. Отсюда, с высоты нескольких сот метров, протянута в Нью-Йорк сеть стальных канатов. Часть уходила к гигантским элеваторам, часть перебрасывала отсюда квадраты миддльтоунского сена в манеж Роллея, находившийся неподалеку от «Патрицианы». Как раз в эту минуту двое рослых рабочих подвешивали цепь от спрессованного квадрата к блоку на проводе.

— Менд-месс, — шепотом сказал им блузник.

— Месс-менд, — ответили ему оба. — Хотите прокатиться, Мик? Садитесь, садитесь.

Через секунду, лежа на тюке сена и плотно прижав руки к бокам, Тингсмастер несся со скоростью стрелы в Нью-Йорк. Внизу, под ним, по телефонным проводам неслись незримые людские тайны; их принимал на бумагу меланхолический Тони Уайт, телеграфист. Еще ниже, по земле, катил знаменитый экспресс североамериканской магистрали; но он должен был пробежать расстояние между Миддльтоуном и Нью-Йорком в полчаса, а Мик Тингсмастер сделал его в семь минут и три четверти. Тони Уайт не успел еще принять и первую телеграмму, как наш путешественник, спрыгнув на крышу манежа, никем не замеченный, исчез в одном из отверстий между железными обшивками. Спустя три минуты он добрался до цилиндра, где Ван-Гоп в бессильной ярости на Тома бомбардировал его пятки кусочками жеваной газетной бумаги

Мик Тингсмастер поглядел на обоих с укоризной:

— Я вижу, ребята, вы тут развлекаетесь. А те наверху, можете мне поверить на слово, времени не теряют. Марш наверх!

Он засветил карманный фонарик, и все трое помчались по трубам. Но Тингсмастер внезапно остановился, приложил ухо к металлической облицовке, прислушался, издал невнятное восклицание, потом вернулся на несколько шагов. Здесь он снова остановился, вынул складной метр, бумагу и карандаш и стал что-то вымерять. По-видимому, результаты измерения не очень-то его утешили, так как Ван-Гоп и Том услышали ироническое посвистывание, что служило у Мика знаком крайней досады. К их удивлению, он вынул и молоток, которым постучал в разных местах коридора. Затем, не говоря ни слова, продолжал путь, но уже не с прежней поспешностью. Войдя в стеклянный

шкаф, откуда можно было видеть дверь ненумерованной комнаты, он обернулся к товарищам:

— Ребята, слушайте и запомните: кроме наших проходов, в эту комнату ведет еще один. Он сделан не нашим союзом. Он тут, должно быть, с первого дня этой самой гостиницы. И только что кто-то прошел этим проходом — скорей, чем мы с вами.

Том и Ван-Гоп недоверчиво переглянулись. Они не очень-то верили всяким бумажным вычислениям. Но, прежде чем они смогли ответить, дверь комнаты медленно открылась и выпустила в коридор всю известную нам компанию. Русский князь тут же простился с попутчиками и ушел в собственный номер. Гибгельд и Хардстон, поддерживая сильно хромающего виконта, спустились вниз, в свои апартаменты, а улыбающийся Но-Хом уселся в лифт — он по причинам экономическим жил на самом верхнем этаже.

— Теперь мы можем войти, — шепнул Тингсмастер. — Тот, кто пришел тайным ходом, уже отправился обратно: я слышу царапанье за фанерой.

Они осторожно вышли из шкафа, приоткрыли дверь и бесшумно, один за другим, вошли в комнату без номера.

Глава восьмая

ЗЕРКАЛА-ПОМОЩНИКИ

Это был самый обыкновенный номер гостиницы, хотя и оставленный почему-то без номера. Он был убран несравненно менее роскошно, нежели апартаменты Гибгельда. Но и здесь, как и там, шли вдоль стен зеркала, уставлен-

ные у подножий тропическими растениями. Зеркал было три — по одному у каждой стены.

Тингсмастер подошел к одному из них, вынул лупу и указал своим товарищам на два микроскопических «M» в уголке:

— Эти зеркала — дело рук наших ребят с фотохимического и техника Сорроу с Секретного. Смотрите-ка в оба глаза и учитесь, как с ними обращаться.

Раз — Мик сдвинул зеркало вокруг своей оси, установив его под прямым углом; два — Мик взял из-под стекла, прямехонько с цинковой пластинки, тончайшую пачку пленок; три — надвинул откуда-то сбоку новую пачку — и опустил зеркало на место. Потом они вышли из комнаты, заперли ее, и Тингсмастер прошел через стену к мисс Тоттер.

Пачка пленок была опущена в банку с розовой жидкостью; затем извлечена оттуда; затем вставлена в маленький аппарат с фонариком на носу, похожий на пушку. Электричество потушили, нос аппарата засветился, на стене образовалось круглое пятно.

— Учитесь, друзья, — сказал Тингсмастер. — Не всё еще в наших руках. Бывают случаи, когда мы бессильны проникнуть к врагу. Нам не удалось нынче услышать, о чем они там между собой сговаривались, но зато мы можем увидеть их. Зеркальный аппарат Сорроу устроен так, что при повороте выключателя три зеркала передают все вокруг совершающееся в поле фотографической камеры. Тотчас же начинается бесшумная съемка — и вот, извольте посмотреть...

Он завертел ручку машины, и на освещенном экране появилось изображение только что покинутой ими комнаты. В ней двигались, рассаживались вокруг стола те самые люди, которых они только что видели выходящими.

Том и Ван-Гоп радостно вскрикнули. Правда, ни еди-

ный звук к ним не доносился, но зато теперь они могли разглядывать их невозбранно.

— Учитесь читать слова по губам! — сказал Мик; он уселся перед экраном и стал по нескольку раз накручивать каждую сценку, замедляя ее движение так, что люди на экране казались плавающими в воде. Каждый из них был знаком союзу Месс-Менд по фотографиям в газетах и наблюдениям из тайников «Патрицианы». Словно читая книгу по складам, Мик слово за словом передавал Тому и Ван-Гопу:

— Ждут приказаний... немец крепко выговаривает за что-то красавчику-виконту, а тот еле двигает губами в ответ. Англичанин с трубкой молчит. Русский князь мечется от одного к другому с расспросами — видите, глаза у него спрашивают, уши навострились, он ничего пока не знает. Англичанин говорит ему: «Тише!» Учитесь, ребята: на всех языках мира видно по губам, когда произносится слово «тише» Вот так: нижняя губа вперед и хоботком будто поднимает верхнюю...

Но что это? Ван-Гоп и Том вскрикнули Мик прошептал про себя: «Чиче!»

На экране происходит странное замешательство. В разгаре спора снизу открылся люк, и оттуда медленно поднялась, как в балетной феерии, небольшая черная фигура Хотя она и остается на экране, нашим зрителям почему-то не очень ясно ее видно, как будто она окутывает себя дымом

— Черт, темно что-то, разобрать не могу, — пожаловался Том, изо всех сил протирая глаза.

Только один Тингсмастер неотступно смотрел на экран Черная фигура вынула из портфеля бумагу и быстро прочитала ее вслух; на лицах остальных ясно выразились негодование, изумление, торжество. Потом черная фигура подняла руку, что-то сказала, и все наклонили в ответ головы. Теперь она раскрывает портфель, уклады-

вает туда прочитанный лист; руки в черных перчатках быстро шевелятся... Что это? Пачки, прямо из банка, одна, другая... самых крупных долларовых билетов.

Глаза всех в комнате устремляются на пачки, а число пачек все увеличивается. Ладони протягиваются к ним. Черный человек раздает их коротким движением направо и налево. Мгновенье — он соскочил обратно в люк. Остальные идут к дверям... Темнота... Опять свет. И на этот раз Том с восторгом закричал:

— Гляди, гляди, это мы сами!

Пленки кончились. Тингсмастер вынул их и сложил в стенной несгораемый шкаф. Потом он задумчиво сказал Тому и Ван-Гопу:

— Надо узнать в точности, что замышляется. Идите, ребята, по трубам да подыщите себе смену. Нам важно установить наперво, останутся ли они дома или разъедутся после получки, а если разъедутся — то куда. Это сейчас главное ваше дело!

— А ты, Мик?

— Мне надо назад, на завод. У нас срочная вечерняя работа, братцы. Хозяин отделывает свою виллу, и тут тоже надо постараться, понимаете. Ведь главные-то совещанья у него!

С этими словами Тингсмастер простился, вошел в стену — и был таков. Мисс Тоттер мечтательно посмотрела ему вслед.

Том и Ван-Гоп со вздохом разбрелись по своим сторожевым будкам. Но напрасны были все их старания, напрасно потрачена целая долгая ночь — ни Гибгельд, ни Монморанси, ни английский лорд больше не разговаривали, и тайна их встречи осталась на этот раз нераскрытой. Выезжать из «Патрицианы» они тоже, по-видимому, не собирались.

Между тем Тингсмастер вышел на улицу, преспокойно обошел ее и с подъезда как ни в чем не бывало проник

снова в «Патрициану». Он, заложив руки в карманы и посвистывая, идет в контору. Здесь он останавливается и мирно снимает шляпу.

Сетто-диарбекирец, подсчитывавший недельный дефицит, в изумлении поднял голову.

— Здорово, хозяин!

— Здравствуй, Микаэль. Чего тебе надо?

— Не будет ли какого ремонта?

— Господь благослови вас, Микаэль, за такие слова, — вмешалась жена Сетто, разделявшая неукротимую страсть своего мужа к ремонту, — так вы нам в прошлое лето все чисто и недорого справили!

— А теперь еще лучше справлю.

— Никак нельзя, Микаэль, — грустно ответил Сетто: — наехало ко мне претендентов, чтоб им лопнуть... сперва расплатиться по счету, а потом лопнуть! Какой уж тут ремонт.

— Жаль, жаль, а я было хотел у вас все заново наверху переделать, особенно в комнате без номера.

— Этой-то комнаты, Микаэль, я по уговору не смею касаться. Ты ведь знаешь, гостиницу мне построил бывший президент, чтоб ему во второй раз ни на суше, ни на воде не повстречать второго такого дурака-армянина. Так вот, он и поставил условие: не трогать этой комнаты ни летом, ни зимой. Я и так согрешил: украсил ее, по твоему совету, зеркалами.

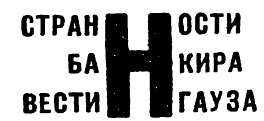
— Да кто вам дом-то построил, хозяин, — ведь не сам же экс-президент?

— Иностранного архитектора выписали, Микаэль. Да и рабочих набрали одной масти с архитектором.

— Вот оно как! Жаль, хозяин. Всего доброго.

И на этот раз Тингсмастер поспешил в Миддльтоун.

Глава девятая

Если бы Феофану Ивановичу не помешали высказаться о банкире Вестингаузе, он сказал бы следующее:

«Вестингауз, хи-хи-хи, завел себе красотку... Да не простую, а можете себе представить — в маске! Да, вот именно, в маске. Женщина эфемерная, элегантная, с походкой сильфиды, а появляется не иначе как в маске. Я убежден, что она спекулирует на любопытстве. Будь я лет на пять, на шесть помоложе...»

Князь Феофан не врал События, отмеченные нью-йоркской прессой, таковы.

Неделю назад в театре «Конкордия», на опере «Сулейман», публика внезапно видит в одной из дорогих лож красиво сложенную женщину в маске. Как ни в чем не бывало эта женщина глядит на сцену парой глаз, сверкающих в миндальном разрезе шелковой маски, не смущается от устремленных на нее со всех сторон биноклей и лорнетов, кутает обнаженные плечи в роскошный мех, читает афишу — словом, ведет себя непринужденно. Нью-йоркцы поражены. Незнакомку никто не может узнать. Ходит слух о том, что это знатная иностранка, чье лицо обезображено оспой. Тогда любопытство сменяется состраданием, и на некоторое время инцидент забыт.

Через два дня на катанье возле Вашингтон-авеню женщина в маске появляется снова, на этот раз не одна. С ней в коляске сидит банкир Вестингауз, старый кутила, известный на всю Америку своими выездами и похождениями. Вестингауз — холостяк. У него нет родственниц. Ни

одна приличная женщина не согласится проехать в его коляске. Вывод ясен: таинственная маска — дитя того мира, откуда вышли Виолетта и Манон Леско.

В Нью-Йорке нет того культа красоты, какой был характерен для Парижа времен Бальзака. Но женщина, сумевшая приковать к себе внимание своей странностью, удостаивается некоторого уважения. Таинственную маску пытались сфотографировать, поймать врасплох; влюбленные писали ей письма, посылали цветы и подарки — все напрасно. Она оказалась недоступной ни для кого. Банкир Вестингауз, с улыбкой принимавший поздравления друзей, пожимал плечами на все расспросы:

— Дети мои, это перл создания! Уверяю вас, я бы женился на ней, если б только она согласилась. Но показать вам ее — нет, никому, никогда до самой смерти!

Можете себе представить, как любопытствовала нью-йоркская молодежь! Представители торговых династий корчили гримасы от зависти. Один из них, только что кончивший Горвардский колледж, упитанный сибарит Поммбербок, вздумал даже победить Вестингауза: он взял маленькую Флору из кордебалета, нарядил ее в маску и прошелся с ней по 5-й авеню, но был позорно освистан сторонниками Маски, а Флора уже не смела появиться на улице. В конце концов из Маски сделали нечто вроде тотализатора: держали на нее пари, клялись ею, гадали по цвету ее костюмов о погоде, удаче, выигрыше, и пр. и пр.

Не менее были заинтересованы и девушки. Каждая из них в глубине души хотела походить на Маску. Портнихи получали заказ: сделайте по фасону Маски.

Но ни одна не испытывала такого влюбленного восторга, такого преклонения перед Маской, как дочь сенатора Нотэбита, шалунья Грэс.

Грэс сидит в настоящую минуту в своей музыкальной комнате с учительницей, мисс Ортон, и делает тщетные по-

пытки отбарабанить Четырнадцатую сонату Бетховена. Ей двадцать лет, она кудрява, как мальчишка, веснушчата, с немного большим, но милым ртом, подвижна, как ящерица. Ее нельзя назвать хорошенькой, но с нею вы тотчас же чувствуете себя в положении человека, ни с того ни с сего вызванного на китайский бокс. Грэс делает фальшивый аккорд, мисс Ортон нервно вскрикивает. Грэс поворачивается к ней, кидается ей на шею и восклицает:

— Мисс Ортон, дорогая, это выше моих сил! Сегодня я видела Маску перед цветочным магазином. Если б вы только знали, какая у нее чудесная ножка! Я сделала глупость: схватила ее за платье и объяснилась ей в любви.

— Что же было потом? — улыбаясь, спросила учительница, гладко причесанная, можно сказать, зализанная, кривобокая молодая дама в скромном и чрезвычайно неуклюжем платье.

Голос ее, впрочем, был очень музыкален и походил на мурлыканье флейты.

— Ах, мисс Ортон! В том-то и дело, что этот мерзкий старикашка, банкир Вестингауз, свалился откуда-то с неба и ехидно заявил мне: «Мисс Нотэбит, честь имею проводить вас в магазин». И, прежде чем я успела опомниться, он сунул меня в магазин, а Маска порхнула в коляску и исчезла.

— Да, Грэс, это было очень неосмотрительно с вашей стороны. Не забывайте, что вы дочь сенатора.

— Очень мне нужно помнить об этом, мисс Ортон! Я объявляю категорически: я влюблена в Маску. Я чувствую, что этот проклятый Вестингауз мучит ее. Я намерена ее спасти...

Раз-два, раз-два... Бессмертное трио Четырнадцатой сонаты разлетелось на куски под ее энергичными пальцами.

— Боже мой, — вздохнула мисс Ортон, — вы не понимаете Бетховена!

Неизвестно, что ответила бы ей Грэс, если б в эту минуту дверь не распахнулась настежь и чей-то странный, басистый по-мужски голос не произнес:

— Милая Грэс, наконец-то!

Мисс Ортон сильно вздрогнула — должно быть, от неожиданности.

В музыкальную вошла очень смуглая, изящно одетая девушка с большими пунцовыми губами, рыжеволосая, в мехах, несмотря на майский день. Это была мисс Клэр Вессон, племянница второй супруги Морлендера и закадычная подруга Грэс по школьной скамье.

— Клэр! Ты наконец тут! — Грэс рассыпала ноты, вскочила и повисла у нее на шее. — Одну минуточку, мисс Ортон, простите, пожалуйста... Я докончу урок, только дайте нам поздороваться.

Мисс Ортон и не думала протестовать. С терпением бедного человека она сложила руки на коленях, села в теневой угол и молчаливо сидела с полчаса, пока девушки болтали, забыв о ее присутствии. Они болтали, как подобает двум юным бездельницам привилегированного класса, о том о сем, о варшавской опере, о концертах Рахманинова, о молодом Артуре Морлендере, о Маске, еще о молодом Морлендере, еще о Маске. Выяснилось: об Артуре предпочтительно говорила Клэр, о Маске предпочтительно говорила Грэс.

— Этот твой Артур — порядочная мямля, — вырвалось у дочери сенатора к концу разговора. — По крайней мере, скажи, видел ли он хоть разочек мою Маску?

— Мистер Морлендер не интересуется женщинами, — сухо ответила Клэр, — у него все мысли поглощены местью. Ведь ты знаешь, его отца убили большевики, это теперь окончательно доказано. Он собирается поднять против них всю Европу.

— Фи, как глупо!.. Клэр, знаешь что: мне очень хочется, чтоб ты посмотрела на Маску, мне интересно узнать твое мнение. Она — шик, изящество, прелесть, ну, я сказать тебе не могу, что она такое. А главное, она мне кажется ужасно несчастной.

— Грэс, повторяю тебе, что ни я, ни Артур — мы не интересуемся подобными женщинами.

— Ты говоришь таким тоном, будто вы помолвлены!

Клэр вспыхнула. Грэс надулась. Разговор был прерван. Мисс Ортон посмотрела на часы, тихонько встала со своего места, незаметно надела шляпу, спустила на лицо вуаль, простилась с обеими девушками и, прихрамывая, вышла из музыкальной.

Клэр с удивлением проводила ее глазами:

— Грэс, я не могу понять, почему ты берешь уроки у этой безобразной, хромоногой, неуклюжей старой девы, похожей скорее на прачку, чем на музыкантшу. Ведь ты могла бы найти себе превосходного учителя!

Грэс вспыхнула от гнева, вскочила с места и плотно притворила дверь.

— Стыдись! — шепнула она подруге. — Мисс Ортон еще не успела спуститься с лестницы — она, наверно, все слышала. И совсем она не урод, а...

Тут Грэс остановилась и сообразила, что она ни разу, ни разу не задумалась о наружности мисс Ортон. Тряхнув кудрями, девушка принялась вспоминать свою учительницу: ее лицо, глаза, улыбку, руки; правда, глаз та не поднимала и безобразила их очками, руки носила в перчатках, от ревматизма, волосы гладко зализывала и прятала в сетку, улыбалась раз в месяц, но все-таки, все-таки, если вспомнить... Лицо Грэс озарилось положительно торжеством. Она взглянула на подругу победоносно и закончила неожиданно для самой себя:

— А все-таки, я тебе скажу — мисс Ортон красавица!

Глава десятая

УЧИТЕЛЬНИЦА МУЗЫКИ И НОТАРИУС

Бедная мисс Ортон слышала все, что сказала Клэр. По-видимому, это не слишком огорчило ее. Она только застегнула на груди вязаную кофточку и стала еще сильнее прихрамывать. Дойдя до 7-й авеню, она села в автобус, ехала с полчаса и слезла как раз напротив темного старого дома в стиле прошлого столетия, одного из немногих обломков старины, сохранившихся в Нью-Йорке.

Прошло несколько минут, прежде чем ей отворили. Мальчик в куртке с позументами спросил ее хриплым голосом (лицо его было красно от слез):

— Кого вам надо?

— Мне нужно видеть нотариуса Крафта. Вот моя карточка.

Мальчик с изумлением глядел на девушку, в то время как рука его машинально приняла карточку.

— Дома нотариус? — повторила она еще раз.

К мальчику подошел старый негр, черное лицо которого также распухло от плача. Он дрожащей рукой отстранил мальчика и произнес:

— Мисс извинит нас. Мисс не может видеть нотариуса. Масса Крафт больше недели как умер, попал под автомобиль...

— Умер? Боже мой, боже мой!

Мисс Ортон казалась совершенно потрясенной. Она побелела так, что негр сочувственно поддержал ее и, доведя до плетеного кресла, предложил ей сесть.

— А как же теперь его бумаги? Кто-нибудь заменяет нотариуса?

— Там, наверху, в кабинете покойника, вам дадут справку, — мрачно ответил ей негр, и его круглые глаза сверкнули, как у дикого зверя. — Не успел масса умереть, как уже сюда пришли хозяйничать, завладели всеми его бумагами, взломали шкафы, а потом запечатали красными печатями. Да, уж заменить-то его заменили без всякой совести, мисс может быть на этот счет спокойна. А нам, старым и верным слугам его, выходит расчет...

Девушка выслушала негра и молча двинулась по лестнице. Но на полпути она остановилась и повернула голову в его сторону.

— Скажите мне, — шепнула она как можно тише, — как имя того, кто заменяет мистера Крафта?

Негр посмотрел на нее снизу вверх, все так же мрачно сверкая глазами, и ответил негромко:

— Это сущий дьявол, мисс. Беда всем и каждому, кто станет иметь с ним дело. А имени его сказать вам никак не могу. Знаю только, что помощники величают его синьором Грегорио.

Мисс Ортон поднялась по лестнице, на этот раз уже не оборачиваясь, и вошла в общую канцелярию.

Здесь сидели бывшие помощники Крафта, все те, кому должен был «выйти расчет», и его молодой секретарь Друк. Он сдавал дела новому секретарю, и четверо маленьких смуглых людей усиленно заглядывали ему за плечо. Все они были, по-видимому, заняты разбором бумаг, оставшихся после Крафта.

Мисс Ортон обвела их глазами. Потом, повинуясь тому верному инстинкту, какой бывает у очень чутких людей, попавших в беду, она двинулась прямо к Друку.

Это был молодой человек со смышленым широким лицом, пухлыми щеками и ямочкой на подбородке. Близко знавшие Друка сказали бы, что он притворяется глупее и

легкомысленнее, чем он есть на самом деле. В данную минуту Друк изобразил такое простодушие, такое беспамятство, такую придурковатость, что четверо смуглолицых молодчиков переглядываются друг с другом, пожимая плечами, и один за другим отходят от него к более интеллигентным, а потому, видимо, и более понятливым помощникам нотариуса.

Вот к этому-то дурачку и направилась мисс Ортон. Подойдя, она подняла вуаль, сняла с глаз очки и посмотрела ему прямо в глаза. Друк оцепенел на месте, как загипнотизированный. Тогда мисс Ортон снова надела очки, спустила вуалетку и тихо произнесла:

— Я пришла сюда с большой просьбой. Умер Морлендер, чье завещание должно находиться у нотариуса Крафта. Я пришла узнать содержание этого завещания.

— Как ваше имя? — спросил Друк безмятежно, подмигивая ей очень выразительно на смуглолицых.

— Мисс Ортон.

— Мисс... как? Буртон, Мортон... Ага, Ортон... — Он написал что-то на бумаге и протянул ее девушке. — Вот, будьте добры, попросите у курьера перед той дверью, чтоб он пропустил вас прямехонько к синьору Грегорио, назначенному уполномоченным по принятию архива нотариуса Крафта. — Говоря так, он снова выразительно подмигнул ей, на этот раз на бумажку.

Мисс Ортон прочла бумажку. В ту же минуту один из смуглолицых подошел к ней вплотную, стараясь заглянуть ей в руки. Ему это не удалось, и он сердито промолвил:

— Эй, Друк, что вы такое написали мисс?

— Мое собственное имя, — вмешалась мисс Ортон спокойным и тихим голосом, складывая и пряча бумажку в сумочку — вероятно, для передачи курьеру. — Спасибо, мистер Друк, если вас так зовут, — обратилась она к секретарю, снова принявшему придурковатый вид, — только

в этой записке нет надобности, у меня ведь есть своя карточка.

Она вынула из сумочки карточку и передала ее черномазому.

Тот, сердито ворча и поблескивая кофейными глазками, взял карточку и прошел за темную дубовую дверь.

Через несколько минут он вышел. Выражение его лица резко изменилось. Сияя любезностью и отвесив два-три поклона, он пригласил мисс Ортон к синьору Грегорио, все время пятясь перед ней к двери, подобно опереточному лакею. Как только она вышла и дубовая дверь захлопнулась, он сделал какой-то жест своим товарищам. Тотчас же один из них, тот, кто сидел в непосредственной близости к телефону, взял трубку, набрал номер и, когда его соединили, шепотом сообщил кому-то, что «Нетти выйдет купить новую шляпку».

Мы не знаем, понравились ли все эти манипуляции белобрысому Друку, так как на лице его было безмятежное спокойствие, а судя по овечьему выражению глаз, он вряд ли особенно толково рассортировывал находящиеся перед ним рукописи.

Тем временем мисс Ортон переступила порог большой комнаты с тяжелой кожаной мебелью и цветными готическими окнами, где когда-то нотариус Крафт принимал своих посетителей. Она вошла, сильно прихрамывая и болезненно сутулясь. И в ту же секунду, хотя ни в человеке, находящемся в комнате, ни в самой комнате не было ничего особенного, вещий инстинкт прошел холодком по ее позвоночнику и зашевелил волосы на голове от ужаса.

Сидевший за столом человек в черном встал и поклонился ей. Рукою, затянутой в черную перчатку, он поднес к глазам ее карточку.

— Вы мисс Ортон? Присядьте, пожалуйста. — Это был самый банальный голос в мире.

Она села, и ей понадобилось несколько мгновений,

чтобы оправиться. В это время незнакомец пристально оглядел ее с головы до ног и снова спросил:

— Итак, мисс Ортон, вы одна из клиенток покойного Крафта. Чем могу вам служить?

— Я не клиентка нотариуса Крафта. Я пришла просить вас об одной исключительной любезности. Мне известно, что Иеремия Морлендер перед отъездом в Европу оставил завещание. Теперь он умер. Не можете ли вы познакомить меня с его завещанием?

— Нет ничего легче, мисс Ортон. К сожалению, я должен сообщить вам, что завещание, о котором вы говорите, не найдено в бумагах Крафта, да оно к тому же и уничтожено последующим завещанием покойного, составленным в России. Вот вам точная копия этого последнего.

Он протянул мисс Ортон бумагу, и девушка прочла документ, уже известный читателю. Прочтя его дважды, она встала и вернула бумагу незнакомцу:

— Благодарю вас. Вы не помните, не упоминается ли имя Ортон в каких-нибудь бумагах Крафта?

— Этих бумаг очень много. Но, сколько помню, я не встречал вашего имени.

Говоря так, он еще раз пристально оглядел девушку. Сквозь очки и вуалетку мисс Ортон тоже взглянула на него и тотчас же, содрогнувшись, опустила глаза. Между тем перед ней был только безукоризненно одетый мужчина со смуглым лицом, черными усами и бескровными, желтыми губами.

Мисс Ортон снова вышла в канцелярию, прихрамывая сильнее обыкновенного, и, простившись кивком головы со стряпчими, спустилась на улицу. Здесь она некоторое время медлила, высматривая, нет ли где доброго старого негра, впустившего ее в дом. Потом побрела к остановке автобуса и, укрывшись в тень большого металлического зонтика за спиной дремлющего толстяка, прочла еще раз записочку, врученную ей Друком. Там стояло:

«Бруклин-стрит, 8, Друк, в 4 часа».

По-видимому, этот Друк что-то знает. Но кто и по какому праву хозяйничает в архиве Крафта?

Она твердо решила пойти по указанному ей адресу, а чтобы заполнить оставшееся время, направилась на набережную. Миновав два-три квартала, она вышла к сияющей ленте Гудзона, в этом месте почти пустынного. Не было видно ни пароходов, ни моторных лодок. Внизу, под гранитами набережной, шла спешная майская починка водопроводных труб. На развороченной мостовой отдыхали два блузника, молодой и пожилой, с аппетитом уписывавшие колбасу.

Мисс Ортон шла вдоль берега, совсем не замечая того, что вслед за нею плетется неотступный спутник. Это был тщедушный, небольшой мужчина с ходившими под блузой лопатками, со слегка опухшими сочленениями рук. Глаза у него были впалые, тоскующие, унылые, как у горького пьяницы, на время принужденного быть трезвым. Под носом торчали жесткие кошачьи усы, на шее болтался кадык. Он шел, поглядывая туда и сюда, как вдруг в полной тишине, за безлюдным поворотом, он вынул что-то из-за пазухи, бесшумно подскочил к мисс Ортон и взмахнул рукой. Мгновение — и несчастная девушка с ножом между лопатками, без крика, без стона, свалилась с набережной в Гудзон. С минуту человек подождал. Все было пустынно по-прежнему. Тогда он повернулся и исчез в переулке.

Блузники, докончившие колбасу, вернулись к работе.

— Виллингс, — сказал один из них, — мне это не нравится. Тут проходила хромая девушка, а сейчас от нее и следа нет, точно в воду канула.

— Я тоже слышал всплеск воды. Спустимся, Нэд, пониже да стукнем Лори — он заливает трубы под самой набережной.

— Ладно! — ответил тот и спрыгнул в отверстие.

Глава одиннадцатая

Не только на металлургическом заводе в Светоне продолжается забастовка. Ее подхватили, кроме телеграфистов и почтовиков Ровен-сквера, почти все заводы и фабрики Миддльтоуна. Одна деревообделочная — гордость мистера Кресслинга — верна своему хозяину и не бастует.

А чтобы не голодать, рабочие послушались совета Мика и разбрелись кто куда работать сдельно — и проверять, между прочим, микроскопические «М» на установках, тайна которых никому, кроме союза Месс-Менд, неизвестна ни в Старом, ни в Новом, ни на том, ни на этом свете.

Молодому Лоренсу Лену с Секретного, тоже на днях объявившего забастовку в связи со смертью своего главного инженера, досталась заливка дырявых труб глубоко под набережной, возле самого Гудзона. Волны так и хлещут к ногам Лори, угнездившегося на двух металлических стержнях и работающего с бензиновым паяльником в руке. С раннего утра, в неудобной позе, Лори штопает и штопает трубы, не свистя и не напевая, чтоб не потерять равновесия и не бухнуться в воду. Наконец, сильно устав, он воткнул свои принадлежности глубоко в щель между плитами, расправил, насколько возможно, кости и вынул из-за пазухи кусок хлеба. Но не тут-то было. Не успел он поднести его ко рту, как что-то пролетело сверху мимо него, перевернулось в воздухе и тяжело ухнуло в Гудзон.

«Странно! — подумал Лори. — Уж не самоубийца ли? Ведь всякий другой крикнул бы или забарахтался, а от этого одни круги пошли».

Он пристально поглядел в воду, ничего подозрительного не заметил и снова принялся за еду.

Однако его снова прервали. Слева, из темного туннеля, откуда он добирался до своего места, раздался стук, и до его слуха долетело знакомое:

— Менд-месс!

— Месс-менд! — поспешно ответил Лори, ухватившись за свои кольца и акробатически спрыгнув в туннель. — Кто тут? В чем дело?

Из туннеля вынырнули замазанные глиной головы Виллингса и его приятеля Нэда.

— Слушай-ка, Лори, тут мимо тебя не падал в воду человек?

— Упал тяжелый предмет, а какой — я не видел. Крику никакого не слышал.

— Лори, кажись, это была хромая девушка. Мы видели, как она шла, а потом исчезла невесть куда.

— Странно... — ответил Лори. — Обождите меня, ребята, ведь я отлично ныряю. Уцепитесь за мои кольца и глядите, не вытащу ли я чего. Если долго не покажусь, бросайтесь мне на выручку.

— Ладно, — ответили блузники. — Только куда ты ее денешь, если вытащишь?

Лори задумчиво оглядел Гудзон. Он был пустынен в этом месте, за исключением небольшой заводи, где стояла старая барка, груженная дровами. В этот час на ней не было ни единой живой души.

— А вон на ту барку, — беспечно ответил он, скинул с себя железные клешни и цепь, при помощи которых висел на своем рискованном выступе, взмахнул руками и, описав дугу, полетел вниз головой в Гудзон.

Виллингс и Нэд между тем уцепились, кряхтя и бры-

каясь, за железные кольца, уперлись коленями в стержни и стали смотреть туда, где расходились теперь широкие круги.

— Ловкий паренек, — сказал Виллингс. — Он у нас в союзе не более как с неделю. Так и смотрит Тингсмастеру в рот.

— Это не мудрено, — ответил Нэд. — Умней нашего Мика не было, нет, да, пожалуй, и не будет.

— Чего это он не выплывает? Я сосчитаю до ста, а ты гляди... Ну что, показался?

— Нет.

Виллингс опять сосчитал до ста, но Лори все не показывался. Тогда они решили броситься вслед за ним, раскачались на кольцах и неуклюже ухнули туда, где исчез Лори. Через несколько секунд оба всплыли, фыркая, и в ту же минуту увидели Лори. Он плыл в нескольких саженях от них, таща за собой какой-то тяжелый предмет, и кричал им во весь голос. Ветер относил, однако, его слова в сторону, и они ничего не могли разобрать. Посоветовавшись, оба решили плыть вслед за Лори. Спустя некоторое время, тяжело дыша и отплевываясь, оба блузника доплыли до барки, где Лори поджидал их, не в силах поднять собственными силами свою тяжелую находку.

Это была женщина в темном платье и вязаной кофте, видимо потерявшая сознание. Лицо ее было плотно окутано вуалью, слипшейся в синий непроницаемый комок. Одна нога казалась длиннее другой.

— Ну, так и есть, хромая девушка! — вскричал Виллингс. — Кто ж это столкнул бедняжку в воду?.. Жива она, Лори?

— А вот посмотрим, — ответил тот.

Все трое втащили ее на барку и здесь, согласно правилу спасения утопленников, перевернули ее лицом вниз. В ту же минуту они громко вскрикнули: у несчастной девушки торчал между лопатками нож.

— Убийство... — глухо пробормогал Виллингс. — Черт побери, Лори, это скверная штука! Оставь девушку, как она есть, а Нэд пусть сбегает за полицией и врачом.

— Погоди, — ответил Лори, — это что-то непонятное. Видели вы когда-нибудь, братцы, чтоб нож проткнул человека без единой капли крови? А здесь ее нет и в помине, платье чистехонькое, и вода была без кровинки.

Он подошел к девушке, дотронулся до ножа, а потом, став на колени, принялся щупать ей спину. Улыбка раздвинула ему рот чуть ли не до ушей. Резким движением он сорвал с девушки кофту вместе с куском спины и торчащим в ней ножом. Блузники ахнули.

— Должно быть, это профессиональная нищая, — сказал Лори. — Бедняга носила искусственный горб для пущей важности. Внесем ее под навес и приведем в чувство.

Они внесли девушку в глубину барки, где была устроена под куском брезента убогая ночлежка, положили на солому и принялись стягивать с нее липкую вуаль. Это оказалось нелегким делом. Когда же Лори, орудуя перочинным ножом, сорвал с лица девушки синий пластырь, оказалось, что краска с вуали порядочно-таки высинила лицо. Виллингс, невольно улыбаясь, принес в пригоршне воды. Лори снял с девушки круглые темные очки и принялся обмывать лежавшую перед ним утопленницу. Каково же было удивление всех троих, когда, смыв синюю краску, они увидели перед собой лицо дивной, безупречной красоты!

— Эге! — сказал Лори, срывая безобразную сетку; по плечам девушки рассыпались мокрые каштановые локоны. — Такой нечего было нищенствовать. Чем просить полцента фальшивым горбом, она могла бы загребать сотни долларов своим личиком.

— Да ведь бедняжка была хромая! — жалостливо произнес Нэд.

— Хромая? — протянул Лори. — А вот посмотрим, какая она хромая...

Он нагнулся к ногам и не без удивления оглядел огромные, толстые ноги девушки. Надо сознаться, они были пребезобразные, и одна нога чуть ли не на два вершка длиннее другой.

— Гм, Лори, красотка-то, как видно, разочаровала тебя? — спросил Виллингс.

Но Лори бросился стягивать с девушки высокие грубые башмаки. Они вымокли, и затея была не из легких. Когда же она удалась, Лори с торжеством сунул в нос насмешнику сапожище с искусственной пяткой, отлитой из чугуна, и радостно объявил:

— Я теперь понимаю, почему она не всплыла, а прямехонько пошла ко дну. С этакой гирей ей бы ни в жизнь не всплыть, не подцепи я ее за платье на самом дне.

Виллингс и Нэд на этот раз промолчали. Сильно заинтересованные, они стянули с девушки вместе с чулками целую кучу ваты и тряпок, обнажив две белые, как мрамор, миниатюрные ножки. Перед ними лежала теперь, едва прикрытая остатками мокрой одежды, совершеннейшая красавица.

— Н-да... — сказал Виллингс задумчиво. — Тут есть тайна, братцы. Дадим знать Мику.

— Но прежде ей самой дадим виски, — ответил Лори, открыв девушке рот и вливая сквозь ее стиснутые зубы живительную влагу.

Прошло несколько мгновений, в продолжение которых все трое невольно любовались красавицей. Наконец она вздохнула и открыла синие, как фиалки, глаза.

В ту же секунду смертельная бледность разлилась по ее лицу и шее. В глазах сверкнул дикий ужас. Она вскрикнула, вскочила и бросилась в глубину барки.

— Успокойтесь, мисс! — закричал ей вдогонку Лори. — Право, успокойтесь. Мы честные парни, рабочие

здешних мест. Мы вас выволокли со дна Гудзона. А ежели мы сняли с вас горб и пятку, так не беда. Будьте спокойны, в секреты ваши мы не вмешиваемся.

Несчастная повернулась и, снова подойдя к ним, оглядела каждого из них внимательным взглядом.

— Я хочу верить вашим словам, — сказала она медленно. — Вы спасли меня, и это хорошо. Но вы можете подвергнуть меня в тысячу раз худшей участи, чем гниение на дне Гудзона, если выдадите меня кому бы то ни было.

Лори переглянулся с товарищами.

— Беру в свидетели Мика, что не выдадим вас, мисс. Ни я, ни они, — торжественно произнес он. — Сильнее этого слова у нас нет. А если вам нужна помощь, то мы можем оказать вам такую, о какой вам и во сне не мерещилось.

— Хорошо, — ответила девушка. — Пусть же кто-нибудь из вас даст мне свою одежду, уничтожив остатки моей собственной, а остальные отведут меня куда-нибудь в сокровенное место и спрячут, потому что в целом Нью-Йорке у меня нет сейчас безопасного приюта.

Прежде чем она договорила свою просьбу, Лори скрылся за брезент и бросил оттуда свои сапоги, штаны и куртку. В это время Виллингс и Нэд собрали в комок ее одежду, привязали ее к тяжелым башмакам и бросили в воду.

— Ребята, — крикнул им Лори, — отвезите мисс прямо на квартиру к Мику, да смотрите, чтоб ни единого волоска с ее головы...

— Ладно, молчи уж. Сиди тут голышом, пока мы не пришлем кого-нибудь.

— И еще одна просьба, — вмешалась девушка, превратившаяся в красивого мальчика-подростка с каштановыми локонами, рассыпавшимися по плечам. — Когда вы получите одежду и выберетесь с барки, не откажите схо-

дить к мистеру Друку на Бруклин-стрит, 8. Сообщите ему, что пришли от мисс Ортон, только что сделавшейся жертвой убийцы, но спасенной вами. И пусть он вам передаст все то, что намеревался передать мне. Поняли?

— Точка в точку, — ответил Лори из-за брезента. — Будет исполнено, мисс!

Он долго смотрел в дырочку, как его товарищи вели с барки по головокружительным мосткам на берег прелестного мальчика.

Глава двенадцатая

Стемнело. Длинный рабочий день в Миддльтоуне подходил к концу. Высыпали гурьбой измученные рабочие с тех немногих заводов и копей, которые не примкнули к забастовке. Побежали работницы и рабочие из распахнутых дверей деревообделочной. В единственном работающем цехе Секретного еще горели огни и будут гореть всю ночь, хотя этого никому не видно из-за щитов забора, не видно и сверху для летчика; Секретный Джека Кресслинга работает круглосуточно.

А вот и сам Джек. Он катит верхом на серой английской кобыле в горы, туда, где сияет тысячью огней его необыкновенная вилла «Эфемерида», построенная со сказочной роскошью. Пока мягкие серебряные копыта кобылы легко касаются специальной ездовой дорожки, построенной для хозяина города рядом с обычным шоссе,

рабочие Кресслинга, измученные тяжелым днем, разбредаются по своим жилищам.

Рабочие Джека живут хуже собак. Не потому, что им платят мало, нет, — наоборот, им платят много. Джек Кресслинг изобрел свою систему оплаты. Он держит рабочих только до тридцатилетнего возраста. Чуть отпраздновал свои тридцать лет — иди на все четыре стороны, уступи место другому. А пока тебе еще семнадцать, двадцать, двадцать пять — Джек Кресслинг дает. Он дает щедро — пригоршнями долларов, каждую субботу, из платежной кассы. Но он дает не даром: работайте, работайте, работайте, еще час, еще час, еще час... И, задыхаясь от мысли, что после тридцати — конченый век, их ждет нищета и безработица уже до самой могилы, — рабочие Кресслинга в надежде приберечь хоть что-нибудь на черный день, спеша, как безумные, работают, работают, работают десять, двенадцать, четырнадцать, а после четырнадцати — еще и шестнадцать, двадцать, двадцать четыре часа в сутки, позволяя себе сон единожды за трое суток, перекусывая тут же у станков, грызя кофейные семечки для подхлестыванья энергии и ясности мозга. Но если вы думаете, что они этаким способом хоть что-нибудь да накопят себе ко дню, когда отпразднуют (или оплачут) свое тридцатилетие, то пойдите навестите их, только не в рабочий поселок Миддльтоуна, а пониже, на миддльтоунское кладбище: там они лежат все рядком, и над каждым из них Джек Кресслинг не поскупился поставить памятник.

Впрочем, так оно было пять лет назад. Теперь это не так. С тех пор как на деревообделочной поднял голову белокурый гигант Микаэль Тингсмастер, люди работают и работают, но не больше положенного, и уже не умирают к тридцати годам; а между губами их, как кролик в норе, сидит себе комочком улыбка. Мик Тингсмастер знает, что делает. Недаром побежали отсюда во все сто-

роны Америки и за ее пределы, на могучие теплоходы, на самолеты и дирижабли, на поезда и автобусы, в отели и конторы, две крохотные, микроскопические буквочки «ТМ», и недаром все больше и больше рабочих по ту и эту сторону океана знают, что они обозначают и как ими пользоваться.

Мик Тингсмастер живет не в поселке. Он построил себе хибарку из деревянных отбросов на окраине Миддльтоуна, возле самой телеграфной вышки. В этой хибарке он проводит те два-три часа в сутки, какие остаются ему после большой и в высшей степени разнообразной деятельности. Спать он умеет и сидя и на ходу. Но ест неизменно дома, принимая из рук старой стряпухи большую миску с ароматной, известной всему Миддльтоуну «похлебкой долголетия», варить которую старуха умеет в совершенстве. Тут и кусочки мясных хрящиков, и картошка, и лук, и пастернак, и морковь, и перец, и еще какая-то целебная травка, присланная Мику ребятами-нефтяниками из Мексики. У Мика нет ни жены, ни детей. Пока он ест похлебку, под столом у ног его расположилась огромная собака Бьюти, верный друг и товарищ Тингсмастера, умильно следя за каждым взмахом его руки.

Только-только ударила деревянная ложка Мика в полуочищенное дно заветной миски, а Бьюти, облизываясь, проглотила брошенный ей хрящик, как дверь хибарки приотворилась без стука, и в нее заглянул пожилой маленький человек с небольшой бородкой.

Прежде чем продолжать наш рассказ, отрекомендуем читателю этого пожилого человека.

Кто из вас не знает об Эдисоне? Слава его ходит по всему земному шару.

А знает ли кто техника Сорроу? Никто.

Техник Сорроу, несмотря на свой возраст, почти всегда в движении. Он любит прохаживаться, заложив руки за спину. Он почти никогда не сидит: он ходит работая,

ходит говоря с вами, ходит обедая и даже ходит сидя — последнее возможно лишь потому, что техник Сорроу изобрел себе подвижную качалку, род ходячего стула. Он любит поговаривать, примешивая иной раз и латинское слово: «Жизнь — движение, смерть — неподвижность; чуть зазевался, присел — и она тебя, братцы, цап за лохмы. Вот тут-то тебе и рах vobiscum, как поют католические попы».

Ходил слух, что еще мальчишкой техник Сорроу был другом-приятелем Эдисона. Однажды они разговорились за рабочим станком.

— Эх, — сказал будто бы Эдисон, — уж я выдумаю такую штуку, что все люди ахнут! Короли будут здороваться со мной за руку, самые почтенные профессора придут у меня учиться.

— А потом что? — спросил Сорроу.

— А потом буду жить и изобретать. Жить буду в собственном дворце, а изобретать чудеса за чудесами.

Сорроу смолчал на эти речи. Сказать по правде, они ему не понравились.

«Что же это такое? — подумал он про себя. — Не по-товарищески рассуждает Эдисон. Сам рабочий, а думает о королях. Посмотрим, куда он загнет».

Эдисон загнул как раз туда, куда не следовало. Телефоны, граммофоны, фонографы, трамваи — бесчисленное множество чудес попало в руки богачей и королей, умножая их удобства и украшая их жизнь.

— Вот что может сделать рабочий! — сказал Эдисон на приеме у одного короля, здороваясь с ним за руку.

Бывшие товарищи Эдисона гордились им. Рабочие частенько пили за его здоровье, пропивая свой недельный заработок. Техник Сорроу молча глядел на все это и качал головой.

«Завистник», — говорили ему на заводе.

Но техник Сорроу продолжал молчать и покачивать

головой. В ту пору он был помощником у инженера Иеремии Морлендера на сталелитейном заводе Кресслинга. Он чинил машины, подлечивал винтики, смазывал, спрыскивал, разбирал и собирал негодные машинные части — словом, был на заводе мелкой сошкой. Но острый взгляд Иеремии Морлендера сразу подметил необыкновенные изобретательские способности техника Сорроу. Иеремия приблизил его к себе, научил черчению, проектировке, высшей математике. По мере своего стремительного продвижения по служебной лестнице Иеремия Морлендер тянул за собою и свою правую руку — техника Сорроу. Но ни Морлендер, ни сам Джек Кресслинг не имели над ним никакой власти. Предложи они ему миллион за лишний час работы — техник Сорроу и не моргнет. Снимет свой синий фартук, помоет руки под краном, заложит их себе за спину и уйдет домой, насвистывая какую-то песенку. А что он делал дома, об этом не знал никто, даже его квартирная хозяйка.

В тот день, когда Микаэль Тингсмастер произнес свою первую речь, положившую начало новой муддльтоунской эре, техник Сорроу постучался к нему после работы, вошел, запер дверь и заговорил:

— Тингсмастер, ты именно тот человек, которого я жду тридцать лет. Сунь руку ко мне в карман!

Мик Тингсмастер сунул руку ему в карман, вытащил оттуда сверток бумаг и вопросительно поглядел на техника Сорроу.

— Ходи рядом со мной и слушай, — шепотом сказал Сорроу.

Так они ходили весь вечер, всю ночь и все утро, вплоть до рабочего гудка. А спустя некоторое время побежали из всех фабрик, из всех заводов, с копей, рудников, доков, верфей, с мельниц, с элеваторов, из депо, из гаражей, из ремонтных мастерских веселые значки «|M|» на веселых вещах, обученных всем секретам техника Сорроу.

Вот этот маленький, незаметный человек с лицом, исполосованным целой сетью мелких заботливых морщинок, заглянул сейчас в хибарку Тингсмастера с очень серьезным выражением в глазах.

— Мик, — сказал Сорроу, после того как они обменялись крепким рукопожатием и стряпуха поставила перед ним дымящуюся всеми ароматами ее кухни деревянную миску с «похлебкой долголетия». — Мик, товарищ, произошло нечто. Я получил письмо от инженера Морлендера.

— Старшего? Младшего?

— От самого Иеремии Морлендера. Почерк его, марка советская, опущено в России. Пишет в ярости — призывает меня торопиться в нашем цехе с окончанием работы, уверяет, что, пока не прикончим с заразой русского коммунизма, нам не будет ни дня покоя, что русские вздумали уничтожить Америку и американцев, что сам он, своими глазами и ушами, имел случай в этом убедиться и что отныне судьба мира находится в наших руках, в руках Секретного завода Джека Кресслинга.

— Что-то не похоже на речь Иеремии!

— А тотчас за получением письма узнаю, Мик, о его смерти. Ты сам читал в газетах, будто бы труп Морлендера, найденный ночью в Петрограде, был со всеми предосторожностями препровожден к нам представителями нейтрального государства, аккредитованного в России, и что будто бы у нас в руках имеются доказательства насильственной смерти Морлендера от руки большевиков.

— Но ведь русские напечатали опровержение!

— А мы его не перепечатали. Но слушай дальше. Нынче, по окончании смены, вызывают меня в кабинет самого Кресслинга. И там мне говорят, что я буду назначен на Секретном главным инженером и с первого дня должен буду форсировать некую работу, известную у нас под шифром «АО».

— Взрывные часы на дистанцию в полкилометра?

— Вот именно!

— Мы на деревообделочном готовим для них эбеновый футляр.

— Как же мне быть, Мик? Ведь с той минуты, как меня назначат, а это не позже как через три дня, я не посмею шагу ступить без проверки и обыска, не смогу выехать за назначенную линию... Сноситься с тобой и с нашими ребятами нечего и думать, разве что — отказаться от этой работы. А, сам понимаешь, успех наш зависит от того, чтобы мне забрать дело в свои руки и ни в коем случае не отказываться!

— Да, — медленно ответил Мик, отодвигая пустую миску, — положение сложное. Даже и сейчас, до того как ты приступишь к работе, он следит за тобой в сотню глаз. Нам нельзя, никак нельзя наводить подозрение на наш союз. И самое главное — ведь мы еще не собрали всех нитей, не знаем всего, что замышляется. А и ждать нам тоже особенно...

Бьюти выскочила из-под стола и кинулась, грозно залаяв, к двери.

«Тук-тук-тук!» — раздалось не очень громко, но очень настойчиво. «Тук-тук-тук-тук!»

Глава тринадцатая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДРУКА

Как только кончились занятия в конторе Крафта, мистер Друк широко зевнул, изобразил на лице блаженное утомление, поглядел в зеркальце, пригладил волосы и, добродушно простившись со своими коллегами, отправился, помахивая тросточкой, восвояси.

Мистер Друк был парень хоть куда. Он отлично знал, что люди не имеют глаз на спине. Но, с другой стороны, ему было известно, что часовые и ювелирные магазины имеют двойные зеркала, заменяющие вам любой глаз, куда бы его ни приставили. В то же время мистер Друк собирался, видимо, завести себе новые запонки, так как восхищению его перед витринами ювелира Леонса положительно не было пределов. Широко раскрыв рот и пожирая глазами пару алмазных запонок, мистер Друк стоял до тех пор, пока не разглядел человека, неотступно за ним следовавшего. Тогда он вошел в магазин, купил запонки, разговорился с ювелиром о том о сем, вышел с черного хода на другую улицу и на трамвае добрался к себе на Бруклин-стрит. Дело в том, что мистер Друк начитался Габорио и Конан-Дойля. Мистеру Друку давно уже хотелось быть замешанным в какое-нибудь чудовищное преступление в качестве сыщика. И вот надежды его как будто начинали сбываться.

Придя домой и наскоро пообедав, он заперся у себя, поднял коврик возле постели, а потом паркетную плиту, вынул оттуда конверт, на котором бисерным почерком мистера Друка было написано:

Тайна Иеремии Морлендера,

вытащил из него несколько листов, приписал к ним еще страничку, а потом спрятал все это на старое место. Сделав это, Друк придвинул к себе еще один лист и написал генеральному прокурору штата Иллинойс следующее забавное письмо:

Господин прокурор!

Опасаясь за свою жизнь, прошу вас быть начеку. Я держу в руках нити загадочного происшествия. Если меня убьют или я исчезну, прошу вас немедленно вынуть конверт из тайника в моей комнате на

Бруклин-стрит, 8, двенадцатый паркетный кусок от левого окна, прочитать его и начать судебное расследование. Пишу именно вам, а не кому другому, так как вы отличаетесь любовью к уголовным тайнам.

Стряпчий Роберт Друк.

Написав и запечатав письмо, он взглянул на часы и подошел к окну. Был теплый день; миссис Друк держала окна в его комнате открытыми. Отсюда был виден кусок улицы, и мистер Друк разглядел черный автомобиль, остановившийся у подъезда. Сердце его приятно сжалось, когда взору его представились четверо смуглых молодчиков, один за другим выскочивших из автомобиля.

— Начинается! — шепнул он про себя с восторгом. — Четверо против одного!

Он положил запечатанный конверт, адресованный генеральному прокурору Иллинойса, на подоконник, прикрыл его шторой, а сам лег на кушетку, притворяясь спящим. «Интересно знать, — думал он, — с чего они начнут? Уж не предложат ли мне миллион долларов за участие в деле?»

Но встреча с коллегами оказалась гораздо прозаичнее, чем мечты мистера Друка. Они вошли к нему в комнату, плотно заперли двери, и один из них шепотом сказал Друку:

— Слушайте-ка: синьор Грегорио не намерен лишать вас доброго имени, он хочет кончить дело тихо. Вы обокрали кассу Крафта. Сейчас же верните деньги, или мы обратимся к полиции.

Друк вскочил с кушетки, разинув рот. Круглое лицо его приняло глупое, оскорбленное выражение, уши покраснели, как у мальчишки, и на этот раз мистер Друк ни чуточки не притворялся.

— Как вы смеете? — заорал он свирепо. — Вы сошли с ума!

— Не кричите, Друк, чтоб не взвинчивать нервы у вашей матушки. Докажите, если это не вы. Ключ от кассы был у вас. Она отперта и очищена до последнего цента.

— Да ведь я ушел! — изумленно воскликнул Друк.

— Извольте-ка пойти и посмотреть, кто это мог сделать без вас.

Друк лихорадочно схватил шапку и побежал вниз, даже не простившись со своей матерью. Он был вне себя. Он забыл Конан-Дойля и генерального прокурора. Он дрожал от оскорбления, как только могут дрожать честные молодые люди двадцати двух лет с таким круглым лицом и голубыми глазами, как у мистера Друка.

Смуглолицые сели в автомобиль, и Друк вместе с ними. Шофер тронул рычаг, автомобиль помчался стрелой. Клерки рассказывали друг другу о различных случаях покраж, произведенных секретарями. Они возмущались и негодовали. Они намекали на излишек доверия, оказанный кое-кому. Друк краснел и пыхтел, он готов был оттузить всех четырех. Как вдруг, выглянув в окно, он увидел странную вещь: это совсем не было дорогой в контору Крафта! Они мчались по пустынному береговому шоссе, они выезжали из Нью-Йорка, они летели неизвестно куда, только не к Крафту...

— Эй! — воскликнул он, и в ту же минуту оглушительный удар свалил его с ног.

Через секунду Друк сидел смирно с кляпом во рту и крепко связанными руками. А еще через полчаса автомобиль подъехал к глухому черному забору на пустынной дороге. За этим глухим забором расстилался парк, где бродили невидимые с улицы тихие люди в белых халатах. Несколько рослых мужчин в белых фартуках и с красным

крестом на рукаве вытащили барахтавшегося мистера Друка из автомобиля, подняли его, как котенка, и внесли в огромное мрачное здание с многочисленными коридорами и нумерованными дверями.

— Опасно буйный, — сказал кто-то металлическим голосом. — Посадить его в номер сто тридцать два.

И мистер Друк был посажен в номер сто тридцать два, где он должен был исчезнуть, по всей вероятности, навсегда.

Клерки простились с санитарами, ворота снова захлопнулись, автомобиль покатил назад.

Я мог бы уже закончить эту неприятную главу, если б в дело не вмешалась самая обыкновенная ворона.

Эта ворона жила в сквере католической церкви на Бруклин-стрит. По обычаю своих предков, она должна была свить себе гнездо. Это серьезное дело обставлено в Нью-Йорке большими трудностями, ибо ворон в городе во много раз больше, чем деревьев, и они уже давно поднимали между собой вопрос о недостатках строительных площадей.

Итак, наша ворона задумчиво летала по крышам, выглядывая себе прутики, дощечки, веточки и тому подобные вещи, как вдруг глаза ее усмотрели красивый белый конверт на одном из подоконников. Она каркнула, огляделась во все стороны, быстро схватила конверт и унесла его на самое высокое дерево в сквере, где он и превратился в прочное донышко очень комфортабельного гнезда. Генеральный прокурор штата Иллинойс не получил, таким образом, возможности проникнуть в новую уголовную тайну, но зато этой же возможности лишились и многие другие люди, вплоть до полиции, ровно ничего не нашедшей в комнате «беглого Друка».

Глава четырнадцатая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛОРИ ГОЛЫШОМ

— Да, — сказал себе Лори, — ее зовут мисс Ортон. Ортон... Будто знакомое имя... Эдакая красота! Но, скажи на милость, что я буду здесь делать голышом, покуда ребята не пришлют мне какую-нибудь штанину! И Ортон, Ортон — где я слышал это имя?

Он вышел из-под брезента, меланхолически принялся разгуливать в одной рубахе по барке, как первый человек отдаленнейших веков нашей планеты, но вдруг нога его споткнулась о что-то, и он упал.

— Кажись, это горб. Так и есть, они забыли скинуть его с барки.

Он мечтательно поднял фальшивый горб мисс Ортон и даже понюхал его, отдавшись приятному воспоминанию, как вдруг глаза его упали на торчавший нож.

В ту же минуту Лори вытащил его из горба и стал изучать со всех сторон. Как ни был он молод, а знал две вещи: во-первых, что перед ним «вещественное доказательство», во-вторых, что всякую тайну можно раскрыть, если уцепиться за одно из ее звеньев.

Нож был не американский. Он не был и английским. Странное клеймо изумило его: что-то вроде крючкоподобного креста. Нож был остер, как бритва, а по краю он казался окрашенным. Лори поднял его на свет, осмотрел внимательно, а потом, повинуясь тайному голосу, всунул назад в тот же кусок горба и все это вместе связал в узел, оторвав край своей рубахи.

Потом он опять принялся за прогулку, чтобы согреть-

ся. Приближались сумерки, становилось холодно. Барка была скучнейшим местом. Кроме соломенной настилки, под брезентом ничего не было, а вокруг этого убежища ровными стенами возвышались дрова.

Лори здорово озяб. Он уже начал приходить в отчаяние, думая, что его забыли, и со злости принялся перекладывать поленья, чтобы устроить себе более теплое убежище на ночь. Разобрав два ряда поленьев, он принялся за третий, как вдруг перед ним открылось совершенно пустое темное пространство. Невольно вскрикнув, Лори оглянулся вокруг. Все было пустынно по-прежнему. Тогда он храбро вошел в проход. Некоторое время было темно и сыро, но шагов через десять он нащупал дверку, открыл ее и ахнул. Перед ним была маленькая круглая комната с куполом наверху, освещенная закатом. Вдоль стен шли диваны, посредине же комнаты стоял дамский туалетный стол, уставленный множеством баночек для грима; вокруг валялись в беспорядке всевозможные одежды, начиная с рабочей блузы и кончая великолепным фраком; одежды были мужские, на средний рост.

— Вот так случай прикрыть наготу! — усмехнулся Лори, но, прежде чем приступить к делу, вернулся назад, на барку, и огляделся.

Глаза у Лори были зоркие. В закатном свете он различил далеко на берегу одинокую темную фигуру. Тотчас же быстрее белки он сложил дрова по-прежнему, уничтожил все следы своего присутствия на барке, схватил в зубы узел с ножом и кинулся в воду. Обогнув барку, он залег в самой ее тени, внимательно вглядываясь в подходившего человека. Он мог быть своим, с одеждой для Лори, но мог быть и хозяином барки, а Лори отлично понимал теперь, что встретиться с ним было бы далеко не пустым делом.

Неизвестный медленно приближался. Он остановился на самом берегу и долго оглядывал Гудзон. Потом про-

шел раза два по набережной, посматривая туда и сюда, и наконец крадучись спустился к мосткам. Это был чужой. Лори не мог понять, почему он почувствовал внезапный мальчишеский ужас, и, не раздумывая долго, нырнул под воду.

Плыть под водой было для Лори пустым делом. Но тут ему еще приходилось локтем прижимать к себе узел, что затрудняло плаванье вдвое. Тем не менее, сжимая свои легкие, не дыша, не всплывая, Лори двигался вперед по темно-зеленой морской дорожке, пока не истощил весь запас набранного воздуха. Тогда он всплыл наверх и отдышался.

Барка была далеко, и на ней никого не было видно. Перед Лори темнели гранитные массивы, он оказался неподалеку от места своей работы.

Спустя несколько минут он добрался до железных колец, подпрыгнул, как рыба, уцепился за них и нырнул в туннель. Здесь он был спасен окончательно. Оставалось спасти и того, кому было поручено нести на барку одежду.

Со всех ног, крепко держа свой узел, Лори бросился бежать по туннелю. Здесь было сыро, мокро, почти темно. Невидимые скважины едва пропускали свет. Шагов через тысячу Лори добрался до лесенки, откуда неслись шум и вой — там проходил метрополитен. Теперь предстояло показаться перед людьми голышом.

Как быть? Лори сел и стал раздумывать. Ага! Умные люди не растеряются ни от чего. Он стащил рубашку, всунул ноги в рукава и крепко завязал ее у пояса. Штаны были готовы. Потом он поднялся по лесенке, собрал рукой деготь, стекавший на ступени, и вымазал себя им с ног до головы. Теперь он был исправным черным человеком с узелком в руках. Ему ничего не стоило добраться до станции подземной железной дороги, найти стену с заветным значком «М» , раздвинуть ее и опять через железную стену попасть в никому не известное купе, не подлежащее про-

ездной оплате, между уборной и топкой, построенное ребятами с Чикагского вагоностроительного. На Бруклин-стрит он слез, прошел опять через стену, минуя турникеты, и на улице остановился в задумчивости.

Что теперь делать? Надо дать знать Виллингсу в Мидльтоун насчет барки. Но, должно быть, они уже послали кого-нибудь. Лори надеялся, что не дурака. Увидит чужого на барке, повернется и уйдет. А вдруг?.. При воспоминании о фигуре человека, крадучись взбиравшегося на мостик, его снова пробрала дрожь.

Подняв машинально глаза, он увидел, что стоит перед большим старым домом номер 8. Тотчас же он вспомнил поручение мисс Ортон и, подойдя к массивным дверям, стал читать металлические дощечки, во множестве покрывавшие двери. Тут были самые мудреные имена. Тут жили исключительно стряпчие. Это был муравейник стряпчих. Лори с великим трудом отыскал скромную надпись:

РОБЕРТ ДРУК
СТРЯПЧИЙ

и через секунду уже взбирался по длинной, казенного вида лестнице, пахнувшей сыром, кошками и мусорною корзиной.

Чистенькая старушка с выпуклыми глазами, в настоящую минуту сильно заплаканными, отворила ему дверь. Тотчас же, не говоря ни слова, она взяла со стола добрую краюху хлеба и сунула ее Лори, приняв его за нищего.

— Я с удовольствием съем это, мэм, за ваше здоровье, — сказал Лори, — но только мне нужен не хлеб, а сам мистер Друк.

— Боба нет, — дрожащим голосом сказала миссис Друк, и слезы посыпались у нее по щекам.

— Как нет? Когда же он будет?

— Ничего не знаю, — продолжала плакать старушка. — Скушайте хлебец, и, если хотите, я вам дам пудинга, но только вы не увидите моего голубчика, нет, не увидите его!..

— Да что же с ним случилось? Не бойтесь, мэм, выкладывайте начистоту. Я друг-приятель вашего Боба, хоть и должен по некоторым причинам ходить в таком виде.

— О боже мой, мистер... не знаю, как звать, дело-то очень непонятное. Ровнешенько, как всегда, в четыре часа приходит Боб со службы, такой ласковый да веселый. «Я, говорит, мама, жду одну дамочку, так если придет, ведите ее прямо ко мне», покушал и прилег у себя. Я на кухне мою посуду, вдруг входят четверо таких странных людей с пуговицами и спрашивают Боба. Я говорю: «Вы от дамочки?» А они поддакнули. Провела я их к Бобу, а через минуту вышли они все вместе, и Боб с ними, и бегом, бегом вниз по лестнице. Боб даже и не простился со мной... Гляжу в окно — вижу, катит от нас черный автомобиль, и нет его. Жду час, жду два — нет Боба. А вот недавно, ох... голубчик мой!.. приходит полиция, запечатали Бобину комнату, у меня всё перерыли — говорят, будто мой Боб обокрал нотариуса Крафта и бежал с деньгами. Да только быть этого не может, быть не может!

Старушка опять разрыдалась.

Лори постоял в полном недоумении, потом вежливо поклонился и вышел. Он не знал ни Друка, ни нотариуса Крафта. Он подумал не без горечи: «Неужто и мисс Ортон замешалась в эдакое дело!» И не успел подумать, как хлопнул себя по голове. Ортон, Ортон... Так звали скромную машинистку у них на Секретном, пока он еще не ушел с завода и не вступил в союз Месс-Менд! Только ведь она была возрастом постарше. Лори видел ее раза два мельком. Неужели же это та самая?

Глава пятнадцатая

ИСПОВЕДЬ МИСС ОРТОН

Между тем Нэд и Виллингс не без явного удовольствия вели молчаливого красавца мальчика по разным глухим закоулкам, добираясь до станции окружной дороги. Везти ее в тайном купе между топкой и уборной они не решились — это значило бы выдать секреты союза незнакомому человеку. Поэтому, пошарив в карманах и за пазухой, они собрали всё, что имели на себе, и скрепя сердце запаслись билетами.

Но не успела спасенная девушка услышать название «Миддльтоун», как задрожала и остановилась. Исчезнувшая было бледность снова разлилась по ее лицу, в глазах сверкнул ужас.

— Боже мой, вы предали меня! — воскликнула она, отбегая от них в первый попавшийся переулок. — Низко, бессовестно предали меня!

Степенный Виллингс оскорбленно остановился. Нэд, поглядев на него, сделал то же самое. И, может быть, именно это подействовало на несчастную сильнее всего, что могли бы оба они сделать или сказать. Она остановилась тоже.

— Вы даете мне уйти... — Голос ее задрожал. — Боже мой, но куда я пойду сейчас! Не лучше ли было лежать на дне Гудзона?

— Мисс, это вы напрасно. И не к чему оскорблять честных рабочих людей. В Миддльтоуне мы все живем и работаем. В Миддльтоуне живет и работает Микаэль Тингсмастер. Туда мы хотели отвезти и вас. Не хотите — не надо, а только оскорблять нас не к чему!

Понурив голову, девушка тихо приблизилась к ним:

— Простите меня. Ведите и везите, куда собирались. Только надо переждать день и сделать это в сумерках. Иначе... иначе меня там могут узнать.

Виллингс и Нэд сокрушенно переглянулись. Нэд, вынув из кармана билеты, вернулся к кассе и перепродал их, потом они трое, дожидаясь темноты, ходили и ходили по каким-то глухим переулкам, пока наконец не стемнело настолько, что девушка согласилась ехать в Миддльтоун.

И вот они трое в Миддльтоуне. Кружным путем, вдоль заборов рабочего городка, пробираются они к хибарке Мика Тингсмастера. Молчанье удручает обоих, особенно разговорчивого Нэда. Весь этот долгий путь он тщетно мучил себя в поисках какой-нибудь порядочной темы для разговора, но, кроме анекдота о том, как жена Тома облила своего мужа помоями, ровнешенько ничего не мог припомнить. Рассказать же его он не решился, сообразив, что мисс в достаточной степени надоело ее собственное пребывание в мокром месте.

«Тук-тук-тук!» — постучал Виллингс.

«Тук-тук-тук-тук!» — настойчиво добавил от себя Нэд.

Дверь хибарки открылась, и белокурый гигант с трубочкой во рту появился на пороге. Бьюти перестала лаять. Она обнюхала Виллингса, потом остальных и тотчас же протянула каждому из прибывших пушистую лапу.

В комнате Мика было тепло и уютно. Виллингс усадил дрожавшего от холода подростка в кресло возле камина и коротко рассказал Тингсмастеру о том, что произошло. Во время его рассказа Мик несколько раз внимательно посматривал на своего странного гостя, а когда Виллингс наконец замолчал, он встал с места, вынул изо рта трубочку, подошел к мисс Ортон и протянул ей свою широкую руку. Мик Тингсмастер мало кому протягивал руку. Мисс Ортон вложила в нее свои ледяные пальчики.

— Пойдите пошлите кого-нибудь на выручку Лори, — сказал Мик Виллингсу и Нэду.

Пока все это происходило, техник Сорроу, забравшийся в самый дальний угол, тоже с большим любопытством вглядывался в ту, что была одета мальчиком, но отзывалась на имя «мисс Ортон».

Виллингс и Нэд ушли. Тингсмастер придвинул свой стул к креслу, подбавил угля в камин и произнес своим мягким голосом:

— Мир невелик, дорогая мисс. Он даже очень маленький. Я узнал вас сразу, потому что частенько видел, как вы шли с музыкальной папкой по нашим улицам в свою школу. Ведь вы — дочка машинистки миссис Ортон, работающей в конторе у Морлендера?

Девушка повернулась лицом к спинке кресла, уткнулась в нее и отчаянно зарыдала.

Техник Сорроу на цыпочках подошел к Мику из своего угла и шепотом произнес:

— Работала, Мик, работала. Неужто не знаешь? Несколько дней, как ее нет в живых.

Резким движением мисс Ортон снова повернулась к ним. Слезы ее высохли. Странно было видеть холодное выражение ненависти, исказившее это очень юное, прекрасное лицо.

— Кто вы? Какие вы люди? — тоже шепотом спросила она.

— Мисс, вы у честных людей. Я вас ни о чем не спрашиваю, но, если вам нужна помощь, выложите всю правду.

— Я скажу всю правду, и вы будете первыми, кто ее услышит от меня. Но знайте, за вашу доброту вы жестоко поплатитесь. Я несчастное существо, у меня есть страшные враги, и самый лютый враг — это я сама.

— Полно, дитя, — мягко проговорил Тингсмастер. — Валяйте-ка все, как оно есть, начистоту.

Мисс Ортон несколько мгновений глядела на огонь.

Глаза ее приняли горькое и дикое выражение. Потом она медленно заговорила, все не сводя глаз с огня:

— Меня зовут Вивиан Ортон. Я дочь капитана Ортона. Он умер десять лет назад, оставив меня и мою мать без всяких средств. Я училась и была еще подростком. Моя мать, чтобы дать мне окончить школу, поступила машинисткой в контору Морлендера... Мать моя была в то время в полном расцвете своей красоты. Я кончила школу и тогда узнала, что мать полюбила Морлендера.

— Старика или молодого? — прервал Тингсмастер.

— Иеремию Морлендера. Вы его знаете. Он казался честным человеком. Мы жили очень скромно, в маленьком домике, с одной прислугой. Мать была очень счастлива, она ждала ребенка. Они должны были пожениться месяц назад, и, помню, он страшно стеснялся сказать об этом своему сыну... Но мы обе так верили! Мама готовилась к свадьбе. Я помогала ей. Неожиданно Морлендера командировали в Россию. Перед отъездом он забежал к нам сказать об этом и обещал тотчас, как приедет, быть у нас. Около месяца не было вестей. Потом пришли от него письмо и посылка...

Тут мисс Ортон снова остановилась, чтоб судорожно проглотить поднявшееся из горла рыданье.

— Не могу вам сказать, как мы обрадовались. Письмо было из России, с незнакомой маркой. А в посылке — необычные конфеты и печенье.

— О чем он писал? — спросил Сорроу.

— О том, что скоро вернется и тотчас же будет свадьба... Мы с мамой устроили праздник. Она убрала стол, украсила его цветами, уставила присланными сладостями и села в кресло. Я подсела к ней, но у меня почему-то было тяжело на душе, и я ни до чего не могла дотронуться. Мама взяла из вазы красивую конфетку и вздохнула: «Как мне больно, Вивиан, что, кроме нашей Кэт, мы никого не можем позвать к себе и угостить!»

Она положила конфетку в рот и вдруг рванулась с места. Я успела разглядеть страшную судорогу, пробежавшую у нее по лицу. Она даже не вскрикнула. Я бросилась к ней. Она умерла. Я кинулась в кухню — Кэт исчезла. Тогда я схватила другую конфету и, едва сознавая, что делаю, сунула ее в карман, а потом опустилась возле мамы, сотрясаемая страшнейшим ознобом. Это не была скорбь, это не был ужас — в ту минуту я чувствовала только одно: ненависть! Ненависть переполняла меня и вызывала сердцебиение. Я едва не лишилась сознания, я клялась себе каждой каплей крови убить Морлендера, отомстить ему за маму и за нерожденное дитя. В комнату без стука и без спроса вошел незнакомый человек в очках. Он объявил, что он полицейский врач и что за ним прибегала наша Кэт. Я поняла, что окружена врагами и должна молчать, чтобы спасти себе жизнь. Он спросил, отчего умерла мама. Я ответила, что, наверно, от сердца. Он спросил, болела ли она раньше сердцем. Я ответила, что болела. Он немедленно написал на бумажке свидетельство о смерти, и маму похоронили на другой день. Когда я была на похоронах, кто-то унес у нас всё, что прислал Морлендер. Кэт не вернулась. Через несколько дней мне удалось найти врача, который произвел анализ спрятанной мною конфеты. Он сказал, что она наполнена страшнейшим ядом, убивающим тотчас же, как только он попадает на язык. Он дал мне по моей просьбе письменный анализ этой конфеты. Спустя некоторое время я заметила, что за мной следят. Тогда я притворилась совершенно безвредной, я вела себя тихо, наивно, непритязательно. Меня оставили в покое. Чтоб замести следы, я перебралась в Нью-Йорк...

Здесь мисс Ортон запнулась. Тингсмастер положил ей руку на голову и успокоительно сказал:

— Говорите, дитя мое.

— Смыслом всей моей жизни стало одно — отомстить,

жизнью всего моего сердца стало одно — ненависть. Я стала давать уроки музыки, обезобразив себя до неузнаваемости. Но отомстить в моем положении полунищей учительницы музыки было невозможно. В доме, где я давала уроки, часто бывал богатый банкир Вестингауз. Мне показалось, он подходящий человек. И я... я позволила ему ухаживать за собой...

Мисс Ортон опустила голову. По широкому лицу Тингсмастера прошла грусть и сострадание.

Девушка продолжала:

— Мне нужно было знать всех, а самой оставаться ни для кого неведомой, и я сочинила игру с маской. Я — та знаменитая Маска, которая интригует весь Нью-Йорк. И вот, очутившись уже у цели, я вдруг узнаю, что Морлендер уже убит. Он ушел от моей мести. Я спешу к его нотариусу Крафту, знавшему мою покойную мать, но тот погиб, а вместо него в конторе... вместо него в конторе... Странно, — прервала она себя, хватаясь за лоб рукой, — у меня чудесная память, я всегда все помню, а вот сейчас не могу припомнить, кто был в конторе вместо Крафта. Я даже не помню, о чем я с ним говорила. Но помню завещание Морлендера: оказывается, он был женат — был женат на секретарше Кресслинга, Элизабет Вессон. Женился на ней перед самым отъездом, в тот день, когда заезжал к моей матери... Все свое состояние он завещал ей, хотя говорил моей матери перед отъездом, что обеспечил ее. И свое изобретение, свои чертежи завещал для борьбы против русских коммунистов.

— Мисс Ортон! — вскричал Тингсмастер. — То, что вы говорите, важное дело. Вы не путаете, не ошиблись?

— Нет, не ошиблась. Это я прочитала своими глазами. Но перед моим уходом из конторы молодой человек, по имени Друк, дал адрес, чтоб я зашла к нему в четыре часа. Мне показалось, он знает какую-то тайну, но только чего-то или кого-то боится... Друк, Бруклин-стрит, 8. Я вышла

к Гудзону, чтобы убить время до четырех, и больше ничего не помню... — Страшная бледность покрыла ее щеки. Она опустила голову на грудь и шепнула: — Мне очень плохо... Мне странно, что я стала как будто забывчива.

Тингсмастер внимательно посмотрел на нее и принес ей воды с виски. Когда она выпила и пришла в себя, он спросил ее:

— Дорогая мисс, скажите мне, чего бы вам теперь хотелось?

— Отомстить Морлендеру, — медленно ответила девушка. — Ему нельзя, он умер, — значит, отомстить Артуру Морлендеру, его сыну.

Наступило молчание. Тингсмастер помешал уголь в камине, прошелся несколько раз по комнате, потом остановился и взглянул на бледную девушку:

— Слушайте меня, мисс Ортон. Вы попали к людям, цель жизни которых — борьба не только с Морлендерами, но и с теми, кто вертит этими Морлендерами, как марионетками. Но, дорогая моя мисс, мы боремся не оттого, что ненавидим отдельных людей, и мы не хотим личной расправы. Мы боремся потому, что тысячи наших братьев и мы сами погибаем, не видя настоящей жизни. Мы боремся потому, что дети бедняков задыхаются в подвалах, лишенных солнца и воздуха, потому, что наших юношей посылают убивать таких же несчастных, как они сами, во время войны, загоняют в рудники и на фабрики во время мира. Мы боремся не для того, чтоб отомстить. Мы хотим установить справедливость на земле и светлую жизнь для каждого человека, от первого до последнего. Понимаете вы меня?

— Тингсмастер! — воскликнула девушка, вскочив с места. — Я хотела бы чувствовать то, что вы говорите. Но сейчас я не могу, не могу этого! Передо мною стоит образ моей бедной матери, так низко, так подло убитой. Для меня уже нет жизни, покуда я не утолю страшной ненави-

сти, пронизывающей меня, как смертельная болезнь. И, если вы не дадите мне отомстить, все равно — я буду действовать одна, я вернусь в Нью-Йорк и буду продолжать свою страшную комедию...

Она кинулась к двери, забыв, что на ней рабочий костюм Лори Лена. Мик взял ее за плечо и усадил снова в кресло.

— Вы останетесь у нас, пока не поправитесь, — сказал он просто. — Виллингс, Нэд!

В комнату вбежали оба приятели — так быстро, что не было необходимости спрашивать их, далеко ли они находились и дошло ли до их ушей говорившееся в комнате. Мик Тингсмастер только что собрался дать им порученье, как дверь снова распахнулась настежь, и на этот раз вбежал в комнату весь вымазанный дегтем Лори Не отдышавшись, еще на бегу, он воскликнул:

— Тингсмастер! Вот нож, которым ее пырнули. Я был у аптекаря, он говорит, что лезвие смазано страшным африканским ядом. А вы, мисс Ортон, лучше бы не хлопотали о Друке. Он удрал. Говорят, он обокрал Крафта и удрал с его деньгами!

— Тише ты, Лори, — остановил его Тингсмастер. — Положи нож на стол и не пугай бедную мисс. Я прошу кого-нибудь из вас, ребята, посоветоваться с моей стряпухой и раздобыть мисс Ортон женское платье.

— Кстати, Мик, — продолжал Лори выкладывать свои новости, — дровяная барка на Гудзоне оказалась с потайной комнатой. А ее хозяин... ее хозяин... Черт побери, я не помню, что такое с ним было... Надеюсь, ребята не столкнулись с ним, когда носили туда одежду?

— Что ты, Лори! — ответил Виллингс. — Отто-булочник ездил туда к тебе и, сколько ни рыскал, не нашел и следа барки. Она сгинула, точно во сне нам приснилась.

— Сгинула! — повторил Лори, и по спине его пробежал прежний холодок непонятного ужаса.

Глава шестнадцатая

ЛЕПСИУС ВИДИТ РУКУ

— Тоби! — крикнул доктор Лепсиус, входя к себе в комнату после бесчисленных и утомительных визитов. — Куда он делся, сонная рыба, пингвин, гангренозная опухоль! Тоби! Тоби!

Молчаливый мулат с припухшими веками вынырнул сбоку и остановился перед доктором с видом полнейшего равнодушия.

— Тоби, предупреди сиделку и жди меня. Мы пойдем к его величеству Бугасу Тридцать Первому. А если ты будешь спать, раскрыв рот, как дохлая рыба, я наложу туда пороху и взорву тебя со всеми твоими потрохами!

Доктор Лепсиус весь день был в плохом настроении. Его экономка, мисс Смоулль, объявила, что выписала из Германии новый ушной аппарат и теперь, благодарение небу, будет слышать, как все остальные люди. Мисс Смоулль намекнула даже доктору Лепсиусу, что теперь у нее не будет недостатка в женихах.

Если б к колокольне церкви Сорока мучеников прибавили мотор в тысячу лошадиных сил, нервное потрясение доктора, наверно, не было бы ужаснее, нежели от образа его экономки, говорящей, слышащей и замужней зараз. И это именно в такое время, когда открытие доктора Лепсиуса превратилось из ослепительной догадки в страшную очевидность, когда остается только скомбинировать факты и умножить примеры.

Он сел к письменному столу и открыл потайной ящик. В глубине его лежала рукопись. Лепсиус надел очки, достал ее и раскрыл на странице, аккуратно помеченной закладкой.

Это очень странная тетрадь. С виду она ничем не отличается от обычных историй болезни, которые записывают врачи, имеющие обширную практику. Но вместо названий болезни, зашифрованных хотя бы и премудрой латынью, вместо всяческих диабетов, бруцеллезов, менингитов и эндокардитов тут были записи, скорее напоминающие дневник политика или социолога, нежели врача. Взяв очень старую, изгрызенную ручку (Лепсиус терпеть не мог так называемых вечных перьев, считая, что лучше перу поработать коротко, но хорошо, нежели вечно, но плохо), он снял с него невидимую волосинку, придвинул чернильницу, обмакнул в нее перо и мелким докторским бисером занес под фамилией Монморанси:

«Жалуется на ужас, пережитый от русской революции».

Симптомы больных Лепсиуса, если заглянуть в его тетрадь, вообще удивительно однообразны: гнетущий страх за свое состояние, вложенное в недвижимую собственность; угнетенное настроение при мысли о забастовках на заводе; ужас перед будущим; ужас, пережитый, когда переезжал границу, спасаясь от погони разъяренного народа; мрачное настроение при мысли о наступлении экономического кризиса; отчаянье, связанное с непрерывным падением акций на бирже; ужасный, повторяющийся каждую ночь сон: чьи-то многочисленные шаги на лестнице, все ближе, ближе, стуки в дверь, дыхание толпы, — масса народу, простого народу, черного народу, ломится в двери спальни...

— Гм, гм... — повторяет про себя Лепсиус в полном душевном удовлетворении. — Примеров уже настолько много, что я смогу их классифицировать!

И он берет линейку, открывает в тетради чистую страницу, тонкой чертой делит ее пополам. Слева, наверху страницы, он пишет:

Депрессивные на почве экономической

Справа, наверху страницы, заносит:

Депрессивные в силу изгнания из родной страны собственным народом

Занеся около десятка фамилий под первую надпись (слева) и столько же фамилий под вторую надпись (справа), Лепсиус задумывается. Три ступеньки его подбородка, нижней и верхней губы приходят в некоторое волнообразное движение: доктор Лепсиус улыбается себе самому — не то вопросительно, не то иронически.

— Удивительно во всей этой цепи заболеваний, — бормочет он про себя, — даже и не то, что все они ведут к одному и тому же физиологическому синдрому [1]. Удивительно то, что больные из первой графы цепляются за больных из второй графы в надежде на спасение, а больные из второй графы цепляются за больных из первой графы в надежде на доллары, которыми они думают вернуть себе прежнее место в мире. Да, это поистине удивительно!

Вздохнув, Лепсиус закрывает тетрадку, словно расстается с пачкой дорогих сердцу любовных писем. Вот она уже на старом месте, в потайном ящике, а ящик захлопнут и заперт одному ему известным способом. Потянувшись и глубоко вздохнув, Лепсиус проделывает несколько легких гимнастических упражнений и бодрой походочкой выходит через внутреннюю дверь на асфальтовый дворик.

В глубине его, перед дверью бетонного здания, похожего на гараж, ждут молчаливая сестра в белом фартуке,

---

[1] Синдром — сочетание симптомов, характеризующих ту или иную болезнь.

с таким же белым, как снег, фартуком в руках, и неизменный Тоби. Быстро подойдя к сиделке, Лепсиус дает себя облачить в фартук, самолично повязывает шнурки у ворота и на запястьях, а потом шествует вперед, в полуоткрытую дверь, сопровождаемый молчаливой сиделкой и Тоби.

Если снаружи здание стационара похоже на гараж, то внутри это впечатление мгновенно сменяется изумлением и восхищением. Идеальный санаторий для самых богатых клиентов не мог бы быть лучше обставлен. Изящество и комфорт; в меру оранжерейных цветов, в меру прекрасных предметов искусства. Всем этим пользуется пока только один-единственный больной доктора Лепсиуса, дошедший уже до той стадии, когда лежачее положение предпочтительней сидячего или стоячего.

В роскошной палате, на ложе, отделанном поистине с царской щедростью, возлежит единственный пациент стационара, невидимый из-за густых облаков синеватого дыма сигары. На столике возле него — все принадлежности для сумасшедшего напитка, составление которого, по словам знатоков, столь же неповторимо и разнообразно, сколь неповторима и разнообразна шахматная партия, — иначе сказать, для коктейля. Легкий запах хорошего обеда, еще не втянутый шведским магнетовентилятором, показывает, что коктейль уже выпит и пациент откушал.

— Удалите сиделку и мулата, — раздается капризно-старческий голос, сопровождаемый сухим покашливанием.

— Слушаю, ваше величество, — отвечает доктор и кивком удаляет Тоби и сиделку.

Потом он подходит к царскому ложу и садится на стул возле больного. Сквозь синий дым доктор видит прыщеватого старикашку с жиденькой растительностью на висках и подбородке. Оголенный череп показывает

вдавленности и вмятины, безжалостно уродующие тот драгоценный сосуд, где принято помещаться человеческим мозгам. Колючие глазки из-под разросшихся седых бровей глядят пронзительно и с раздраженьем.

— Как мой отпрыск и благоверная? Пытаются доказать юридически мою невменяемость и запустить зубы в капитал? — скрипит он, желая понизить голос. И тотчас, не дожидаясь ответа: — Как мое инкогнито? Никто не подозревает?

— Никто ничего не подозревает, мистер Рокфеллер, — отвечает Лепсиус. — Для всех вы путешествуете, согласно совету врачей, на яхте, а у меня на излечении, как убежден мой персонал, находится индейский вождь Бугас Тридцать Первый. Итак, разрешите проверить состояние вашего позвоночника...

Чудесное зрелище для доктора Лепсиуса! Кажется, сколько он ни смотри на малозаметный, с пухлую точку, бугорок на среднем позвонке («вертебра медиа», по его терминологии), доктор не насытится созерцаньем. Еще бы, все дело его жизни, все наблюдения зрелых лет подтверждаются этой странной деформацией, встречающейся все чаще и чаще — и только у определенной категории людей!

— Надо, надо в гимнастический зал, ваше величество. Без тренировки вы рискуете... гм, гм... занять несколько горизонтальное положение при передвижениях, затруднительное при нашем европейском костюме.

Старичок издает свистящий звук — он терпеть не может гимнастического зала. Но доктор неумолим. На сцену вызывается верный Тоби.

— Поможешь его величеству натянуть трусики, — строго приказывает Лепсиус, — и проведешь с ним цикл вертикальных упражнений. Да смотри, если ты после побежишь через улицу к кондитеру и заведешь с ним разные разговоры, я продам тебя военному министерству

на пушечное мясо. Возьми мой фартук, я должен ехать.

Отдав нужные распоряжения сиделке, Лепсиус вышел, сел в поджидавший его автомобиль и приказал шоферу ехать к доктору Бентровато, имевшему образцовую клинику и рентгеновский кабинет.

Он делал это не совсем охотно. Он боялся, что его открытие выкрадут у него из-под самого носа. Ворча сквозь зубы, Лепсиус поднялся по лестнице и попал в руки двух молодых девиц с карандашами и блокнотами.

— Сорок, — промолвила одна девица.

— Сюда, — подтвердила другая, подставляя ему ящик, битком набитый деньгами.

— Дорогие мои, — мягко ответил Лепсиус, — я беру больше.

И, отстранив их рукой, он прошел прямо в гостиную к своему коллеге.

У Бентровато шел прием. Множество людей дожидались его, развлекая себя всевозможными занятиями, приспособленными к услугам пациентов в комнатах для ожидания. Тут были книги на всех языках, домино, шахматы, вышиванье и вязанье для дам, игрушки для детей, прохладительные напитки.

Пройдя в соседний зал, а оттуда в рентгеновский кабинет, Лепсиус остановился.

В кабинете было полутемно. Красная лампочка тускло освещала комнату. За ширмой перед экраном стоял человек, подвергнутый действию рентгеновских лучей. Лепсиус не мог разглядеть его внутренностей и видел лишь тень от небольшой и продолговатой головы да руку, небрежно закинутую за спинку стула и выступавшую из-за ширмы.

Лепсиус сел равнодушно в кресло, дожидаясь конца сеанса. Он рассеянно смотрел туда и сюда, испытывая неодолимый приступ зевоты. Как вдруг, совершенно слу-

чайно, глаза его задержались на вышеупомянутой руке.

Что такое... Где, — черт возьми! — где видел доктор Лепсиус эту руку, худую, слабую, с припухшими сочленениями?

Но, сколько он ни напрягал память, ответа не приходило. Пальцы лежали все так же безжизненно, потом внезапно скрючились, будто схватились за что-то, скользнули и исчезли.

Бентровато выпустил своего пациента из боковых дверей кабинета.

— Здравствуйте, здравствуйте, Лепсиус. Чем могу?

— Здравствуйте, Бентровато. Кто это у вас был?

— Вы хотите проверить, соблюдаю ли я профессиональную тайну?

Лепсиус с досадой покосился на коллегу.

— Я заехал к вам, достопочтенный друг, с просьбой произвести рентгенизацию одного дегенеративного субъекта. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо, в первый же свободный час. Постойте-ка, запишем: «28 августа будущего года в $4^1/_2$ часа дня».

Бентровато занес это к себе в блокнот и копию записи с улыбочкой протянул своему коллеге.

Широкое лицо Лепсиуса не выразило ничего, кроме благодарности. Но на лестнице он сжал кулаки, побагровел и со свирепой миной подскочил к швейцару:

— Кто тут сейчас прошел, а?

Швейцар флегматически повел плечами:

— Многие проходили... Фруктовщик Бэр... Профессор Хизертон... Штурман Ковальковский...

Лепсиус сел в автомобиль, тщательно похоронив у себя в памяти три услышанных имени.

Глава семнадцатая

СОВЕЩАНИЕ НА ВИЛЛЕ „ЭФЕМЕРИДА"

— Миссис Тиндик, — сказала горничная Дженни сухопарой особе в очках и с поджатыми губами, — миссис Тиндик, что это вы день и ночь хвастаетесь сиамскими близнецами, как будто сами их родили?

Дерзость Дженни вызвала в кухне отеля «Патрициана» одобрительное хихиканье.

— Девица Дженни, — ответила миссис Тиндик ледяным тоном, — выражайтесь поосторожнее. Я не думаю хвастаться. Я констатирую факт, что сиамские близнецы доводятся мне двоюродной группой и что ни у кого из людей, кроме меня, не может быть двоюродной группы. Двоюродных сестер и братьев сколько угодно, но «группы» — ни у кого, никогда.

— А вам-то какой толк от этого?

— Девица Дженни, я не говорю о «толке». Я кон-ста-ти-рую факт. Я не виновата, что люди завидуют своему ближнему.

— Вот уж ни чуточки! — вспылила Дженни. — Плевать мне на вашу группу, когда я видела самого черта!

В кухне отеля «Патрициана» воцарилось гробовое молчание. Дженни была известна как самая правдивая девушка в Нью-Йорке. Но увидеть черта — это уж слишком.

— Верьте — не верьте, а я видела самого черта! — повторила Дженни со слезой в голосе. — Я прибирала в ванной, а он въехал мне прямо с потолка на затылок, потом попятился и исчез через стену.

Миссис Тиндик торжествующе оглядела все кухонное общество: было очевидно, что Дженни лжет.

Несчастная девушка вспыхнула как кумач. Слезы выступили у нее на глазах:

— Провалиться мне на месте, если не так! И черт был весь черный, голый, без хвоста, с черным носом и белыми зубами.

— Эх, Дженни, — вздохнул курьер, пожилой мужчина, мечтавший о законном браке, — а ведь я на тебе чуть было...

Но тут с быстротой молнии, прямо сквозь потолок свалился на плечо миссис Тиндик голый черный черт без хвоста, подпрыгнул, как кошка, и исчез в камине. Миссис Тиндик издала пронзительный вопль и упала в обморок. А неосторожный Том, проклиная свою неловкость, со всех ног мчался по трубе на соседнюю крышу, а оттуда спустился на Бродвей-стрит, прямехонько к зданию телеграфа.

Прохожие кидались прочь от стремительного трубочиста, локтями прочищавшего, или, вернее, прочернявшего, себе дорогу. Наконец он наверху, в будочке главного телеграфиста, и останавливается, чтобы отдышаться.

Меланхолический Тони Уайт, с белокурым локоном на лбу и черным дамским бантом вместо галстука, взглянул в окошко, узнал Тома, придвинул к себе чистый бланк и тотчас же поставил в уголке две буквы: «ММ».

— Ну? — поощрил он Тома.

— Телефон испортился, Тони, а Мик нам нужен до зарезу, — объяснил Том, тяжело дыша. — Подавай в первую очередь.

— Ну, диктуй. — И Тони написал под диктовку трубочиста:

МИДДЛЬТОУН, МИКУ

Публика собирается сегодня девять часов вечера вилле «Эфемерида» Кресслинга важное совещание будут все.

Том продиктовал это шепотом и удрал, как молния. Тони Уайт справился, скоро ли починят миддльтоунский телефон, разрушенный ночной бурей, и, узнав, что через час, сам сел к телеграфному аппарату. «М. М.», — выстукал он в первую голову. Буквы побежали по линии, все телеграфисты и телеграфистки тотчас же вскакивали, бросая работу, и срочно передавали телеграмму. Сделав свое дело, Тони свернул бланк в трубочку и сжег его, а потом появился с другой стороны будочки, где его поджидала длиннейшая очередь ругавшихся нью-йоркцев.

Через четверть часа бойкий почтальон города Миддльтоуна, разнося депеши, зашел для чего-то и на деревообделочную фабрику. Увидев, что рабочие одни и никого из начальства нет, он сунул в руку Тингсмастера белую бумажку, прикурил и поспешил дальше. Мик прочитал и сжег бумажку. Потом дал кое-какие распоряжения в гуттаперчевую трубку, не отходя от станка, и продолжал изо всех сил работать, насвистывая песенку.

А между тем наступал теплый майский вечер. После ночной грозы Миддльтоун освежился и распушился. По главному шоссе в горы то и дело ездили сторожевые мотоциклетки — это Джек Кресслинг поджидал к себе гостей. Высоко в горах, чуть стемнело, засияло сказочное море света, похожее на полчище гигантов-светляков или на горсть брильянтов величиной с пушечное ядро. Это сияла знаменитая вилла «Эфемерида», построенная по специальному проекту Морлендера, вся из железных кружев, тончайшей деревянной резьбы и хрусталя, насыщенного электрическим светом.

Джек Кресслинг создал себе «царство света», как говорили почтительные газеты, издававшиеся на его средства. Он нашел способ обходиться без людей. В его сияющей вилле все подавалось и принималось бесчисленными электрическими двигателями, а лучезарные комнаты оживлялись только любимыми друзьями Кресслинга —

обезьяной Фру-Фру, английской кобылой Эсмеральдой, двумя молодыми крокодилами, которых он привез из Египта и держал в золотом бассейне, да бывшей секретаршей Элизабет Вессон, ныне безутешной красавицей вдовой Морлендера. Этого общества Кресслингу было вполне достаточно. По его мнению, люди были слишком нечистоплотны, и он не находил в двуногой твари ровно ничего забавного. Джек Кресслинг презирал человечество.

Как только на электрических часах «Эфемериды» раздались мощные звуки Девятой симфонии Бетховена, Кресслинг встал с кресла и нажал кнопку. Надо сказать, что часы у него отбивались девятью симфониями Бетховена, а роль десятой, одиннадцатой и двенадцатой выполняли, к величайшему удивлению посетителей, мяуканье кошки, кукованье кукушки и крик филина. Когда его спрашивали, он отвечал без улыбки: «Музыка не должна вмешиваться в час любви, в час смерти и в час познания».

— Девять часов, — сказал себе Кресслинг. — Пора.

С этими словами он сел в кресло и поджал ноги. В ту же минуту кресло вознеслось с ним вместе через хрустальные потолки и переплеты в верхний этаж, где был роскошный зал с богато убранным столом посередине. Кресслинг лениво прошелся по коврам, нажимая кое-где кнопки, и в залу заструились ароматы, посыпались цветы, проплыли хрустальные бочонки с охлажденной жидкостью. Снизу и сверху, на платиновых подносиках, сдвинулись и разместились по столу тарелки.

Читатель ждет, вероятно, в дополнение всех вышеописанных чудес еще и подробного описания всевозможных яств и напитков, украсивших стол миллиардера. Но по причинам, о которых читатель узнает ниже, я вынужден пока от этого воздержаться.

Не успел Кресслинг нажать последнюю кнопку, как оконное зеркало показало ему несколько подъезжавших

по главной аллее автомобилей. Он быстро передвинул стенные клавиши, и воздушный лифт вознес в залу одного за другим его знатных посетителей.

Тут были генерал Гибгельд, виконт Монморанси, лорд Хардстон, князь Оболонкин, экс-регент Дон Карлос де Лос Патриас, экс-президенты Но-Хом, Уно-Си-Ноги и Сиди-Яма и еще пара-другая претендентов на посты президентов.

Тут были итальянцы, австрийцы, румыны, поляки, изгнанные из своего отечества. С ними прибыли и коммерсанты. Знаменитый немец Стиннес, его приятель Крупп, банкир Вестингауз, английский купец Ротшильд и молодой Юниус Рокфеллер. Среди гостей находился и очень мрачный, впервые попавший в гости к Кресслингу, угрюмо державшийся в стороне сын инженера Морлендера, Артур, с траурной повязкой на рукаве по погибшему отцу. Как всегда, недоставало одного только синьора Чиче.

— Усаживайтесь, господа, — сказал Кресслинг обычным своим, не особенно любезным голосом. — Я прошу извинить моих крокодилов, которые не могли вас дождаться и откушали раньше.

При слове «откушать» те, кто уже бывал в гостях у Кресслинга, не могли удержаться от несколько кривой гримасы. Платиновые полочки пришли опять в движение. Блюда из чистого золота плавно разъехались по столу. На одном из них был поджаренный ячменный хлеб из штата Висконсин, другое содержало тонко нарезанный репчатый лук, на третьем находились ломтики превосходного чикагского сыра. В чашах музейного фарфора приплыла и разместилась на столе та белая масса, которую русские называют простоквашей, кавказцы — мацони, а ученые-диетологи — лактобациллином. Полилась в хрустальные бокалы и охлажденная смесь водорода с кислородом, именуемая водой.

— Поужинаем, господа, — любезно проговорил Джек Кресслинг, первый подав пример и прикусив ячменного хлеба с луком. — Мы, властители крупнейших капиталов мира, знаем вульгарную мечту простонародья и чернорабочей части человечества набивать себе желудки едой. Уже одно это показывает их неспособность управлять Вселенной. Получи они власть — и через год вы их не узнаете, так закруглятся их животы и заплывут глаза; а еще через год никакие врачи не помогут им от ожирения и подагры... Уменье жить, одеваться, тратить деньги, сохранять долголетие, уменье знать и понимать меру вещей — это привилегия тех, кто держит в своих руках все возможности быть чрезмерным! После шести, господа, я вообще ничего не ем — только пью виши, но за компанию...

Князь Оболонкин, вяло обмакивая усы в простоквашу и заедая ее четырьмя кусками сыра, прихваченными как один ломоть, попытался поддержать разговор:

— Французы говорят: хочешь жену экономную — не женись на бедной. С непривычки она пойдет тратить деньги как угорелая. А у богатой иммунитет, у той копеечка копеечку бережет!

Но остальные гости, вероятно из острого чувства меры, застольную беседу не подхватили и в кратчайший срок покончили с ужином.

Перейдя в деловой кабинет Кресслинга, общество расселось за круглым эбеновым столом.

— Друзья мои, — несколько смягченным голосом начал Джек Кресслинг, — вы знаете великие цели, воодушевляющие наш союз. Над миром нависла угроза коммунизма. Это угроза материальная и духовная. Прежде всего необходимо уничтожить ее материально. Коммунисты имеют обыкновение ссылаться на массу и народ, и в этом их слабое место. Мы реалисты. Мы с вами видим по опыту, что историю решают правительства, люди, получающие власть над массой. Они объявляют войны. Они за-

ключают союзы. Они выпускают займы. Они издают законы. Они имеют армию и полицию. Поставьте всюду на местах власть, понимающую великий гений капитализма и ненавидящую инертное месиво коммунизма, и вы в два счета покончите с носителями заразы, коммунистами, путем запрета, ареста, тюрем, виселиц. А там, где коммунисты сами захватили власть — я имею в виду Россию, — там станьте негласно властью над властью, уничтожьте самих правителей путем подсылки убийц, диверсантов, борцов за свободу капитала на земле! Иными словами — объявим коммунизм вне закона. Террор! Террор! Вот что я считаю правильной политикой, господа!

— Все это очень хорошо, хотя и очень беспокойно, — лениво пробормотал виконт Монморанси. — Но как это осуществить практически?

— Не будем прерывать хозяина, — решительно произнес лорд Хардстон, слегка подняв руку.

— Силы наши — точнее, кадры — имеют разные функции, хотя цель едина, — продолжал Кресслинг, слегка кивнув в сторону лорда Хардстона. — Часть из нас, такие, как, например, ваш почтенный отец, Юниус, — обратился он к Рокфеллеру-младшему, — дают деньги, много денег, поскольку дело требует миллиардов. Миллионы и миллиарды дают и Стиннес, и Крупп, и Ротшильд, и я, возглавляющий наш союз. Другие, подобно собравшимся здесь достойным будущим правителям стран, дают свой опыт, свои титулы и свою прежнюю политику, когда мы восстановим их власть на их родине. Третьи, наконец, служат нам безукоризненно, по убеждению, как последний из потомков великого рода магнетизеров и властителей душ, графов Калиостро, — синьор Грегорио Чиче...

Тут речь Кресслинга прервали бурные аплодисменты присутствующих.

— Синьор Грегорио Чиче! — с ударением повторил

Кресслинг. — Вы знаете, как его талантливые предки служили Бурбонам и прочим династиям, сдерживая революционные потуги черни. Магнетизер и гипнотизер при законном короле или президенте — могучая поддержка власти, она не меньше поддержки церкви...

Опять оратор был прерван, на этот раз князем Оболонкиным:

— Могу подтвердить! Пока Гришка Распутин, самый что ни на есть гипнотизер и магнетизер, был жив, самодержавие держалось в России. Убили Гришку — настала революция. Факт!

— И есть еще одна категория нужных нашему делу энтузиастов, — продолжал Кресслинг, — это молодежь, это личные мстители. Мой гениальный инженер и помощник, лучший инженер-изобретатель Америки, Иеремия Морлендер, был предательски, из-за угла, убит большевиками в России. Я понес страшную утрату. Но сын моего дорогого покойного друга, молодой инженер Артур Морлендер, хочет рискнуть своей жизнью, мстя за отца. Познакомьтесь, господа.

Присутствующие и Артур Морлендер обменялись рукопожатиями. Джек Кресслинг заговорил опять:

— Тут мы переходим к конкретному мероприятию. Как вы знаете, так называемые «трудящиеся» (уж будто бы мы с вами не трудимся, господа!) любят посылать в Россию делегации и подарочки. Мы готовим русским один такой подарочек от трудящихся. Он будет поднесен этой осенью, в праздник их революции, в Петербурге, там, где соберутся все правители-коммунисты одновременно. А поднесет его американский коммунист, инженер Василов — точнее, мистер Артур Морлендер под маской Василова. Здешние русские, дорогой князь Оболонкин, вышли, к сожалению, из-под вашей опеки. Часть молодежи увлекается пропагандой из Советской России. Василов, как видите, даже член партии коммунистов, и, говорят,

убежденный. Он готовится к отъезду в Россию, и осенью ему будет поручено поднести так называемый «подарочек» — одно из прекрасных изобретений Морлендера... К нашему большому удовольствию, вы, Артур, очень похожи на этого Василова — примерно одного роста, цвета волос, типа; остальное доделает грим. Подробнейшая инструкция вам будет вручена своевременно. А вы, князь Феофан, комплектуйте небольшую, но сильную правительственную группу из русских для захвата власти, когда «подарочек» уничтожит советских комиссаров. Надеюсь, господа, все вам ясно на данном этапе нашей борьбы?

— Прекрасно! Превосходно! Поздравляем вас, мистер Морлендер! Позвольте пожать вам руку! — посыпалось со всех сторон.

Настроение присутствующих стало особенно горячим в ту минуту, когда хозяин предложил, вместо патриотической жидкости из американского водопровода, снизойти перед концом совещания до шампанского иностранной марки.

Сам Кресслинг, против обыкновения, пил и чокался со своими гостями и на прощанье показал им двух крокодилов, мирно дремавших на дне бассейна.

Совещание кончено, шампанское выпито, хрустальные часы Кресслинга прокричали филином. Гости один за другим отбыли в мрак теплой майской ночи. Один Кресслинг, страдая от вечной бессонницы, обречен долгие часы ходить взад и вперед по сияющим залам «Эфемериды».

Между тем в темном чулане маленького домика, где жил Мик Тингсмастер, экран показывал, а фонограф рассказывал все, что произошло в «Эфемериде». Ребята смотрели и слушали, стиснув кулаки, и между ними, в скромном платье работницы, находилась Вивиан Ортон.

Глава восемнадцатая

ВАСИЛОВ И ЕГО ЖЕНА

Всякий честный коммунист на первое место ставит долг, а на второе — жену. Всякая жена норовит поставить на первое место себя, а на второе — все остальное.

У товарища Василова, члена нью-йоркской компартии, создалась именно такая семейная конъюнктура. Вернувшись с ночного партийного собрания, он разбудил жену и сказал:

— Катя Ивановна, мы едем в Россию.

— Очень рада, — ответила та спросонок. — «Амелия» отходит послезавтра. Поедем вместе с миссис Дебошир.

— Мы с тобой едем на «Торпеде», — возразил товарищ Василов. — Таковы полученные мною инструкции.

— Неужели вы думаете, что, получая какие-то там инкрустации, можете не считаться с чувствами своей жены?

— Инструкции, дорогая, — терпеливо повторил Василов.

Он сделал глупость только раз в жизни — когда женился, и теперь нес все ее последствия.

— Инкрустации, — повторила жена.

— Инструкции!

— Инкрустации!

— Инструкции!

— А! Если вы хуже всякого будильника и не даете мне выспаться, так я заявляю вам: я еду на «Амелии» — и кончено!

— Как хочешь, — устало ответил Василов, горько вздохнул и принялся раздеваться.

На следующее утро Катя Ивановна встала чуть свет, насмешливо взглянула на спящего мужа и в самой нарядной шляпке выскочила на улицу. У ворот стоял посыльный. Он гладил себе бороду. Борода имела почтенный вид.

— Посыльный, — произнесла Катя Ивановна, — вы не знаете, где находятся пароходы, справочные кассы и куда надо сесть, чтобы поехать в Россию?

— Пустое дело, мэм, — ответил, гу́сто закашлявшись, посыльный. — Идите себе домой и садитесь куда хотите. А я, с вашего позволения, выхлопочу вам билет и занесу на дом. Так и запомните: посыльный номер семь.

— Неужели вы это сделаете? Но видите ли, в чем дело. У меня вышли контры с моим мужем. Я хочу поехать на пароходе «Амелия» вместе с миссис Дебошир. Вы можете взять мне билет на «Амелию»?

— Легче, чем плюнуть, мэм.

— Ну, так возьмите. Вот вам деньги. Вот вам документы. И знаете что? Занесите мне билет не домой, а прямо к миссис Дебошир. Ровен-сквер, десять.

— Завтра утречком, мэм, всё получите в полном порядке.

Катя Ивановна, в восторге от своего плана, вынула блокнот, карандаш и конверт и энергически повернула посыльного спиной к себе:

— Номер семь, я на вас облокочусь на минуту... Вот так. Мне хочется написать письмо мужу.

Она вывела кривыми буквами на спине посыльного:

Василов! Ты нуждаешься в уроке, и потому вот тебе мои собственные инкрустации: я еду на «Амелии» с миссис Дебошир. Домой больше не вернусь. Уложи все мои вещи, лиловое платье и ноты для

пения. Надеюсь, ты тоже поедешь на «Амелии», в противном случае мы встретимся на пристани в Кронштадте. Твоя жена

Катя Ивановна.

— Вот, — сказала она, — несите это письмо наверх, прямо по адресу. Бросьте ему письмо на кровать — и бегом обратно. На все его вопросы — гробовое молчание. Поняли?

— Как не понять, мэм! — ухмыльнулся посыльный.

Он поглядел, как веселая дама, распустив над головой зонтик, помчалась по направлению к Ровен-скверу, а сам пробежал глазами доставшееся ему письмо. Потом он взглянул на адрес, покачал головой и отправился с письмом наверх. Добудившись Василова, он сунул ему письмо в руку и, не отвечая на вопросы, сбежал вниз.

До сих пор посыльный Джонс, старый посыльный этого района, действовал, как ему было приказано. Очутившись на улице, он проявил, однако, неожиданную самостоятельность, а именно: дошел до водосточной ямы, оглянулся вокруг и исчез в яме с быстротой крысы. Темный, мокрый проход вывел его сперва на каменную лестницу, потом на станцию подземной дороги. Джонс выбрал минуту и вскочил в узкую щель между железными обшивками вагона: он был в купе между уборной и топкой, не подлежащем оплате.

Честный Джонс сделал несколько пересадок, снова углубился в подземный ход, вымок, выпачкался, растрепал свою бороду, но добрался-таки до жаркого местечка под самой кухней «Патрицианы», где сидел в цилиндре и с гуттаперчевыми трубками на ушах водопроводчик Ван-Гоп.

— Менд-месс... — запыхавшись, проговорил посыльный.

— Месс-менд, — ответил Ван-Гоп. — Это ты, Джонс? Ну, что новенького?

— Жена Василова поручила мне купить ей билет на «Амелию». Она, видишь ли, желает ехать самостоятельно. Завтра утром я должен доставить ей билет и документы по адресу ее подруги.

— Ладно, Джонс, делай свое дело. Я все передам Мику. Да смотри, Джонс, не случилось бы чего с Василовым! Поставь своих ребят по всем углам. Охраняйте его пуще глаза, пока он не попадет на пароходные мостки. Клади сюда бумаги.

Посыльный Джонс, послюнив карандаш, набросал подробное донесение всего, что случилось с ним утром, прибавил на память копию письма Кати Ивановны, сложил все это возле Ван-Гопа и быстро выскочил из цилиндра — через стену прямо за угол «Патрицианы», где помещалась касса пароходного железнодорожного и авиасообщения.

Товарищ Василов между тем не без досады прочитал записку своей жены. Он знал, что легче найти квадратуру круга, чем совпасть с намерениями своей супруги, а потому махнул рукой и занялся укладкой. Василов был стройный и ловкий человек с бритым лицом, успевший значительно американизироваться за долгие годы пребывания в Америке. Он был хорошим партийцем и умелым инженером и ехал теперь на родину с мандатом в кармане и горячим желанием работать на русских заводах и фабриках. Сложив кое-как в чемодан многочисленные тряпки, лиловое платье и ноты Кати Ивановны, он разместил по карманам свои собственные бумаги, сунул туда же полученное только что послание, взял шляпу и отправился покупать себе билет второго класса на пароход «Торпеда», отбывавший через три дня в Европу.

Глава девятнадцатая

ПРИЯТНОЕ ЗНАКОМСТВО

Безлюдный подъезд, где разговаривали Джонс и Катя Ивановна, был таковым лишь на первый взгляд. Не успели оба они разойтись в разные стороны, как из-за вешалки вынырнул черномазый человечек в необычном костюме с блестящими пуговицами. Он зашел в будку автоматического телефона, назвал неразборчиво номер и, когда его соединили, шепотом сообщил, что «Нетти придется купить себе новую шляпку». Только всего и было сказано, и ровнешенько ничего больше. Неизвестно, в какой связи было это с дальнейшими событиями, но только Катя Ивановна, не дойдя еще до жилища миссис Дебошир, почувствовала внезапное желание отдохнуть.

Она оглянулась вокруг и увидела, что неподалеку, в маленьком и пустынном сквере, стоит одинокая скамейка. Дойдя до нее, Катя Ивановна хрустнула пальчиками, откинула голову и зевнула несколько раз с непонятным утомлением. Солнца на небе не было, глаза ее никогда не болели, но тем не менее ей казалось, что перед ней что-то вроде красного солнечного пятнышка.

— Странно, — сказала себе упрямая дама, — в высшей степени странно! Я хочу спать, хотя и не имею намерения спать. Это мне не нравится.

Через сквер проходил между тем какой-то среднего роста человек, щегольски одетый, задумчивый, можно даже сказать — грустный. Руки его, со слегка опухшими сочленениями, висели безжизненно, глаза были впалые, унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, на время при-

нужденного быть трезвым. Под носом стояли редкие кошачьи усы. Он опустился на скамейку возле нее, глубоко вздохнул и закрыл смуглое лицо руками.

Катя Ивановна почувствовала странное сердцебиение.

Незнакомец вздохнул еще раз и прошептал:

— Я не переживу этого... Дайте мне умереть!

— У всех есть горе, — ласково заметила миссис Василова, придвинувшись к незнакомцу. — Сегодня одно, сэр, а завтра другое. Бывает и так, что оба горя сразу. Надо закалять характер.

— Я не в силах... — глухо донеслось со стороны незнакомца.

— Соберитесь с силами, сэр, и вы перенесете.

— Дайте мне вашу руку, мисс, нежную руку женщины. Влейте в меня бальзам.

Катя Ивановна немедленно сняла фильдекосовую перчатку и протянула свою энергичную руку незнакомцу. Тотчас же электрический ток прошел по всему ее телу, она почувствовала головокружение, впрочем очень приятное. Привыкнув к самоанализу, она подумала с изумлением: «Я, кажется, влюбляюсь! Это странно. Я влюбляюсь, хотя я не имею намерения влюбиться».

Между тем незнакомец вливал в себя бальзам целыми бочками при посредстве протянутой руки. Он прижимался к этой руке носом, губами и щеками, гладил, водил по глазам, покалывал жесткими усиками.

— Женщина, — воскликнул он вдруг проникновенно, — будь ангелом! Будь сестрой милосердия! Пожертвуй мне час, два, отгони от меня демона самоубийства!

Непонятно, как это случилось, но Катя Ивановна не смогла бы отказать ему решительно ни в чем. Она подумала, что отлично попадет к миссис Дебошир и в четыре часа дня, встала со скамейки, приняла предложенную руку, а другой рукой вознесла свой зонтик над страдающим незнакомцем.

— В минуту скорби, — поучала она его твердым, хотя и ласковым голосом, — самое важное, дорогой сэр, это орнаментировка на общество. Когда вы орнаментируетесь, сэр, на общество, вы убеждаетесь, что, кроме вас, есть другие люди, большое количество других людей, со своими собственными горестями и радостями. Это успокаивает и расширяет гарнизонт.

— Вы правы, — глухо прошептал незнакомец, — идемте прямо туда, где есть общество. Сядем на пароход и поедем в Борневильский лес.

Миссис Василова никогда не была в Борневильском лесу и не знала, есть ли там общество. Тем не менее ей очень польстило, что слова ее производят на несчастного человека столь решительное действие.

Они сели на пароход и мирно проехали две остановки, миновав Нью-Йорк и отплыв довольно-таки далеко в сторону Светона. Во время пути Катя Ивановна вела беседу на общеобразовательные темы, как-то: кто живет в воде и на суше, бывают ли у рыбы крылья, а у птиц плавники, кто изобрел паровое отопление и почему дома с паровым отоплением не двигаются, а пароходы двигаются. Два-три раза ей пришлось схватить и остановить незнакомца в его намерении броситься через борт.

Наконец, на третьей остановке, они сошли с парохода на землю. Место было довольно пустынное. Здесь начинались рокфеллеровские рудники, поросшие тощим кустарником скалы и небольшой лес, мрачный и неприятный, так как он был из осины и можжевельника.

Миссис Василова вздрогнула.

— Куда вы ведете меня? — прошептала она с тревогой, когда незнакомец потащил ее прямо в этот лес, носивший гордое наименование «Борневильского». — Чего вы хотите от меня, дорогой сэр? Здесь нет общества, здесь нет даже людей!

Но приятный попутчик Кати Ивановны преобразился.

Тусклые глаза его оживились, худое тело напружилось, мускулы сделались стальными. Он пристально глядел на нее и тащил за собой в лес, не отвечая на вопросы.

Странная слабость овладела миссис Василовой. Руки и ноги ее налились тяжестью, во рту было горько, в голове стоял непонятный туман. Она уже не помнила ничего, кроме необходимости дойти до леса, и, кой-как дотащившись до первой осины, поникла всем телом на кочку.

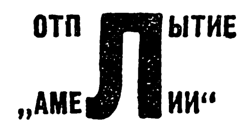
— Мне худо... — прошептала она тихо. — Я не имею намерения, но меня тошнит.

Незнакомец вынул коробочку с круглыми голубоватыми шариками и протянул ее Кате Ивановне. Почти машинально взяла она шарик и положила себе в рот. В ту же секунду страшная судорога прошла по ее телу с пяток до головы, и несчастная свалилась вниз головой в овраг. Человек прыгнул туда вслед за ней, убедился, что она мертва, натаскал хворосту, валежника, осиновых прутьев и закрыл ими тело своей жертвы.

Потом он оглянулся вокруг, зашел за дерево и исчез.

Все было пустынно кругом по-прежнему. Шелестели осины. На Гудзоне неподвижно стояла одинокая дровяная барка.

Глава двадцатая

Джек Кресслинг никогда не позволял себе громко сердиться, а тем более на синьора Грегорио Чиче. В этом отношении он брал уроки сдержанности у своих крокодилов. И сейчас, сидя не без опаски перед небольшим смуглым

человеком неопределенной наружности, свесившим со спинки кресла худую, слабую руку, слегка опухшую в сочленениях, он не сердился, но говорил сухим, мертвенно жестким голосом, глядя мимо своего собеседника:

— Итак, вас постигла неудача с Иеремией Морлендером. Первая неудача синьора Грегорио Чиче. Тем более досадная, что этот техник Сорроу оказался поразительным дураком и ничтожеством... Непонятно, почему, с какой целью его держал и расхваливал Иеремия Морлендер.

— Во всем остальном — полная удача, — ответил синьор, чуть подняв верхнюю губу, что ощетинило щеточку его кошачьих усов.

— Знаю, знаю. И тем не менее...

Джек Кресслинг тяжело вздохнул. Все утро он потерял на выяснение изобретательских способностей Сорроу. Техник притащил целую папку неграмотных чертежей; он, захлебываясь, говорил нестерпимые благоглупости о том, что изобрел вечный двигатель — перепетуум-мобиле — из пары сапог и старой водосточной трубы; он разводил какие-то теории о произрастании чечевицы на асфальте, а когда Джек Кресслинг, окончательно убедившись в полной его негодности, дал ему расчет, — долго еще что-то такое кричал у дверей конторы и не хотел уходить. Одно только утешительно: ненависть этого Сорроу к коммунистам.

Джек Кресслинг называет себя умнейшим заводчиком в Штатах — недаром на сотнях его предприятий в Мидльтоуне нет ни одного, решительно ни одного рабочего, кто хоть однажды был бы заподозрен в симпатиях к коммунизму. Дорого оплачиваемые агенты — такие, как пожилой и солидный слесарь Виллингс, например, — вздыхая, говорят о том, что зря получают от него жалованье... Кстати, Виллингса необходимо послать на «Амелии» в Россию с гуверским фрахтом и кое с чем еще...

— Итак, вы оформите Виллингса на негласное отбытие с «Амелией», а сами отправитесь на «Торпеде» согласно выработанным инструкциям, — подводит он итог своей беседы с молчаливым синьором Чиче.

Тем временем Виллингс и Сорроу тоже кончали свой разговор — с Миком Тингсмастером.

— Уф, нелегко изображать дурака! — вздохнул старичина Сорроу. — Посмотрел бы ты, как передо мной разложили самые секретные чертежи Морлендера, а я, как осел, только ушами хлопал, стараясь втихомолку отпечатать их в своей памяти.

— Не легче играть и агента, — угрюмо отозвался Виллингс. — Зато ты теперь, Сорроу, освободился от моего недремлющего ока и волен ехать куда надо!

Тут оба друга и Мик вместе с ними весело расхохотались.

Вот при каких обстоятельствах старичина Сорроу, получив расчет у Джека Кресслинга, нанялся монтером машинного отделения на пароход «Амелия», зафрахтованный компанией Гувера. За два часа до отплытия он уже был на пристани, наблюдая за погрузкой парохода.

Ирландец Мак-Кинлей, капитан парохода, посасывал свою трубку, разгуливая по корме. Подъемники сбрасывали на пароход одно за другим: бочки с салом, прессованные тюки с маисом и сахаром, ящики с консервированным молоком, мешки с маисовой мукой. Все это предназначалось для тонких кишок голодающего русского народа с целью приобщения его к вершине американской цивилизации — суррогату. Рабочие, грузившие пароход, весело подмигивали Сорроу, и он подмаргивал им в свою очередь.

Вдруг посыльный Джонс, красный, запыхавшийся, растрепанный, опрометью влетел на пристань, огляделся туда и сюда, подбежал к технику Сорроу и, задыхаясь, шепнул ему:

— Жены Василова нет решительно нигде. Не видел ли ты ее в числе пассажиров?

Сорроу отрицательно покачал головой.

— Что мне теперь делать? — взвыл Джонс. — Эта вздорная дамочка, верно, спит вторые сутки. Но где ее искать? У подруги она не была, домой не вернулась, а я, видишь ли, не смею расспрашивать ее мужа, не знает ли он, куда сбежала от него его собственная жена! Что мне делать с билетом, с документами, куда девать сдачу? Кто мне заплатит комиссионные?

— Посоветуйся с Миком, — флегматически ответил Сорроу, продолжая шагать по пристани. — Да торопись: до отплытия осталось всего час пятьдесят восемь с половиной минут.

Джонс подпрыгнул, как ужаленный, метнулся между фонарными столбами туда и сюда, провалился сквозь землю и через десять минут мчался на деревянном стуле по проволоке с крыши манежа Роллея — вверх и вверх, к вышке Миддльтоуна.

Путешествие было рискованное: провода свистели вокруг него, тюки сена могли налететь сверху, если ребята не успеют попридержать их, электрическая энергия могла прекратиться, но честный посыльный Джонс не имел другого способа попасть в Миддльтоун вовремя, и он рискнул на него.

— Ты говоришь, ее никто и нигде не видел? — спросил Тингсмастер, выслушав сбивчивую речь Джонса.

— Именно так, Мик.

— Это значит, что несчастную убрали с пути. Это значит, что Василова тоже ждет западня. Они уберут и Василова, послав вместо него заговорщика Морлендера.

— Василов поедет на «Торпеде», Мик, времени у тебя много... А куда мне девать билет, документы, сдачу? Кто мне заплатит комиссионные? — выл честный Джонс. — «Амелия» стоит под парами, говорю я тебе!

Тингсмастер недолго раздумывал.

— Так подожди же! — крикнул он решительно. — Мисс Ортон, дитя мое, скорей бегите-ка сюда!

На пороге появилась мисс Ортон.

— Слушайте. Вот вам документы и билет. Вы едете через час в Кронштадт на пароходе «Амелия» как жена коммуниста Василова. Ваш муж едет туда же на «Торпеде». Вы по капризу сели на «Амелию». Вы встретите его на кронштадтской пристани. Вы шепнете ему, что посланы рабочими вместо его жены, чтобы охранять его жизнь от покушений, и раскроете ему заговор фашистской организации... Поняли?

— Да, — ответила мисс Ортон. — Спасибо, Микаэль Тингсмастер. Вы будете рады, что поручили это дело мне.

— Постойте-ка... Может случиться, что Василова уберут и вместо него подошлют Артура Морлендера...

— А-а! — вырвалось у девушки сквозь стиснутые зубы.

— Тогда мстите, мисс Ортон. Но сумейте мстить. Вы будете женой заговорщика, вы притворитесь, что не угадали подмены. Это тем более легко, что он сам не знает, какая у Василова жена. Вы день и ночь будете сторожить его и раскрывать шаг за шагом, нить за нитью гнусный заговор, покуда все нити не будут в ваших руках. Тогда откройте всё советской власти. Поняли?

— Да! — воскликнула девушка. — Еще раз спасибо.

— Ты немедленно доставишь ее на «Амелию», — обратился Тингсмастер к посыльному Джонсу. — Поручи ее Сорроу, и пусть Сорроу снабдит ее всем необходимым. Во время пути пусть Сорроу каждый час принимает радио с «Торпеды». Мы пошлем монтера Биска охранять жизнь Василова. Понял? Иди.

— Мик, — простонал бедный Джонс, почесав у себя в бороде, — а кто же заплатит мне комиссионные? Кому передать сдачу?

— Бери себе сдачу вместо комиссионных! — крикнул Тингсмастер, схватив за руки обоих — Джонса и девушку — и увлекая их к телеграфной вышке.

Через полчаса стройная молодая дама под темной вуалью заняла каюту первого класса на пароходе «Амелия», а техник Сорроу принял от Джонса подробнейшие указания Тингсмастера.

Трап поднят. Дым повалил из трубы. Палуба, реи, бесчисленные окошки кают полны высунувшихся голов, шапок, носовых платков. Все это машет, свистит, визжит, кивает — и в ответ машет, свистит, визжит, кивает залитая толпой пристань. Пароход «Амелия» делает красивый поворот и, задымив, отправляется в далекий рейс.

Глава двадцать первая

Отослав Сорроу и Виллингса делать свои дела и простившись с мисс Ортон, Мик Тингсмастер дал наконец волю своим чувствам.

Редко кто мог бы сказать, что видел его в таком гневе, в каком он находился сейчас.

Мик ударил кулаком по столу:

— Убивать женщин, подлецы! Если бы я только мог напасть на след этого человека!

— Менд-месс, — раздалось из стены.

— Месс-менд, — ответил он поспешно, и тотчас в комнату с ловкостью обезьяны прыгнул трубочист Том.

— Мик... — начал он свою речь запинаясь.

— Ну?

— Мик, хоть в обществе и поговаривают, будто я черт, но не в обиду тебе будь сказано, Мик, я сам начинаю побаиваться черта. Видишь ли, мы с Ван-Гопом, как ты приказал, день и ночь сторожили «Патрициану». Только сидим мы в стене, а под нами, тоже в стене, кто-то знай себе сторожит нас. И ей-ей, Мик, если я черт только по фальшивому наговору, то под нами в стене ходит что ни на есть настоящий черт, в этом я тебе прозакладываю собственную голову.

— Значит, вы продолжаете слышать шаги в подземном ходе?

— Называй это подземным ходом, если тебе нравится, а мы с Ван-Гопом называем это бесовской тропой!

Тингсмастер поглядел на широкую черную рожицу Тома, хотел было сказать ему слова два, но махнул рукой и решительными шагами подошел к двери. Раскрыв ее, он крикнул в темноту:

— Бьюти! Бьюти!

Тотчас же в комнату ворвалась огромная белая собака с золотистыми пятнами. Она прыгала вокруг Тингсмастера, била хвостом, припадала на передние лапы, дружески рыча, потом вскакивала на задние и обнимала своего хозяина с самой пылкой нежностью. Наконец, угомонившись, она лизнула его в нос, свернулась на полу и положила морду на его пыльный сапог.

— Бьюти, — ласково сказал Мик, нагнувшись к своему другу; белый хвост энергично забарабанил в ответ. — Бьюти, мне требуется от тебя важная штука. Опасная штука, понимаешь?

Хвост дал ритмически понять, что Бьюти готова на все.

— Я не могу послать туда человека, Бьюти, потому что это сильно смахивало бы на убийство. Ты же сумеешь

выкрутиться. Но гляди, Бьюти, гляди, дружище: тот, за кем мы с тобой охотимся, — величайший враг твоего хозяина.

Ррррр! — раздалось снизу.

— И величайший враг человечества Будь осторожен, песик.

Рррхав! Хав! — свирепо пролаяла Бьюти и положила лапу на колени Тингсмастера.

— Мик, — умоляюще произнес Том, — что это ты задумал? Что может собачка противу черта!

Но Тингсмастер не любил лишних разговоров. Он оглядел зубы, уши и лапы Бьюти, надел ей на грудь тонкий, как батист, металлический панцирь и привязал к ошейнику веревку с нанизанными на ней кусочками мяса.

— Смотри, Бьюти, по кусочку в день, не больше того, — сказал он умной собаке, следившей за каждым его движением.

Оглянувшись вокруг, он сунул себе в карман электрический фонарь и кое-какую мелочь, кивнул головой Тому и двинулся в путь.

Между тем на кухне отеля «Патрициана» шло торжественное совещание служебного персонала с администрацией. За первых представительствовала миссис Тиндик, вторую возглавлял Сетто из Диарбекира.

— Я скажу коротко, — начала миссис Тиндик, поджимая губы. — Со дня смерти мистера Тиндика, моего мужа, ни одна мужская рука не касалась моих плеч. Я введена в убыток. Я положительно настаиваю на возмещении убытков, причиненных мне прикосновением мужчины к моим плечам на территории вашей гостиницы, мистер Сетто.

— Правильно! — хором поддержала ее вся кухня. — Насчет убытков — это она в самую точку. Мы тоже в убытке, хозяин. Если этак, не разбирая времени, каждый

божий день станут на нас сыпаться черти с потолка, вы можете преждевременно потерять свою рабочую силу.

Миссис Тиндик с неудовольствием повернулась к своей аудитории.

— Не будем путать наших законных претензий, — сказала она твердо. — Я, как известно даже мировому судье, могу рассчитывать на особую поддержку общества, ибо общество принимает во внимание роковую игру природы. Я должна стоять за честь своего имени. Я имею положительное намерение оградить свое имя от посягательств джентльменов неизвестного происхождения на территории вашей гостиницы, мистер Сетто.

Сетто из Диарбекира вынул изо рта чубук, оглядел всех присутствующих и спокойно произнес:

— Правильно. Вы в убытке, я в убытке. Как утверждает эта умная женщина, миссис Тиндик, на самой что ни на есть территории моей гостиницы поселился бесплатный элемент. Разберем дело... Жена, иди сюда, разбери дело. Я нанимаю швейцара, я нанимаю курьера, я нанимаю сторожа, я нанимаю камердинера, я нанимаю официанта, я нанимаю девушку. Верно я говорю, жена?

— Истинную правду, Сетто.

— И я нанимаю... слушайте меня крепко, миссис Тиндик... я нанимаю даму, надзирающую за швейцаром, курьером, сторожем, камердинером, официантом и девушкой. И что же получается? Вы не можете досмотреть жильца, поселившегося в стенах моей гостиницы и противозаконно попирающего мою территорию. За что, спрашивается, вы получаете жалованье, миссис Тиндик, а?

Такой оборот дела очень не понравился служебному персоналу.

— Но мои плечи, мистер Сетто! — возмущенно воскликнула миссис Тиндик.

— Э, дорогая моя миссис Тиндик, — продолжал неумолимый Сетто, — черт или не черт, а в вашем возрасте и

при положении, какое вы у меня занимаете, позволять голому мужчине прыгать себе на плечи — это верх неприличия, сударыня, верх неприличия!

Миссис Тиндик вскрикнула, как ужаленная, от оскорбления. В кухне раздался хохот, а Сетто из Диарбекира подхватил жену свою под руку и как ни в чем не бывало отправился восвояси.

Пока этот знаменательный разговор происходил в кухне, наверху, перед комнатой без номера, бесшумно выскочив из стеклянного шкафа, появились Мик со своей собакой, Том-трубочист и водопроводчик Ван-Гоп.

Мик нажал невидимую кнопку, и дверь вместе с замком и запором тихо отошла от стены. В комнате никого не было. Вообще это жилище синьора Чиче производило страшное впечатление необитаемого места. Постель казалась нетронутой, стулья — несдвинутыми, занавеси на окнах — никогда не поднимающимися. Мик покачал головой и направился прямо к тому месту, где должен был находиться люк.

— Ни один квадрат этого пола не снабжен нашим клеймом, — шепнул он своим спутникам. — Сдается мне, братцы, что мы в логове крупного зверя. Все остальные рядом с ним — только болтуны.

Он опустился на колени, вынул лупу и долго изучал поверхность пола. Потом вскочил и побежал к стене. Здесь был вбит крохотный гвоздь, на котором криво висел стенной календарь. Тингсмастер сдвинул календарь в сторону и указал Тому и Виллингсу на едва заметную выпуклость под обоями. Надавив на нее, он вернулся к полу и снова пристально оглядел его в лупу. Между двумя кусками паркета появилась теперь чуть заметная щель. Тингсмастер вынул тонкую полосу стали и принялся ею орудовать. Щель расширилась, паркет шевельнулся, затрепетал и медленно стал ребром. Внизу чернела дыра.

— Бьюти! — подозвал собаку Тингсмастер.

— Ребята, взгляните, что с ней! — воскликнул Том.

Собака тряслась всеми членами, зевала так, будто ей раздвигали челюсти щипцами для расширения сапог, и шерсть у нее на спине стояла дыбом.

— Я говорил тебе, Мик, я тебе говорил, — в ужасе бормотал Том, — не связывайся с чертом! Зачем губишь собаку!

Но Тингсмастер тоже казался удивленным, тем более что на него самого напала непреодолимая потребность зевать. Он стал, однако же, смотреть вовсе не на собаку, а на окно, на ставни, на драпировку. Он пододвинул стул, вскочил на него и стал шарить по кисейной занавеси, складками спускавшейся вниз. Найдя что-то, он сорвал это и спрыгнул на пол. В комнате раздался лишь треск оборвавшейся нитки, и в ту же минуту собака перестала трястись. Она подняла умную морду к хозяину и забила хвостом.

Тингсмастер подошел к Тому и Ван-Гопу и раскрыл ладонь. На ней лежало круглое стеклышко странного цвета, того молочно-мутного цвета с примесью теплого багрянца, какой можно увидеть в глазах новорожденного теленка.

— Фабионит, — сказал Мик, тотчас же опять зажав камень. — Техник Сорроу может рассказать вам про него интересные вещи, ребята. Это искусственный камень, изготовленный химиком Фабио Дуцци года полтора назад на одном из заводов Франции. Я не могу понять, откуда и зачем он очутился здесь. Эта штука может усыпить целую армию, если направить на нее световые лучи.

Он спрятал стеклышко в карман и опять подошел к дыре:

— Бьюти, собачка, поди-ка сюда!

Бьюти подошла к хозяину, не выражая на этот раз никакого страха. Но дух, шедший из подземного хода, действовал на нее, по-видимому, возбуждающе. Шерсть ее

шевелилась на спине, а ноздри беспрерывно втягивали воздух.

Тингсмастер взял ее морду обеими руками и пристально посмотрел в умные собачьи глаза.

— Бьюти, — сказал он медленно, — иди туда, в дыру. Не давайся никому в руки. Проследи, куда идет ход и где выход. Возвращайся назад в Миддльтоун и покажи нам всем, откуда ты выбралась. Поняла?

Бьюти повизгивала, тыкаясь носом в хозяина.

— Иди. Раз, два, три!

Бьюти еще раз взглянула на трех людей, стоявших над люком, вильнула хвостом и в мгновение ока бесшумно исчезла в дыре. Минут десять все трое ждали ее, прислушиваясь к каждому шороху. Но все было тихо. Собака не возвращалась.

Тогда Тингсмастер закрыл трап, снова повесил календарь, как он висел раньше, каждую вещь поставил на прежнее место и вместе с товарищами вышел из комнаты.

Глава двадцать вторая

В трех милях от Нью-Йорка, по пути к Светону, высятся знаменитые Харвейские доки. Пароход «Торпеда», отправленный сюда на починку, готов к отплытию. Он вычищен внутри и снаружи, заштопан, облицован, перекрашен и весело косится на вас тысячью выпуклых круглых окошек, похожих на лягушечьи глаза.

Матросы, которым уже надоело шмыгать по городу и уже нечего было пропивать, собрались дружной семьей в машинном отделении. Табачный дым заволакивал всё, как банный пар. Матросы рассказывали друг другу страшные истории и коротали досуг, оставшийся им до отплытия «Торпеды».

— Ну, ребята, — сказал новый механик, рекомендованный «Торпеде» союзом докеров, веселый шотландец Биск. — «Торпеда» хоть сейчас снимайся — так мы ее заштопали. Братья Дуглас и Борлей могут быть довольны.

— Был бы доволен капитан, — мрачно ответил старый матрос Ксаверий, до сих пор молчавший, — а уж братья Дуглас и Борлей не пикнут.

— Помалкивай! — крикнул ему бледный как смерть матрос с глазами, обведенными черными кругами. Это был Дан, еще недавно веселый смельчак, друг и собутыльник несчастного Дипа, а сейчас истощенный, хилый, как тень, человек, боявшийся заглянуть себе за плечо.

— Что с тобой сталось, баба ты! — сердито огрызнулся Ксаверий. — Коли я говорю громко, значит, можно говорить громко. Я не дурак, отдаю себе отчет. Ты, товарищ, здесь только третьи сутки, — снова обратился он к Биску, — а пробудешь еще трое — так проклянешь день и час, что занес тебя на нашу «Торпеду».

— Ну, я не из робких! — засмеялся Биск. — Нашему брату тоже приходится испытывать всякую всячину. А кто же капитан «Торпеды»? Разве не Джексон из Гаммерфорта?

— Джексон уже год как ушел. Это был капитан в самый раз. Про Джексона, парень, тебе никто даже спьяну не скажет худого слова. А теперь у нас...

— Молчи! — опять перебил его Дан, трясясь, как в лихорадке.

На этот раз старый Ксаверий как будто послушался Дана Во всяком случае, он закрыл рот и не пожелал продолжать речь.

— Как зовут нового капитана? — спросил Биск, оглядывая матросов.

Лица их были пасмурны. Кто-то ответил нехотя:

— Капитан Грегуар.

— Что он, француз, что ли?

— Француз ли, черт ли, — вмешался опять Ксаверий, — а только он рыжий. Этакой масти нечего соваться в море. Если ты рыжий, так и служи в банке, а на море тебе делать нечего, если не хочешь накликать беду на всю команду. Не было еще случая, чтоб океан спокойно снес рыжего человека.

Разговор оборвался. Матросы забились каждый в свой угол, и неизвестно, от сумерек или от табачного дыма, но лица их стали серыми. Биск выбрался из отделения на лестницу, сделал шагов сто, оглянулся туда и сюда, быстро провел пальцем по железной обшивке и юркнул в образовавшуюся щель. Обшивка тотчас задвинулась, а Биск очутился в крохотной, но очень уютной комнатке с вентилятором на потолке и электрической лампочкой сбоку, сделанной ребятами с кораблестроительного и не подлежащей оплате. На столе перед Биском лежала тетрадь, в стол была вделана походная чернильница, перо висело на длинной цепочке. Биск открыл первую страницу тетради, на которой было крупно выведено:

ДОНЕСЕНИЯ БИСКА С ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ «ТОРПЕДЫ»,

и написал под этим:

«Личность капитана Грегуара, судя по рассказам матросов, очень подозрительна. Пассажиров записалось всего 980 человек. Из них в Россию едут еще несколько человек, кроме Василова. Он записался на каюту второго класса № 117, находящуюся между трапом и каютами служеб-

ного персонала. Я осмотрел ее и ничего подозрительного не нашел. На всякий случай осмотрел и смежные каюты. По-видимому, железо на обшивку всего служебного отделения взято не с наших металлургических — ни на одном листе нет нашего клейма. Проникнуть к капитану не удалось. Среди пассажиров, отправляющихся в Европу, подозрительны банкир Вестингауз и сенатор Нотэбит с дочерью. По слухам, Вестингауз едет развлечься после исчезновения своей таинственной Маски, а сенатор Нотэбит исполняет каприз своей дочери, с некоторого времени преследующей без всякой видимой причины банкира Вестингауза. Совершенно непонятно отсутствие на пароходе Артура Морлендера, который должен был, по плану фашистов, инкогнито отправиться в Советскую Россию. Среди пассажиров нет ни одного, кто мог бы оказаться переодетым Морлендером».

Написав все это, Биск вырвал страничку, запечатал ее в конверт, тихо выбрался из каюты и через минуту был уже в комнате почтового отделения, где восседала наша старая знакомая, мисс Тоттер. Она была помещена сюда прямехонько из «Патрицианы», по рекомендации знатных жильцов Сетто-диарбекирца.

— Мисс Тоттер, — сказал Биск, — вот вам первое письмецо для Мика. Я надеюсь, их еще будет с добрую дюжину, и надеюсь также, что мы с вами благополучно доберемся до Кронштадта.

Мисс Тоттер ничего не ответила, взяла письмо и подошла к одной из многочисленных темных клеток, висевших в комнате. Микроскопическими буквами «M» была отмечена дверца.

— Это голуби Мика, — шепнула мисс Тоттер и меланхолически вздохнула.

Потом она достала одного из почтовых голубей, вложила письмо в сумочку на его груди, раскрыла верхнее окошко и выпустила птицу на волю.

Биск свистнул, как человек, выполнивший свой долг, заложил руки в карманы и кратчайшим путем отправился на палубу, то есть раздвинул обшивку и углубился в узкий межстенный ход. Он шел в темноте не более двух минут, как вдруг замер как вкопанный. Из стены, близехонько от него, донесся свистящий звук. Спустя мгновение звук превратился в царапанье, и кто-то прошел в стене мимо Биска так близко, так слышно, что механик невольно отодвинулся, хотя проходивший был отделен от него железным листом. В то же время над ним что-то хлопнуло с тихим треском, словно закрылся невидимый люк.

Но шотландец Биск недаром считал себя человеком не из робкого десятка. Он выждал несколько минут, раздвинул обшивку и вышел на трап, не заходя к себе в каюту.

— Придется делать дополнение к письму. Довольно-таки скоро! — сказал он себе философски.

В это время мимо него пробежали матросы с криком:

— Сниматься, сниматься! Приказ от капитана снимать «Торпеду» на Нью-Йоркский рейд. Завтра утром отплытие.

Биск остановил пробегавшего юношу и спросил его:

— Когда отдано приказание? Разве капитан на «Торпеде»?

— Капитана никто из нас не видит, — шепнул ему на ухо матросик, — а приказание отдается через штурмана.

И голубоглазый матросик опрометью бросился дальше.

Глава двадцать третья

ОТПЛЫТИЕ „ТОРПЕДЫ“

Хороший денек для отплытия парохода, нечего сказать! С утра полил дождь. Вода в Гудзоне поднялась на несколько вершков. Ночным ураганом вдребезги разбило все частновладельческие лодки, стоявшие у пристани.

И, наконец, утренние газеты отметили понижение цен на американскую пшеницу, одновременно упомянув еще о трех событиях: в овраге, возле Борневильского леса, найден совершенно обезображенный труп неизвестной женщины; секретарь покойного нотариуса Крафта бежал бесследно, обворовав кассу; гроб с телом Иеремии Морлендера, назначенный ко вскрытию по ходатайству кормилицы покойного и его дальних родственников, прибывших из Европы, был внезапно украден из родовой часовни Кресслинга неизвестными злоумышленниками и, несмотря на все поиски, не разыскан...

Доктор Лепсиус, прочитавший все это, бессильно уронил газету на колени и откинулся в полном изнеможении на спинку кресла. Он почувствовал прилив ненависти к человечеству. Он недоумевал, какие силы заставляют его жить и работать на пользу этого самого человечества...

Но спустя мгновение природный оптимизм доктора Лепсиуса взял верх, и он повернул страницу газеты, надеясь отдохнуть душой на театральных, брачных, спортивных, биржевых и тому подобных увеселительных бюллетенях.

Вдруг взор его упал на несколько строк, напечатанных курсивом. Вне себя от злобы Лепсиус прочитал следующее:

«Вчера, в семь часов вечера, в церкви Сорока мучеников состоялось бракосочетание девицы мисс Смоулль с мистером Натаниэлем Эпидермом, мажордомом нашего знаменитого рентгенолога Бентровато. Со стороны новобрачной присутствовали родственники, гг. Смоулль из Миддльтоуна, со стороны жениха — сам доктор Бентровато, одновременно прочитавший собравшейся вокруг него густой толпе молодежи лекцию о рентгенизации младенца во чреве матери с целью определения его пола».

Лепсиус вскочил, судорожно скомкав газету.

Глаза его налились кровью. Он махнул рукой, сорвал с вешалки шляпу и кубарем скатился вниз с крутой лестницы.

Доктор Лепсиус положительно задыхался. Не будь он доктором, он побежал бы сейчас к доктору, чтобы пустить себе кровь или по крайней мере получить какой-нибудь рецепт, написанный по-латыни, что, как известно, имеет свою хорошую сторону, наглядно доказывая разумность произведенной вами затраты.

Но и этого утешения он не мог себе доставить. И поэтому Лепсиус бежал со всех ног по улице, бежал от вероломства своей экономки, бежал куда глаза глядят, пока не выбежал прямехонько к Гудзону.

Дождь шел как из ведра. Газетчики и чистильщики сапог попрятались. Редкие пешеходы принадлежали к разряду людей, ходивших босиком. Туман клубился по улицам Нью-Йорка, стоял над Гудзоном, заволакивал всю набережную до такой степени, что Харвейский маяк опоясывал лентами прожектора весь кусок залива, а набережная расцветилась электричеством в двенадцать часов дня.

Лепсиус промок до нитки и не без удивления заметил, что вышел к рейду, где, залитая тысячью огней, стояла «Торпеда», уже готовая к принятию пассажиров. Трап, однако же, еще не был спущен. Толпа, стоявшая под дождем, выражала все признаки страшного нетерпения.

— Они боятся демонстраций, — сказал кто-то возле Лепсиуса ворчливым голосом, — как будто в наше время делают демонстрации!

— Еще как делают! — ответил другой. — Ведь коммунисты посылают своего представителя в Совдепию. Смотри, его вышли провожать, ей-ей, не хуже, чем президента.

Тут только Лепсиус заметил необычайное стечение народа и огляделся внимательней.

Вся огромная площадь вокруг него была залита людьми в кепках и рабочих куртках. Они пришли сюда прямо с фабрик, не успев переодеться. Лица их горели воодушевлением, руки протягивались со всех сторон к товарищу Василову, стоявшему среди них в сером дорожном костюме.

— Передай им, Василов, что мы не дремлем! — кричал кто-то, размахивая картузом. — Мы не прозеваем своего часа!

— Кланяйся Ленину! — кричал другой.

Толпа напирала со всех сторон, не давая подойти к Василову решительно никому с той половины набережной, где собралась публика познатней. Лепсиус увидел там Вестингауза с элегантным саквояжем в руках и моноклем в глазу. Неподалеку от него кудрявая Грэс, теребя своего отца, оглядывалась во все стороны, ища кого-то глазами. Их провожали девицы, дамы и кавалеры в смокингах с 5-й авеню, тщетно пытаясь спрятаться от дождя под парусиновым навесом. Но кучка нарядных нью-йоркцев, отбывающих в Европу проветриться, совершенно терялась

среди тысячной толпы рабочих, рокотавшей глухо, как море. Полисмен, робко пробираясь к ней, делал вид, что распоряжается движением, тогда как рабочие перебрасывали его с одного места на другое, как мячик.

Лепсиус выбрался из толпы к самому борту «Торпеды», где из кают-компании высовывались головы мичманов и матросов.

— Ковальковский, — крикнул кто-то, — пора спускать трап, отдайте распоряжение!

Розовый, как херувим, толстый-претолстый мичман с губами-шлепанцами побежал отдавать приказание. Лепсиус оглядел его руки и ноги критическим оком, вынул записную книжку, где стояли три фамилии:

1. Фруктовщик Бэр
2. Профессор Хизертон
3. Мичман Ковальковский,

и вычеркнул последнюю из списка.

Между тем, забравшись на якорную цепь «Торпеды», два человека шептались. Один из них был трубочист Том, другой — механик Биск.

— Мик передает тебе, что письмо получено. Отсутствие Морлендера гораздо подозрительней, чем его присутствие. Мик боится за жизнь Василова. Смотри, Биск, охраняй его собственной шкурой, не щадя себя самого!

— Знаю, — ответил Биск. — А что, собака вернулась?

— Нет. Мик в большом горе. Собака исчезла — должно быть, ее пырнули ножом... Ну, прощай, Биск, посылай вести.

— Прощай, Том. Будьте покойны.

Том спрыгнул вниз, на швартовый, повис, раскачался, сделал пируэт и исчез в воде.

Трап спущен; приветствия, пожелания, проводы. Несколько пар острых глаз, принадлежащих людям одной

профессии, но, по-видимому, служащих разным хозяевам, поскольку они, видимо, не знают друг друга, оглядывали, словно обшаривали, каждого пассажира, поднимавшегося на трап, где проверяли билеты и документы:

Один...

Другой...

Третий...

Четвертый...

Пятый...

Нет Морлендера, нет ничего похожего на Морлендера!

Знатная публика прошла; на трап поднимается коммунист Василов.

Он бледен от волнения. Знатная часть публики награждает его свистом.

Но свист тотчас же поглощается ревом, тысячеголосым ревом толпы, подбрасывающей вверх шапки, платки, кепи:

— Урра, Василов! Урра, Советская Россия! Поезжай, товарищ, кланяйся ребятам, пусть держатся крепко! Да здравствует Ленин!

Рев стал громовым, и к нему присоединились, как бы поддерживая рабочие глотки, могучий свист паровой сирены, треск поднимаемого трапа, звяканье цепей, свист ветра, скрип досок и снастей — «Торпеда» медленно тронулась в путь.

Пароход уже отошел в глубину залива, туман уже скрыл тысячи огней, заливших его палубу и кают-компанию, а громовые крики и приветы Ленину все продолжали потрясать набережную, вызывая кое у кого и в Нью-Йорке и на пароходе небезосновательное сердцебиение.

Глава двадцать четвертая

«19 мая в полдень мы снялись. Я был занят в машинном отделении и часа три не мог выбраться на палубу. День спокойный, событий нет, если не считать странного рассказа некоего матроса Дана, порядочного труса и эпилептика. Он рассказал, будто слышал несколько раз из-под нар, где спят матросы, протяжный, нечеловеческий вой. Мы все ходили туда, чтобы его успокоить, но ничего не слышали. Дан ведет себя странно. Сегодня с ним был припадок, он выл, колотился головой о землю, и изо рта его шла пена. Я подумал, что его собственный вой очень мало похож на человеческий.

Получив полуторачасовой отпуск, я бросился на палубу под предлогом проверки электрических проводов. Все в порядке. Палуба напоминает приемную президента в Белом доме: всюду тропические растения в кадках, ковры, статуи. Пассажиры слушали в пять часов маленький концерт и пили чай на палубе. Василов не поднимался из каюты. Я спустился в наш проход, открыл глазок и заглянул к нему. Меня удивило, что он делает: он сидел посреди каюты на корточках, держал револьвер в руках и глядел на дверь. Лицо его мне показалось растерянным и напуганным. Я бросил ему в комнату записку:

У вас есть здесь защитник. Сообщите, чего вы боитесь, и оставьте записку у себя на столе. Будьте наружно спокойней, проводите все время с другими пассажирами.

Он поднял записку, прочитал и вместо ответа сказал шепотом:

— Я прошу того, кто мне бросил записку, зайти в каюту.

Тогда я вынырнул из-под обшивки в коридор и постучал к нему. Он полуоткрыл дверь, держа револьвер в руках, осмотрел меня и потом впустил. Я назвал себя и сказал, что еду с ним до самого Кронштадта, чтоб охранять его жизнь. Он улыбнулся и показал мне клочок бумаги, на котором грубыми буквами и совершенно безграмотно было написано:

Вы умроте, как толко пиреступете парог свой каюта.

Василов пристально смотрел на меня, пока я читал бумажку, а потом произнес:

— Вы видите, я окружен слишком уж большими заботами. Один советует мне быть с пассажирами, другой — не выходить из каюты. Чей совет я должен принять во внимание? Откуда я знаю, кто мне враг, а кто друг?

Прежде чем ответить, я еще раз прочел бумажку. Это был грязный лист, вырванный из корабельной кухонной книги. Тот, кто писал, оставил на нем следы жирного большого пальца. Трудно было предположить, что записка исходит из вражеского лагеря.

— Слушайте! — вскричал я, составив план действий.— Возьмите эту записку, идите с ней к штурману и скажите, что вы чувствуете себя встревоженным и хотите быть помещенным или в общую каюту второго класса, или в общую палату корабельного лазарета. Это самое умное, что мы можем придумать.

Василов покачал головой:

— Мне все же неприятно выйти за порог этой каюты.

— Бойтесь оставаться в ней! — продолжал я под наитием своих мыслей. — А чтоб вы были спокойны за свою жизнь, — вот...

С этими словами я распахнул дверь, вышел на трап и спокойно произнес, обращаясь к нему, в то время как кончиком глаза отлично видел фалду чьего-то черного сюртука, исчезнувшего за перилами:

— У вас все в порядке, сэр... Должно быть, это внизу сорвана пробка.

Василов вышел вслед за мной, и мы вместе поднялись на палубу. Я старался держаться рядом с ним, чтоб в случае опасности принять беду на свою шкуру. Но ничего ровнешенько не случилось — он благополучно добрался до стеклянной будочки, где сидел толстый штурман Ковальковский. Я занялся своими проводами, которые ухитрился предварительно испортить, и видел, как Ковальковский прочитал протянутую ему записку. Толстое лицо его вспыхнуло от негодования, он несколько раз передернул плечами. Потом встал, и Василов пошел вслед за ним, по направлению лазарета.

Я не мог пойти туда же. Но, чиня провода, я спиной продвигался к трапу, откуда видны были каюты второго класса и служебное отделение. К своему изумлению, я увидел невысокого, совершенно незнакомого мне человека в длинном черном сюртуке, стоявшего прямо перед каютой Василова. Он был рыжий. Я не удержался от восклицания. В ту же минуту он обернулся и взглянул на меня. Это был невзрачный человек с блуждающими глазами. Они глядели без всякого выражения, точь-в-точь как у рыбы на песке или у горького пьяницы, если продержишь его денька три на чистой водице. Не знаю почему, по телу у меня прошли мурашки. Я вспомнил слова старого Ксаверия.

«Должно быть, это капитан Грегуар», — подумал я и поспешил скрыться с палубы.

Внизу, перед машинным, шли толки о болезни Дана. Португалец Пичегра, мой прямой начальник, набросился на меня:

— Вы бы поменьше шатались, Биск! Беднягу Дана пришлось снести в больницу, он мне теперь ни к чему, а вас велено всю ночь держать без смены. Вот, извольте-ка поработать!

— Кто велел?

— Приказ вышел — и баста! — угрюмо ответил Пичегра. — Не беспокойтесь, если начальству угодно осыпать вас сверхурочными неизвестно за что про что, так уж оно вытянет из вас все соки!

Ворча и ругаясь, он мало-помалу выболтал мне, что капитан Грегуар лично распорядился назначить меня на ночное дежурство к машинам и что «Торпеде» приказано развить рекордную скорость ввиду полученных по радио сведений о надвигающемся шторме.

— Мы должны перебежать ему дорогу, вот что, — пропыхтел Пичегра из-за своей вонючей трубки.

Мне это очень не понравилось, но делать было нечего. Я решил смириться, быть на дежурстве часа два-три, а потом улизнуть под предлогом нездоровья в уборную и попытаться пройти по стене к мисс Тоттер. Донесение для Мика обо всем происходящем лежало у меня в кармане. Итак, я остался, надел свой фартук и очки, потушил трубку и пошел в машинное отделение.

Чугунные звери молча делали свое дело. Они сжимали и разжимали челюсти, жевали сцепившимися зубами минуту за минутой, поедая время с ненасытной прожорливостью. Час, другой, третий... Я схватился за живот, закряхтел и выбежал мимо кучки рабочих в темный коридор, откуда мне ничего не стоило пролезть за обшивку, сделать два-три перехода в стене и постучаться к мисс Тоттер.

— Менд-месс!

Ни звука.

— Менд-месс!

Мисс Тоттер не отвечает.

Что за странности? Я заглянул в щель.

Мисс Тоттер лежит на полу в позе спящего человека, бумаги ее перерыты, в иллюминатор льется свежий морской воздух, шкафчики мисс Тоттер открыты, и голубей, знаменитых голубей Мика, и след простыл».

Глава двадцать пятая

«— Биск! Какого черта вы запропастились? — услышал я голос португальца.

Пришлось вернуться в машинное отделение, не разобрав толком причины сна мисс Тоттер и исчезновения голубей Мика Тингсмастера.

Всю ночь «Торпеда» развивала предельную скорость. Пока пассажиры мирно спали, паровой котел грозил разорваться от напряжения, кочегары носились в топке, как черти, а за бортами летевшей вперед «Торпеды» бился и ревел дьявольский шторм.

К самому утру, когда я уже шатался от усталости, португалец пришел сменить меня, и я побежал в каюту. Зевая, залез я на первые попавшиеся нары рядом с храпящим матросом и, не раздеваясь, собрался заснуть, как вдруг из-под пола донесся до нас полузаглушенный вой — жуткий, нечеловеческий вой, от которого у меня поднялись дыбом волосы.

Я вскочил, смахивая сон. Несколько матросов проснулись и сели, свесив с нар голые ноги. Мы прислушались. Вой повторился опять, и на этот раз он был так пронзите-

лен, так уныл, что многие из матросов в ужасе кинулись друг к дружке и сбились в испуганное стадо.

— Ребята, это воет мертвая собака капитана! — глухо сказал Ксаверий, и матросы затряслись от страха.

Мой сосед кинулся на постель и сунул голову под подушку.

— Молчи, Ксаверий. И без того тошно, — остановил кто-то старика.

— Не буду я молчать! — упрямо шепнул Ксаверий. — Ясное дело: мертвая собака опять завыла. Не иначе, как быть покойнику, ребята. Вот помяните мое слово.

— Что за мертвая собака? — вмешался я.

— А это, видишь ли, парень, была у нас на пароходе собачка, еще от прежнего капитана, Джексона. Тот ушел, а собаку оставил, но только она невзлюбила рыжего — я разумею капитана Грегуара — и завела себе удивительный обычай: выть перед покойником. Веришь ли, каждое плаванье, чуть завоет, уж мы знаем — быть у нас мертвецу. Рыжему сильно это не понравилось, и вот однажды, проходя мимо собачки, он поднял ногу, а собачка возьми и зарычи. И как поднял он ногу, так и опустил ее прямехонько ей на голову и проломил ей каблуком череп. Силища в этом рыжем черте бесовская, а не человеческая!

— А она все-таки воет перед покойником, — шепотом вмешался молодой матросик, лязгая зубами от страха.

И, точно в подтверждение, нечеловеческий протяжный вой снова донесся до нас из-под самых нар, как будто завывавшее существо, пока мы говорили, передвинулось ближе к нам.

В ужасе кинулись матросы к себе на нары; прыгнул и я под одеяло — не столько от страха, сколько от усталости, и тотчас же заснул мертвым сном.

Я проснулся уже во вторую смену. Утренний гонг изо всех сил дребезжал нам в уши, сзывая к первому завтра-

ку. Матросы повскакали, уступая теплые нары усталым до одури товарищам.

Когда я вошел в умывальную и подставил голову под струю холодной воды, старый Ксаверий улучил минутку и шепнул мне:

— А покойник-таки нашелся! Ведь телеграфистка скончалась в тот самый час, как выла собака.

Я выскочил из-под крана и, не вытираясь, помчался в машинное отделение.

— Пичегра, — крикнул я, — правда ли, что умерла мисс Тоттер? Отчего она умерла?

— Не ори, — флегматически ответил португалец. — Должно быть, шторм перепугал беднягу или объелась сверх меры, вот сердце-то и не выдержало. Да и надо сказать, что ей было за сорок, хоть и носила цветные бантики.

Я стал на работу. С этой минуты мне было ясно, что малейшая неосторожность приблизит меня к моей собственной смерти. Первую свободную минуту я употребил на то, чтоб набросать эти странички и приготовить в своем тайничке бутылку. Потом я скользнул в лазарет, куда меня пропустили не без труда. Я пошел навестить Дана.

Несчастный эпилептик лежал без движения, стиснув посиневшие губы. Пришлось повозиться с ним, прежде чем он раскрыл рот.

Чего хотят от него? Он намерен умереть, и чем скорей, тем лучше. Нельзя жить человеку, видевшему сатану. А он видел, как сатана убил его друга, Дипа... Нет, никого не приводили в лазарет, кроме него. Пассажирская палата рядом; в лазарете общая контора; он непременно узнал бы, если б, кроме него, был еще больной...

С этими словами Дан замолк и показал мне спину. Я выжал из несчастного все, что мне было нужно, и с тревогой прошмыгнул на палубу. Значит, Василов не ночевал в госпитале. Я рассердился на него за неосторожность. Почему он не послушался разумного совета?

Наверху, в маленьком салоне, было шумно. Вокруг Ковальковского столпились пассажиры первого и второго класса, шла речь о смерти телеграфистки.

— Я требую, чтоб была произведена дезинфекция! — надрывалась пожилая дама из каюты № 8.

— Да помилуйте, ведь она умерла от разрыва сердца!

Человек, проговоривший это веселым голосом, стоял спиной ко мне. Я посмотрел и облегченно вздохнул. Это был Василов собственной особой — живой, веселый, разговорчивый, ничем не напоминавший вчерашнего запуганного пассажира. Он жив! Тяжесть спала у меня с плеч. Слава богу! Я хотел подойти к нему, но побоялся попасться на глаза штурману.

Между тем Василов оживленно разговаривал с пассажирами, успокоил ворчливую пожилую даму, поднял крошечный носовой платок, оброненный дочерью сенатора Нотэбита, — словом, вел себя как заправский светский человек.

«Вот какие у тебя замашки!» — подумал я не без ехидства и, улучив минуту, когда он зашел за кресло с газетой в руках, тронул его за плечо:

— Отчего вы не ночевали в лазарете?

Василов быстро повернулся и посмотрел на меня острым взглядом. Ребята! Это был Василов, это было его лицо, нос, губы, волосы, пиджак, брюки, жилетка, сапоги, — это был Василов, говорю я вам, и это был не он! Это был совсем другой человек, не будь я Биск, шотландец! Я не удержался, я вскрикнул.

— Что с вами? — спросил, улыбаясь, мнимый Василов, другой Василов, призрак Василова, не знаю, как его назвать.

Но я не ответил: у меня лязгали зубы, я опрометью кинулся вниз, к его каюте.

Мне удалось попасть под обшивку никем не замеченным. Я взглянул в глазок: все было по-прежнему в каюте

Василова, даже револьвер лежал на столе и в углу стоял нетронутый саквояж. Сплю я, что ли? Нет ли у меня кошмара? Но, если только не подменили меня самого, тот человек наверху не был Василовым, нет и нет!

Я выскочил снова на трап, чтоб пробраться к себе в тайничок. Пробегая по лестнице, я увидел позади себя, в двух шагах, не больше, рыжего человека в сюртуке. Он спешил за мной, легонько дотрагиваясь до перил тощей и безжизненной рукой с сильно опухшими сочленениями. Я рванулся со всех ног вперед, опередил его шагов на двадцать, завернул за угол и стрелой влетел в узкое отверстие.

Уф! Спасен! Хоть на час, да спасен! Я оглянулся, тщательно запер все выходы из моего тайника, приготовил бумагу, чернила, дописываю дневник. Сейчас я закупорю это в бутылку и брошу в море, написав на стекле кусочком алмаза:

M

Кто бы ни был тот, кто выудит бутылку из океана, — если только он рабочий, — он доставит ее Микаэлю Тингсмастеру. Наших ребят разбросано по белу свету гораздо больше, чем знаем мы сами.

Я только что собрался сунуть бумагу в бутыль, как послышался звук льющейся воды. Оказывается, наверху открылась щель в два пальца, и оттуда хлынула вода. Я попробовал на язык — соленая. Ринулся к выходу — он не раздвинулся. Меня захватили, как в мышеловку. Вода заполнит мой тайник часа через два, и я утону. Прячу бумагу в бутылку, закупориваю, стараюсь расширить щель, чтоб выбросить бутыль из каюты. Ребята, вспоминайте шотландца Биска! Предупредите тех, кто едет на «Амелии», что подмен совершился. Остерегайтесь капитана Грегуара!

Менд-месс!»

Глава двадцать шестая

ДОЧЬ СЕНАТОРА

— Милая моя, ты ведешь себя не-при-лично, — сказал сенатор Нотэбит своей дочери Грэс, лежавшей на кушетке, укрепив обе ноги выше головы, на спинке отцовского стула.

— Очень может быть, папа, — ответила Грэс. — Я ничего не имею против твоих замечаний. Если это тебе нравится, говори сколько угодно.

— Дело не в том, нравится ли это мне, дочь моя, — внушительно возразил сенатор, — а в том, чтобы ты приняла мои слова во внимание.

— Не считайся со мной, дорогой папочка. Недоставало еще, чтоб мой отец считался с такой глупой девчонкой, как я! Умоляю тебя, делай только то, что тебе нравится.

Сенатор помолчал несколько минут, сбитый с толку. Он, впрочем, был недаром сенатором и недаром посещал официальные и домашние приемы президента. Высморкаться и снова приступить к делу ему ничего не стоило.

— Ты ведешь себя не-при-лично, — начал он опять. — Ты не отстаешь от Вестингауза буквально ни на шаг. Я понимаю, если б это было из нежного чувства... Многие браки в Нью-Йорке проистекали от нежного чувства, порожденного качкой на пароходе и другими явлениями гальванического порядка, возможными на океане. Но в данном случае дело, очевидно, не в нежном чувстве.

— Папа, как ты можешь говорить мне подобные вещи! — с негодованием воскликнула Грэс, вскочив с кушетки. — Как ты можешь злоупотреблять тем, что я сирота,

что у меня нет матери! Ах!.. — Она немедленно разрыдалась, забив ногами об пол и тряся головой с такой силой, словно это была не голова, а спелая яблоня.

— Но что же я такое сказал? — пробормотал смущенный сенатор.

— Ты сказа-ал... ты ска-зал... — рыдала несчастная Грэс. — Ты сказал о гальванических... нет, я не могу повторить...

— Ну, будет, будет! — миролюбиво произнес сенатор, хлопая дочь по спине. — Я ведь знаю, что ты у меня славная девочка, Грэс, ты у меня хорошая девочка, воспитанная девочка. Не рыдай таким ужасным образом, это повлияет на твои легкие!

— Н-не буду, папа, дорогой... — плакала Грэс. — Ах, ты не знаешь, как у меня тяжело на душе, когда вспоминаю, что у меня нет мамы!.. Мой гардероб, ты знаешь... и шляпки... и никто, никто, никогда!..

Ноги Грэс опять выразили намерение забарабанить по полу. Сенатор был совершенно уничтожен. Он раскис и утер слезу. Он полез в боковой карман за бумажником.

— Полно, полно, Грэс! На континенте мы все это приведем в порядок. Ты увидишь, душечка, что отец тоже имеет значение в таких делах, как гардероб.

— И шляпки! — воскликнула Грэс.

— И шляпки, цыпочка. Поцелуй своего папу. Спрячь в сумочку эту бумажку.

Грэс прикоснулась к отцовской щеке, спрятала бумажку в сумочку и свернулась на кушетке калачиком.

Между тем сенатор, удалившись в свою собственную каюту, предался сладким и горделивым мыслям.

— Совсем как покойница мать! — шептал он про себя с чувством. — Такая же кроткая, ласковая, незлопамятная. Приласкаешь ее, утешишь пустячком — и сейчас же все забудет. Ребенок, совершенный ребенок...

Он мирно растянулся на кровати, смежил глаза и заснул.

Между тем «ребенок», полежав некоторое время, вскочил, прислушиваясь к храпу своего отца, пригладил кудри и, сунув что-то за широкий шелковый кушак, тихонько выбрался из каюты.

Банкир Вестингауз, похудевший и постаревший, сидел у себя за привинченным к полу столиком, пил виски с содой и лихорадочно просматривал нью-йоркские газеты. Этот старый развратник был выбит из строя. Он испытывал нечто похожее на меланхолию. Он тосковал по таинственной Маске, ушедшей от него в один майский день и больше не возвратившейся.

В каюту постучали.

— Войдите, — пробормотал он рассеянно.

Дверь отворилась, кто-то быстрыми шагами вошел в каюту, остановился близехонько от него, и не успел Вестингауз поднять глаз, как навстречу ему устремилось дуло прехорошенького дамского револьвера и женский голос грозно произнес:

— Руки вверх!

Вестингауз за всю свою банкирскую практику не испытал подобного потрясения. Он хотел было поднять руки, но они тряслись и положительно отказывались оторваться от поверхности стола.

— Руки вверх, старая крыса! Раз, два!..

— Мисс Нотэбит, — взмолился Вестингауз, разглядев наконец кудрявого бандита, — я согласен поднять руки, как только они поднимутся. У меня слабое сердце... Опустите эту вредную игрушку вниз.

— И не подумаю, — спокойно ответила Грэс. — Я буду держать ее до тех пор, пока не узнаю от вас все, что мне нужно. Негодяй, тиран, деспот, дарданелльский турок, куда вы дели Маску? Отвечайте сию минуту, где она? Куда вы ее запрятали?

— Поистине, мисс Нотэбит, вы в роковом заблуждении. Я раздавлен, покинут, я брошен, она бежала от меня, я страдаю, а вы задаете мне вопросы, которые я сам готов задавать с револьвером в руках!

— Так я и поверила... — протянула мисс Грэс. — Выкладывайте доказательства, старичок!

Вестингауз в бешенстве прикусил губу. Он схватил со стола газеты, целый ворох газет, и швырнул их в лицо мисс Нотэбит.

— Читайте! — простонал он с отчаянием.

Грэс подобрала газеты одной рукой, держа другую с револьвером на уровне банкирского носа. Она тотчас же увидала несколько объявлений, подчеркнутых красным карандашом:

«Банкир Вестингауз умоляет Виви вернуться, обещая за это все свое состояние».

«Банкир Вестингауз предлагает Виви в случае ее возвращения к нему законный брак».

«Банкир Вестингауз просит Виви зайти к нему только на одну минуту, чтоб получить брильянтовое колье...»

— Гм! — произнесла Грэс недоверчиво, прочитав все эти объявления. — Но тогда чего ради вы поехали в Европу?

— Я собираюсь омолодиться, сделать себе прививку Штейнаха, — пробормотал Вестингауз закашлявшись.

Грэс окинула его презрительным взглядом и надула губки.

— И этот человек, — произнесла она уничтожающим тоном, — этот человек волочится за самой красивой женщиной в мире! И я считала его деспотом! Фи!

Она хотела попятиться к дверям, все не опуская своего револьвера, как вдруг глаза ее упали на другое объявление в последнем номере нью-йоркской газеты, только что сброшенном на «Торпеду» воздушной почтой. Там извещалось о скромном торжестве, состоявшемся в особняке

Морлендеров на Риверсайд-Драйв: в тесном кругу своих близких, очень скромно по случаю траура, была отпразднована помолвка мистера Артура Морлендера с мисс Клэр Вессон.

Грэс раздраженно взмахнула револьвером, как если б он был хлыстом, свистнула по-мальчишески и выбежала из каюты, оставив потрясенного мистера Вестингауза с поднятыми к небу обеими руками именно в ту минуту, когда в этом не было ни малейшей необходимости.

Глава двадцать седьмая

— Клэр женилась на этой телятине Артуре! — гневно сказала себе мисс Нотэбит, бросая револьвер на стол. — Она все-таки женилась на нем, глупая девчонка!

— Артур обручился с этой рыжей Клэр! — изумленно сказал себе доктор Лепсиус, вытаращив две пары глаз, считая очковые и свои собственные, на лежавший перед ним утренний выпуск газеты. — Просто невероятно! Артур, женоненавистник, убежденный холостяк, собиравшийся уничтожить всех женщин в мире, ненавидящий миссис Вессон и эту усатую ее племянницу, он обручился с Клэр... Тоби! Тоби!

Мулат с разинутым ртом безмолвно вынырнул возле докторского кресла.

— Тоби, ущипни меня... Ай, я не сплю! Тоби, день это или ночь? Я это или не я?

Мулат хлопал глазами, молчаливо пуская слюну.

— А, дуррак! — выругался доктор, ударив его палкой по ногам. — Теперь я вижу, по крайней мере, что ты — это ты. Пошел вон!

Тоби исчез так же безмолвно, как и вынырнул. Доктор Лепсиус снова прочел объявление, и в ту же минуту на лбу его появилась грозная складка.

— Ага, — сказал он себе, — ага! «В тесном кругу своих близких...» С каких это пор, любезные друзья, вы исключаете доктора Лепсиуса из числа своих близких? Помолвка — и меня не приглашают! Помолвка — и я лишний человек! Помолвка — и доктор Лепсиус забыт, как будто о нем можно помнить только при гриппе, катаре, запоре!.. Погодите же!

Три ступеньки, ведущие ему под нос, развалились в разные стороны — признак крайнего расстройства доктора Лепсиуса. Он вскочил с необычной для себя ловкостью, накинул смокинг, взял шляпу и палку и тотчас же вышел из дому.

По дороге он купил цветы и с ядовитой улыбкой на устах, с букетом цветов в руках энергично позвонил спустя двадцать минут в парадные двери морлендеровского особняка.

— Нет дома, — ответил дворецкий.

— Знаю, знаю, Томас Биндшток. Надеюсь, ты помнишь, как я вылечил тебя от жабы? — И с этими словами Лепсиус прошел мимо дворецкого и поднялся наверх.

— Нет дома, — сказал лакей.

— Отлично знаю, Питер, а ну-ка покажи, все ли еще у тебя каплет из уха? — И доктор Лепсиус заглянул в ухо Питера, где давно уже не производилось никакой разгрузки, бросил Питеру шляпу и палку и решительно отворил дверь в гостиную.

На мягком диване, уютно подобрав ноги, сидела мис-

сис Элизабет Морлендер и вышивала шелком по атласу. Прямо против нее на кушетке полулежала мисс Клэр Вессон и ничего не делала. Увидев доктора Лепсиуса, обе вскочили с места и вскрикнули.

— Позвольте мне на правах старого, хотя и забытого друга!.. — галантно произнес доктор, протягивая цветы. — Я счастлив, что милые моему сердцу люди соединились в еще более тесную семью. А где же Артур? Позвольте мне прижать его к сердцу.

Миссис Морлендер обменялась с племянницей быстрым взглядом.

— Спасибо, доктор... — произнесла она в некотором смущении. — Артура вы, к сожалению, не увидите. Он болен, сильно болен, и мы решительно никого не принимаем.

— Артур болен! — вскрикнул Лепсиус. — Ведите меня к нему.

С этими словами он вытащил из кармана слуховую трубку и прочие профессиональные орудия.

— Да, то есть он... он совсем по-другому болен, — окончательно смутилась миссис Морлендер.

— Он болен не по вашей специальности, доктор, — вмешалась Клэр мужским басом. — Его лечит доктор Бентровато.

Лепсиус остановился, не веря своим ушам. Он пожевал губами, силясь выговорить хоть слово, посмотрел на миссис Элизабет Морлендер, посмотрел на мисс Клэр Вессон и, повернувшись, резкими шагами направился вон из этого дома.

Питер протянул ему шляпу и палку и шепнул на ухо с таинственным видом:

— Мистер Лепсиус, спуститесь в людскую. Полли хочет поговорить с вами. Скверное это дело, сэр! Очень скверное!

По телу доктора прошел как бы электрический ток.

Он подпрыгнул и ударил себя в лоб. Он сардонически скривил губы и, ни о чем не расспрашивая Питера, бегом спустился в людскую.

Негритянка Полли давно собиралась умереть. Но по ее мрачному виду было ясно, что земные дела упорно мешали ей в этом намерении, и она со дня на день скрепя сердце откладывала день смерти.

Увидев доктора Лепсиуса, она выслала всех из людской, схватила его черной высохшей рукой за плечо и зашептала, мрачно сверкая глазами:

— Масса Лепсиус не послушал меня! Старая Полли много знает... Старая Полли имеет камень Гонхуакангу. Она сразу узнала, что в гробу массы Иеремии лежит не масса Иеремия. Она сказала тебе: «Масса Лепсиус, прикажи открыть гроб». И вот они украли гроб, они его спрятали от всех глаз и от глаз камня Гонхуакангу. Теперь слушай меня, масса Лепсиус, много слушай... Мастер Артур женится на желтолицей ведьме, хорошо. Но кто видел мастера Артура? И кто был на помолвке? Никто, никто, никто! Был один немец и один русский, и был один француз, и был священник, которого никто не знает, и не было ни одного слуги, ни одного доброго негра, не было Полли, не было массы Лепсиуса. И вот уже три дня, как никто не видит мастера Артура, никто, никто, никто!

Проговорив все это, старая Полли закатила глаза, захрипела, забилась и умерла. Доктор Лепсиус выслушал предсмертный монолог Полли, не моргнув глазом. Он позвал слуг, трясущихся от страха, велел им молчать обо всем, что они слышали от Полли, и быстро уехал к себе домой.

Здесь он ходил некоторое время взад и вперед, против своего обыкновения не вызывая Тоби и не обнаруживая никаких признаков гнева. Потом сел за стол, придвинул к себе бумагу и написал:

ГЛАВНОМУ ПРОКУРОРУ ШТАТА ИЛЛИНОЙС

От доктора Лепсиуса, кавалера ордена Белого знамени, почетного члена Бостонского университета

Высокочтимый господин прокурор!

Че так давно в газетах было напечатано, что вы являетесь национальной американской гордостью по части раскрытия таинственных преступлений. В заметке было сказано, что Нат Пинкертон, Ник Картер и Шерлок Холмс являются перед вами не чем иным, как простыми трубочистами. Я взываю к вам о помощи в одном чрезвычайно странном деле. Вы слышали, что в России был убит большевиками Иеремия Морлендер. Есть основание думать, что он был убит отнюдь не теми лицами, коих обвиняют официально. В настоящее время исчез Артур Морлендер, его сын, хотя домашние скрывают его исчезновение. Во имя справедливости и для спасения жизни молодого человека займитесь этим загадочным делом.

Честь имею, высокочтимый
и т. д., и т. д., и т. д.

Написав это письмо, доктор Лепсиус запечатал его, наклеил марку и позвал Тоби.

— Тоби, — сказал он внушительно, — дай это письмо мисс Смоулль и прикажи ей немедленно бросить его в почтовый ящик.

Тоби схватил письмо и опрометью помчался в верхний этаж, где урожденная мисс Смоулль, засучив рукава, гладила белье своего мужа, Натаниэля, пришедшего к ней на полчасика. Когда утюг ставился на печь, молодожены занимались поцелуями.

— Мисс Смоулль, — заорал Тоби, — берите письмо и бросьте его в почтовый ящик!

— Я тебе не мисс Смоулль, желтый болван! Двадцать раз в день говорю тебе: миссис Эпидерм, миссис Натаниэль Эпидерм!

— Да чем же я виноват, если сам масса Лепсиус... — прохныкал Тоби.

Миссис Эпидерм величественно взяла письмо и взмахнула им в воздухе:

— Вот что я тебе скажу, Тоби, мулат. Если твой хозяин на старости лет приревновал меня, или хочет подыграться ко мне, или затеял другую какую насмешку, — знай, обезьяна, я не из таковских! Я слышу все, что говорится мне в лицо и за глаза, благодарение берлинскому наушнику. Вот тебе! Вот твоему барину!

Раз, два — и письмо полетело в открытое окно, прямо на улицу. Натаниэль радостно захихикал. Тоби вскрикнул и бросился вниз подобрать злополучное письмо, но, увы, сколько он ни искал на тротуаре и на мостовой, его нигде не оказалось. Можно смело положиться на Тоби — он не расскажет об этом своему барину ни наяву, ни во сне.

Что же касается читателя, то он вправе узнать, что письмо упало прямо на воз с премированными кроликами, торжественно отправлявшимися домой с нью-йоркской выставки по животноводству.

Глава двадцать восьмая

ЦЕЛИКОМ НА СУШЕ

Солнце зажаривает над Миддльтоуном, птицы поют, деревья распустились — словом, природа подогнала себя под календарь почти в самую точку, хотя, надо сознаться, старухе это с каждым годом становится все труднее.

Мастерская деревообделочного завода залита полным светом. Веселый гигант Микаэль Тингсмастер, в переднике и с трубкой в зубах, знай себе работает да работает рубанком, стряхивая с лица капли пота Белокурые волосы слиплись на лбу, фартук раздувается, как парус, стружки разлетаются, свистя, во все стороны. Хорошая, гладкая штучка выходит из рук Микаэля Тингсмастера; весело подмигивает она двумя глазками:

Мик поднял ее на свет, полюбовался, вынул трубку и запел вполголоса, глядя на свою штучку:

Клеим, строгаем, точим,
Вам женихов пророчим,
Дочери рук рабочих,
Вещи-красотки!

Сядьте в кварталы вражьи,
Станьте в дома на страже,
Банки и бельэтажи —
Ваши высоты!

Кто не знает песенки Тингсмастера? Один за другим к Мику сошлись рабочие, улыбаясь и подтягивая.

— Ну, как дела, Мик? Как подвигается Кресслингова затея?

Тингсмастер поднял вверх великолепный квадратный ящик, сделанный из драгоценного бразильского красного дерева.

— Вот оно как, ребята, — сказал он с улыбкой. — Осталось только украсить его резьбой да передать на оптический завод, где уже все смастерил техник Сорроу. Вставят, вправят — и готова штука!

— Ловко! — захохотали рабочие. — А химики знают?

— И химики сделают свое дело. Дочь не пойдет против отца — никогда не пойдет, так и знайте, ребята.

— А секрет-то тебе известен, Мик?

— Не приставайте, не скажу. Да и не нашего это ума дело, братцы. Техник Сорроу намудрил чего-то по-латыни.

Рабочие схватились за животы, надрываясь от хохота. А Мик как ни в чем не бывало смахнул с фартука стружки, надел картуз и пошел к себе домой скоротать полчаса, ассигнованных Джеком Кресслингом на обеденную передышку.

Скучно стало в маленьком домике Тингсмастера без верной Бьюти. Стряпуха поставила на стол миску с любимой Тингсмастером «похлебкой долголетия», нацедила ему в кружку жидкого пива и села с ним есть. Молча и торопливо окунали они ложки в миску, как вдруг задребезжало чердачное окно.

— Голубь! — воскликнул Мик и, бросив ложку, поспешил на чердак.

В самом деле, в окно бился почтовый голубь Мика.

Распахнув окно, он поймал голубя, погладил и опустил пальцы в мешочек на его шее.

— Странно! — пробормотал он, спуская голубя с пальца. — Никакой записочки ни от Биска, ни от мисс Тоттер.

Не успел он сказать это, как в чердачное окно влетели один за другим еще восемь почтовых голубей и опустились с ласковым воркованьем к нему на плечи и на голову Голуби были живы и здоровы, мешочки у них на шее — в полном порядке, но ни один из них не принес Мику письма.

— Несчастье! — воскликнул Мик.

Он посадил голубей на их жердочки, насыпал им корму, налил воды и бросился бегом на ближайшую радиостанцию:

— Менд-месс!

— Месс-менд! В чем дело, Мик? — отрывисто спросил дежурный, возившийся над приемом депеши.

— Пошлите радио на «Амелию», дружище.

— Можно. Кому?

— Технику Сорроу. Передайте так: «Вернулись девять голубей без писем, предполагаю несчастье, берегитесь Кронштадте подмены».

— Будет исполнено, Мик. Крупная игра, а?

— На человеческую жизнь, — ответил Мик, приложил к картузу два пальца и опрометью помчался на завод.

Стряпуха аккуратно доела свою порцию похлебки и выглянула в окошко, не идет ли Мик. Потом вздохнула, почесала в ухе и, честно разделив оставшуюся похлебку на две части, съела свою часть и облизала ложку.

— Мы люди бедные, но справедливые, — шептала она себе под нос, выйдя за дверь и поджидая Мика. — Сейчас он, голубчик, вернется и съест свою долю, ровнешенько половину.

Однако же Мик не шел и теперь Вздохнув еще громче, стряпуха опять поделила остаток на две равные части и съела свою долю, не забрав ни капельки у соседа. Так она делила и ела вплоть до сумерек, пока, наконец, на долю Мика не осталась одна деревянная ложка. Вздохнув, стряпуха убрала посуду и залегла малость вздремнуть.

А Тингсмастер вынул из-за пазухи горячую хлебную краюху и, разжевывая ее на ходу, нес изготовленный им ларец к себе домой, чтоб здесь выполнить для Кресслинга диковинную сверхурочную работу: покрыть драгоценное дерево тончайшей резьбой, вызвать к жизни сотню-другую лапчатых птиц, охотничьих собак, лисиц, зайчат, добрых коней и охотников на конях, в длинных шляпах с перьями, в развевающихся плащах, в соколиных перчатках. А вокруг зверья и людей выточить тропку, обсадить ее листьями папоротника, ивой, тополем, дубом, поставить в сторонке избушку — словом, навести таких чудес, таких тонких штук, чтобы каждый любовался и похваливал. В уголке же проставить невидимо для смертного гла-

за две крохотные буквы, чтобы свой брат, рабочий, поглядев сквозь лупу, сказал: «Как же не угадать хитреца Тингсмастера! Кто, кроме него, еще может выдумать подобную штучку?»

Придя домой, Мик, чтобы заглушить сильное чувство внутренней тревоги, засветил лампу, заработал тончайшей иглой и замурлыкал свою песенку:

На кулачьих кадушках,
Генераловых пушках,
Драгоценных игрушках —
    Всюду наше клеймо.
За мозоли отцовы,
За нужду да оковы
Мстит без лишнего слова
    Созданье само!

Глава двадцать девятая

Красивая молодая дама под вуалью, записанная в книге под именем Кати Ивановны Василовой, произвела сильное впечатление на мужскую половину «Амелии».

Капитан Мак-Кинлей, ирландец, набил трубку лучшим сортом табака. Штурман, ходивший с обвислыми штанами, подтянул штрипки. А мистер Пэль, тот самый мистер Пэль, который возил индокитайцам порох и спирт, кафрам — спирт и библию, новозеландцам — спирт, библию и бусы, зулусам — библию, бусы и нашатырь, русским — маис в сухом виде, маис в перемолотом виде, маис в тертом виде, маис в виде риса и маис в виде сахара, отчего

один из его сотрудников сострил не без грации: «Вот вам Ага-Massacre!»[1], — этот самый рыжеватый мистер Пэль, тонкий, изящный, внезапно стал разговорчивым, как русский эмигрант.

Одетый в парусиновый костюм песочного цвета, чисто выбритый, за исключением шеи, где было отпущено ровно столько рыжих волос, сколько нужно для соблюдения стиля «янки», мистер Пэль бóльшую часть времени проводил на палубе, грызя золотой набалдашник своей трости. Стоило показаться где-нибудь миссис Василовой, как мистер Пэль тотчас вынимал изо рта набалдашник и, дотрагиваясь кончиком трости до стоявших вокруг него бочек, ящиков и мешков, называл их содержимое, число кило, себестоимость кило, процент обвешивания, процент обмеривания, процент увлажнения по пути следования и, наконец, процент своей собственной выручки, считая по общей сумме голов, или, вернее, ртов, потребителей. Мистер Пэль называл свою речь публичной лекцией. С чисто американской выдержкой он повторил ее несколько раз, пока не заметил, что миссис Василова, остановившись поблизости, прислушивается к его словам. Мистер Пэль тотчас же снял шляпу и поклонился.

Молодая женщина подняла на него большие глаза цвета фиалки.

— Простите, сэр, но вы, кажется, знаток русского народа? — спросила она с очаровательным смущением.

— О! — ответил мистер Пэль обещающим голосом.

— Так не можете ли вы (робкий взгляд и улыбка)... не можете ли вы (фиалковые глаза устремляются вниз, на кончик крохотного башмачка)... ознакомить меня с общеупотребительными русскими выражениями?

— С величайшей готовностью! — воскликнул мистер Пэль, облокотившись на ящик маиса и вынув записную

---

[1] Игра слов, основанная на звуковой схожести слов maize (маис), и sugar (сахар), с massacre (смертоубийство). *(Примеч. ред.)*

книжку. — Вот, для первой ориентации в русском городе... Вы входите в ресторан, вы спрашиваете национальные блюда... Позвольте, я прочту... — И мистер Пэль прочел по складам: — «Вщи, касса, плин, яичники...»

— Нет, нет, — прервала его миссис Василова с легким вздохом, — я хотела бы знать совсем другие слова и, если можно, попросить вас записать мне их английскими буквами. Например, слово «муж», потом слова «будьте осторожны»...

— О-о! — кисло улыбнулся американец. — Очень опасный подбор слов. Муж по-русски — это «муш», или, ласкательно, «мушка», а ваше предостережение надо произнести так: «Будь ты острожник».

— Спасибо, — мило произнесла молодая женщина, записывая себе в книжечку эти слова. — Сэр, я — русская по происхождению, но совершенно забыла родной язык. Особенно после морской болезни... Такая странная болезнь! Отняла память событий, лиц, хронологии...

— Разве вы страдаете морской болезнью?

— По ночам у себя в каюте, — смутившись, произнесла миссис Василова и удалилась, обласкав мистера Пэля очаровательным поклоном.

Она не прошла и десяти шагов, как из маисовой кадки слева раздалось какое-то странное кряхтенье. Вздрогнув, она отшатнулась направо, но из стоявшего там ящика с маисом послышалось совершенно явственное сопенье. Испуганная красавица побежала прямо на груду мешков, как вдруг до ушей ее долетел тяжелый, сдавленный вздох, и один из мешков несомненно зашевелился. Это было уж слишком для ее чувствительных нервов. Она закрыла лицо руками и помчалась по трапу вниз, к себе в каюту.

У миссис Василовой очень элегантная каюта первого класса. Для такой старой и маленькой развалины, как пароход «Амелия», рассчитывающей больше на груз, нежели на пассажиров, это очень миленькая каюта. Мягкая

мебель ввинчена в пол, зеркало и вешалка привинчены к стенам, всюду ковры, коврики и занавески. Мнимая Катя Ивановна бросилась на кушетку, вытянула ножки и закинула обе руки за голову. Каштановые локоны, выбившись из прически, мягкими прядями свесились вдоль ее свежих бледных щек, фиалковые глаза потемнели, губы страдальчески сжались.

Катя Ивановна, Вивиан Ортон то ж, думала о том, что ее ждет в Кронштадте. Она ехала в сумасшедшую страну, которую Тингсмастер называл великой. Она ехала к народу, который Тингсмастер называл гениальным. Она думала об этой стране и страстно хотела ее видеть. Она также думала о человеке, с которым должна будет встретиться в Кронштадте. Если это Василов, она подойдет к нему и скажет «будь ты острожник», а если это Артур Морлендер, ей придется сказать ему нежным голосом «мушка» и начать страшную комедию — бог даст, последнюю комедию в ее жизни...

Вивиан устало опустила ресницы. Она больна ненавистью, убивающей ее лучше всякого яда. Но у нее есть и яд, настоящий яд, действующий как молния, спрятанный в механизме ее маленьких золотых часиков. Вивиан не собирается убить им Морлендера, этот яд она бережет для себя. Вивиан проследит за всеми тайнами своего врага, прочтет его мысли, узнает его планы и выдаст его народу, чтобы сам советский народ расправился с ним, как он того заслуживает...

Ресницы ее вздрогнули, и у прелестного рта легла жесткая складка.

Стук в дверь. Вивиан вскочила, и лицо ее приняло прежнее наивное выражение:

— Кто там?

В каюту просунулась голова небольшого человечка. Это был техник Сорроу. Он тотчас же вошел, заложив руки за спину, и тревожно шепнул:

— Дорогая мисс Ортон, мы приняли радио из Нью-Йорка... от Микаэля Тингсмастера...

— И что же?

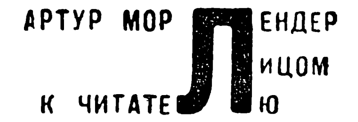
— Готовьтесь к худшему, мисс Ортон. Мик предполагает несчастье. Он думает, что Василов убит и заменен... Кем — не знаю. По всей вероятности, Морлендером, согласно плану заговорщиков.

Вивиан ничего не ответила. Руки ее судорожно сжались в кулачки.

— Еще одно, дорогая моя мисс: «Амелия» сильно запаздывает, мы только завтра придем в Кронштадт. И одновременно с нами или даже раньше нас придет «Торпеда». Мы снеслись по радио и узнали, что она развила предельную скорость. Она выиграла два дня.

— Хорошо, — медленно ответила Вивиан. — Не бойтесь, друг Сорроу. Я помню все ваши наставления, я знаю свой долг, и я его исполню.

Глава тридцатая

Мы оставили «Торпеду» в ту злополучную минуту, когда Биск, матросы, бедняга Дан, сам португалец Пичегра, мнимый Василов, дочь сенатора и даже банкир Вестингауз были объяты ужасом — впрочем, далеко не от одной и той же причины. Оставляя в стороне психологический анализ, я должен вкратце назвать эти причины.

Вестингауз был в ужасе, потому что испугался дочери сенатора.

Дочь сенатора была в ужасе, потому что последняя ее надежда найти Маску исчезла.

Биск был в ужасе, потому что погибал.

Матросы были в ужасе от нового пронзительного воя под палубой, предвещавшего еще одного покойника.

Португалец Пичегра ужаснулся не столько исчезновению Биска, сколько количеству работы, выпавшей отныне на его долю.

Ужас бедняги Дана установился раз навсегда от лицезрения сатаны

Что касается ужаса мнимого Василова, то о нем нельзя сказать в двух словах, и спокойное течение этой главы, я надеюсь, постепенно подготовит читателя к его восприятию.

Мистер Артур Морлендер, так как это был он, целиком и безусловно отдался на волю пославших его людей. Жизнь перестала интересовать его. Он решил стать орудием мести, не больше. Он ни о чем не спрашивал, и ему никто ничего не говорил, кроме сухих предписаний: сделать то-то и то-то.

Первые сутки он терпеливо сидел, спрятанный в узкую черную каюту, откуда не было, казалось, никакого выхода. Стена раздвигалась и выбрасывала ему на подвижном подносе питье и еду; когда же «Торпеда» отошла уже на расстояние дневного пути от Нью-Йорка, тот же поднос последовательно выбросил ему сапоги, брюки, жилетку, пиджак, воротничок, галстук, запонки, манжеты и прочие предметы, снятые с несчастного Василова и еще сохраняющие теплоту его тела.

Артур Морлендер послушно надел все это на себя. Спустя некоторое время стенное отверстие бесшумно раздвинулось в вышину человеческого роста, и в комнату вошел невысокий человек в маске и монашеском капюшоне. Он знаком показал Морлендеру, чтобы тот сел перед зеркалом, вынул множество баночек и флакончиков и рукой

в черной перчатке ловко загримировал его под Василова. Надо, впрочем, сказать, что это вовсе не было трудно, так как молодой Морлендер и коммунист Василов были удивительно похожи друг на друга — обстоятельство, предусмотренное заговорщиками заранее. Итак, незнакомая рука наложила легкий грим, указала Артуру, как это делать без ее помощи, и человек в капюшоне безмолвно исчез туда, откуда появился.

В ту же минуту в отверстии раздался сухой голос, показавшийся Морлендеру знакомым:

— Настало время вашего выступления, мистер Морлендер. Отныне вы коммунист Василов Вы русский, но с детства жили в Штатах и не знаете русского языка. Вам предстоит действовать быстро, осмотрительно, без раздумья Вы получите сейчас деньги, яды, оружие. Ваша основная задача — укрепиться на главнейшем из русских металлургических заводов, чтобы взорвать его, подготовив одновременно взрывы в других производственных русских пунктах, и войти в доверие к вожакам коммунизма, чтоб подготовить их массовое уничтожение в назначенный нами день. Держите себя тактично. Играйте свою роль талантливо. Лига империалистов облекает вас своим доверием.

С этими словами голос замолк; в отверстие были ему переданы увесистый пакет советских денег, бутылочка с ядом, несколько неизвестных Артуру капсюль, коробка с голубыми шариками и новейшей конструкции бесшумный американский автомат.

Не успел он еще прийти в себя от всего услышанного, как пол под ним медленно заколыхался и стал опускаться вниз. Через минуту движение прекратилось, наверху раздался сухой треск. Артур оглянулся и увидел себя в каюте Василова, где все находилось в том же порядке, как и при жизни несчастного американского коммуниста. Дверь каюты была полуоткрыта.

Морлендер запер ее на ключ, подошел к зеркалу и оглядел себя с ног до головы. Потом он сунул руки в карманы, достал все документы Василова и принялся внимательно их изучать. Документов было немало: партийная книжка, полицейское удостоверение, письма и рекомендации от нью-йоркских коммунистов. Вот конверты, адресованные русским деятелям. Вот письмо из Петрограда, где он, Антон Василов, приглашается главным инженером на Путиловский завод. А вот это что такое, черт возьми?

Морлендер держал в руках смятый клочок бумаги с нацарапанными на нем карандашом безграмотными буквами. Когда наконец он разобрал его содержание, из груди мнимого Василова чуть не вырвался гневный вопль.

Он хотел, как бешеный, заколотить в стену кулаками, но ведь никто не отзовется и ни одна щель не раскроется! Все тихо вокруг, за окном клокочет шторм. Морлендер в ужасе опустился в кресло.

Он был подготовлен ко всему, но только не к этому. Он готов был двадцать раз пожертвовать своей жизнью, чтобы стереть с лица земли мерзких людей, убивших его отца. Но иметь жену... Иметь упрямую и безграмотную жену, по имени Катя Ивановна, из упрямства поехавшую на другом пароходе и поджидающую его в Кронштадте!.. Артуру Морлендеру, величайшему женоненавистнику, было невозможно совладать с охватившим его ужасом.

Долго он сидел, как пригвожденный. Но мало-помалу мысли его прояснились.

В конце концов, заговорщики знают, что делают, и, быть может, эта самая Катя Ивановна нужна ему как помощница. Кроме того — Морлендер заглянул в иллюминатор — шторм и не думает утихать, он подбрасывает «Торпеду», как щепку. Разве нет надежды, что старая, дырявая «Амелия» разлетится от его напора вдребезги,

прежде чем дойдет до Кронштадта? И, наконец, Артур Морлендер имеет право отстоять свою свободу Он... ага! Вот блестящая идея. Он перенес тяжкую морскую болезнь, разрушившую его душевное спокойствие Он должен отдохнуть, он не в силах исполнять свои супружеские обязанности, он потерял память на многие вещи, имена, события в прошлом. Ему следует держаться независимо и раздражительно. Он не даст ей раскрыть рта, черт побери!.. Все-таки лучше уж фиктивная жена, чем настоящая, если судьбе угодно сделать его женатым человеком...

Несмотря на весь этот поток благоразумных мыслей, Артур Морлендер чувствовал себя далеко не спокойно. В продолжение всего путешествия он много раз пытался вступить в сношения с таинственными людьми, управлявшими его судьбой. Он несколько раз в день спрашивал капитана Грегуара, но ни капитан, ни заговорщики больше не подавали никаких признаков жизни. Его предоставили самому себе.

Шторм утих, «Торпеда» медленно вошла в Финский залив

Мнимый Василов стоял на палубе парохода, нервно разглядывая в бинокль наплывающие очертания Кронштадта. Погода была холодная, дул резкий северо-восточный ветер.

Штурман Ковальковский бегал по палубе с сердитым лицом. Черт побери эту страну! Очень нужно ехать в порт, где вы не найдете ни одного порядочного человека и где во главе государства стоят рабочие!

Между тем в топке, в машинном отделении, в кухне, в рулевой будке тоже царило возбуждение, и чем дальше подвигался пароход, тем оно становилось сильнее и сильнее.

— Да, уж я вам доложу, братцы, — ораторствовал Ксаверий, бледный от волнения. — Вот мы с вами тут си-

дим, обливаемся седьмым потом и эта собака штурман, не говоря уж о рыжем, может дать вам кулаком в зубы, а там, ребята, ого-го-го! Там наш брат — первый человек. Там сам адмирал из простых матросов и ходит себе в обнимку с кочегаром, вот оно как!..

— А на заводах рабочие — директорами! — вырвалось у португальца Пичегра сквозь стиснутые зубы.

— Работать, сволочь! Я вас! — завизжал сверху голос Ковальковского. — И чтоб ни один из вас носу не казал на берег, поняли?

Матросы, ворча, разбрелись по своим местам.

Кронштадт. Безлюдный рейд прошел перед биноклем Артура (будем называть его отныне Василовым). «Торпеда» подвигалась и подвигалась. В туманном северном небе, как призраки, высились далекие башни, пики и купола Петрограда.

Вот судно пришвартовалось. Сброшен трап. Штурман Ковальковский злобно указывает Василову на выход. Пароход кажется мертвым, нигде ни живой души. Но, когда Василов с чемоданом в руке спустился вниз в обществе красивого русского красноармейца и двух таможенников, матросы «Торпеды» не вытерпели: они высыпали гурьбой на палубу, с Ксаверием во главе, и заорали все, сколько их было· американцы, немцы, итальянцы, португальцы, французы, абиссинцы, англичане, швейцарцы, ямайцы:

— Урра! All'right, русские говарищи!

— Здорово, ребята! — крикнул красноармеец обернувшись. — Кланяйтесь американским рабочим!

Обе стороны почувствовали прилив энтузиазма, хотя слова, произнесенные ими, были непонятны и той и другой. Штурман Ковальковский, как лев из засады, прыгнул в гущу своих матросов.

Тем временем к Василову подошли несколько молодых людей в военной форме. Они поздоровались с ним на чистом английском языке и отрекомендовались как его бу-

дущие партийные товарищи. Один из них вежливо вывел кого-то из-за сваленных в кучу бочонков и сказал:

— Ваша жена дожидается вас с утра, товарищ Василов.

Несчастный Василов вздрогнул, похолодел, поднял глаза и...

Глава тридцать первая

ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ

Вместо вздорной и упрямой женщины, преисполненной всех пороков, перед Василовым стояла красавица. Она взглянула на него, запнулась и протянула ледяные пальчики.

Люди в военных фуражках довели их до автомобиля, усадили; один вскочил рядом с шофером, другие приветственно подняли руки, и автомобиль помчался к Петрограду.

Василов растерянно наблюдал за своей женой. Он с наслаждением уцепился бы мыслью за какой-нибудь из ее изъянов, чтобы расшевелить свою ненависть. Но Катя Ивановна была возмутительно хороша собой, возмутительно совершенна. Каждое движение ее было полно грации, голос походил на мурлыканье флейты; она не говорила и не делала ничего неуместного, ничего такого, что оправдало бы его презрение.

Между тем вокруг них летели величественные проспекты Петрограда. Дома-дворцы ничуть не походили на те разрушенные лачуги, которые изображались в уличных

нью-йоркских листках. Они стояли рядами, отражаясь в зеленой воде каналов. Автомобили и мотоциклы сновали взад и вперед, по каналам бежали моторные лодочки, а пешеходы сновали по улице с удивительной быстротой. Не успели Василов с женой отвести глаза друг от друга, как окружающее уже целиком захватило их.

— Как не похоже! — пробормотал Василов. — Дорогой сэр, то есть товарищ, как все это не похоже на наши американские фотографии в газетах!

Человек в военной куртке весело улыбнулся:

— Меня зовут Евгений Барфус. Вы многое найдете не похожим на то, что пишут о нас капиталисты. Мы бы давно погибли, дорогие товарищи, если бы не пустили в ход несколько изобретений... Видите вы эти вышки?

Они мчались сейчас по гранитному берегу бурной Мойки, катившей свои волны через весь город. Справа и слева от нее высились странные пирамиды, украшенные наверху огромными фарфоровыми чашками, что делало их похожими на подсвечники. От пирамидок над всем городом протягивалась сеть бесконечных проводов.

— Что это такое? — вырвалось у Василова.

— Это электроприемники колоссальной мощности, — ответил товарищ Барфус. — Вы видите здесь нашу гордость. Благодаря этим приемникам мы можем в одно мгновение наэлектризовать все пространство над городом на высоте более тысячи метров, что делает нас недоступными для неприятельского воздушного флота. Когда до нас дошли сведения об изобретении американцами какого-то взрывчатого вещества, мы занялись, в свою очередь, техникой. Но цель наша — не нападение, а защита. Мы электрифицировали огромные воздушные пространства над всеми нашими городами и производственными объектами. Взрывчатые вещества будут разряжаться над нами, не принося нашей стране ни малейшего вреда. Мы укрепили границы тысячами электрических батарей, бла-

годаря чему можем отразить любую армию с помощью одного только монтера нашей петроградской Аэро-электроцентрали; И мы изобретаем в этом направлении все дальше и дальше!

Василов почувствовал себя в эту минуту сыном своего отца, Иеремии Морлендера.

— Да! — вырвалось у него не без восторга. — Вы тут, в России, не дремлете. Но скажите же, чем может быть вам полезен такой простой, средний инженер, как я?

По лицу Барфуса скользнула усмешка:

— Дорогой товарищ Василов, вы нужны нам более чем кто бы то ни было, потому что, видите ли...

Он наклонился к самому уху Василова и докончил, улыбнувшись:

— Потому что у нас почти нет средних людей — никто не хочет быть средним человеком. Вы понимаете теперь, что для нас вы — желанный гость!

Василов прикусил себе губу не без чувства оскорбленного самолюбия. В эту минуту автомобиль затормозил перед роскошным дворцом на Мойка-стрит. Товарищ Барфус сказал:

— Вам отведена комната в этом доме. Отдохните. Через два часа вам подадут мотоциклет для первой поездки на завод.

Шофер сложил на землю оба чемодана, и Василов рассеянно поднял тот и другой.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице и, сопровождаемые указаниями всех встречных, достигли наконец своей комнаты. Это была очень уютная спальня с двумя кроватями, печкой в углу, двумя письменными столиками, двумя книжными шкафами, двумя окнами и двумя надписями на двух стенах:

«Береги время!», «Записывайся в Лигу времени!»

— Удивительная страна! — пробормотал Василов, ставя чемоданы на пол.

— Поразительная страна! — шепнула Катя Ивановна.

Они взглянули друг на друга и вдруг вспомнили, что за весь этот час ни разу не подумали ни о себе, ни о мести, приведшей их сюда.

Глава тридцать вторая

Катя Ивановна вспыхнула, поймав себя на этой мысли. Василов вспыхнул по той же самой причине.

Он раздражительно швырнул шляпу на одну из кроватей, сел и произнес:

— После вашего поведения в Нью-Йорке, Кэт, я полагаю, вы не имеете никаких претензий на мою любезность!

Катя Ивановна молчала, повернувшись к нему спиной.

— Я должен предупредить вас, — отчаянно продолжал Василов: — морская болезнь резко повлияла на меня. Я сел на пароход одним человеком, а покинул его другим...

— О да! — едко вырвалось у молодой женщины.

— Что такое вы бормочете! — смутился Василов. — Вы должны раз навсегда понять меня. Я не могу отказать вам в товарищеском внимании, но я мертв для всего другого. Я приехал сюда, чтобы работать, и... я убедительно прошу вас, дорогая Кэт, оставить меня в покое!

Он облегченно вздохнул, осмотрелся и, заметив в уг-

лу хорошенькую китайскую ширму, вытащил ее на середину комнаты:

— Мы с вами дружески поделим территорию. Вот та часть комнаты — ваша. Берите себе ту кровать, ту стену, тот письменный стол и тот плакат — одним словом, все, что по ту сторону границы, и располагайтесь как вам угодно. Я буду, в свою очередь, совершенно свободен!

Он расставил ширму, загородив свой угол от взоров Кати Ивановны, сбросил пиджак и с наслаждением растянулся на кровати.

«Я сократил ее с самого начала! — думал он не без самодовольства. — Пусть-ка попробует теперь завести свою музыку! Интересно знать: неужели все эти беллетристы, воспевающие любовь и красивых женщин, действительно искренни? Я почти уверен, что они подогревают себя мыслями о гонораре».

С этим чисто американским выводом он закрыл глаза и приготовился задремать.

Катя Ивановна, покинутая на своей территории, несколько минут была неподвижна. Два ее крохотных ушка, выглядывавших из-под каштановых локонов, стали пунцовыми. Слова и поведение Морлендера были как раз таковы, чтобы пробудить в ее душе всех фурий ненависти. Стиснув зубы, сжав руки в кулачки, она обозрела умственно весь стратегический план, обдуманный еще на пароходе, потом тряхнула локонами, провела рукой по лицу — и переступила через вражескую границу.

Василов услышал легкие шаги, открыл глаза, и в ту же минуту шелковистые пальчики очутились у самой его щеки. Несносная Катя Ивановна сидела на краю его постели, болтала ножками и как ни в чем не бывало безмятежно глядела на него фиалковыми глазами.

— Что вам угодно? — промолвил он нетерпеливо. — Кажется, я был с вами вполне откровенен.

— О да! — ответила она и засмеялась — точнее, замурлыкала, как флейта на самой своей нежной ноте. — Но, милый Тони, вы ведь не дождались моего ответа. Вы должны выслушать противную сторону...

«Черт ее побери, это вполне логично!» — подумал про себя Василов и натянул одеяло до самого подбородка.

— Да, вы должны меня выслушать, — продолжала она, рассеянно водя рукой по его лицу и старательно разглаживая пальчиком каждую морщинку на его лбу. — Дело в том, что морская болезнь... о, эта проклятая морская болезнь!.. она совершенно переродила и меня. Я сама себя не узнаю. Я виновата перед вами, дорогой, я знаю это... Но больше никогда, никогда...

Катя Ивановна смахнула с ресниц жемчужинку и опустила голову прямехонько на грудь растерявшегося Василова.

— Я чувствую себя такой несчастной, Тони! Вы не должны больше бранить меня. И потом... — Она запнулась.

Василов лежал, волей-неволей вдыхая аромат ее волос и глядя на розовый кончик ее уха.

«Надо сознаться, — думал он про себя, — что среди зоологических особей, именуемых женщинами, она довольно безобидный экземпляр».

— Я могу сказать вам это только совсем на ухо, — продолжала мурлыкать Катя Ивановна. — Дайте мне вашу голову.

Она коснулась губами его уха, выждала минуты две, в течение которых он испытывал состояние, мысленно названное им «довольно сносным», и вдруг прошептала:

— Тони, я, кажется, собираюсь подарить вам бэби.

Черт возьми! Если б ему пустили в ухо гальванический ток, Василов не подпрыгнул бы выше, чем сейчас. Он слетел с кровати, швырнув подушку в одну сторону,

одеяло — в другую, и в бешенстве затопал босыми ногами.

— Это черрт, черрт знает что такое! — закричал он с совершенно искаженным лицом. — Я отсылаю вас назад, в Нью-Йорк! Я подам в суд! Оставьте меня в покое!

Катя Ивановна побледнела и подняла руки, словно защищаясь от удара. Губки ее сжались, как цветочные лепестки. Она стояла перед ним — олицетворение чистоты, невинности и отчаяния — и глядела на него такими широкими, такими беспомощными глазами, что Василов внезапно умолк, махнул рукой и спасся на другую половину комнаты.

«Что мне делать? — думал он в бешенстве. — Ясно, как день: это настоящая жена Василова... Она не подозревает ничего... И как она ухитрилась, как ухитрилась, несмотря на все ссоры... Гнусная, легкомысленная, преступная женщина! Любить этого пошлого коммуниста!..»

Поток его мыслей делал столь капризные зигзаги, что я был бы, как автор, совершенно сбит с толку, если б это продолжалось долго. К счастью, он резко шагнул к Кате Ивановне и, глядя мимо нее, официальным тоном произнес:

— Я отрицаю, категорически отрицаю, что это мой ребенок! Вы можете делать что хотите. Я умываю руки.

С этими словами он надел башмаки, пиджак, шляпу, посмотрел на часы и вышел, чтобы прогуляться перед домом на Мойка-стрит в ожидании кого-нибудь, кто спас бы его от ненавистного tête-à-tête[1] с Катей Ивановной.

Катя Ивановна поглядела ему вслед с жестокой усмешкой. Она была довольна собой. Она имела решительно все причины быть довольной собой. Он, этот жалкий мальчишка с чудаковатым характером, был слаб,

---

[1] Tête-à-tête (франц.) — с глазу на глаз.

растерян, вспыльчив, нетерпелив, неумен, упрям и неверен, как Иеремия Морлендер. И его было так же легко обернуть вокруг пальца, как старика Вестингауза.

Но довольная собой красавица повела себя с чисто женской непоследовательностью. Вслед за жестокой усмешкой глаза ее сверкнули отчаянием; она подошла к кровати и вдруг упала на подушку, разрыдавшись.

Тук-тук, царап-царап...

Что за странные звуки у двери? Кто-то тычется в нее тупой мордой, царапает когтями, кусает обивку... Катя Ивановна подняла голову и прислушалась.

Хав! Рр! Хав! — раздалось за дверью уже совершенно явственно.

Потом еще несколько тупых ударов, царапанье, визг, и дверь распахнулась перед каким-то безобразным, огромным комком шерсти и грязи, как вихрь ворвавшимся в комнату.

Еще секунда — и грязный комок, как мячик, взлетел прямо на кровать Кати Ивановны, бешено забил хвостом, облапил ее, лизнул в рот, нос, подбородок...

— Бьюти! — воскликнула молодая женщина. — Бьюти! Бьюти!

Да, это была она, верная Бьюти Микаэля Тингсмастера, но в каком виде! Тощая, одичалая, всклокоченная и грязная до того, что шерсть ее слиплась комьями, она повизгивала, тыкалась носом в Катю Ивановну, кружилась по комнате, обнюхивала каждый угол.

Наконец угомонившись, Бьюти села у ног Кати, положила ей на колени лапу и устремила на нее говорящий взгляд.

— Откуда ты взялась, Бьюти? — спросила миссис Василова.

Бьюти взвизгнула и шевельнула лапой. Тут только молодая женщина заметила у нее на лапе грязный полотняный лоскут, покрытый темными пятнами. Она осторожно

развязала его, подошла к окну и вгляделась в покрывавшие его пятна. Они походили на кровь. В их расположении ей почудилась симметрия. Расправив лоскут на подоконнике, она прочла буква за буквой:

БИСК ТОРПЕДА

Собака следила за ней умными глазами. Как только Катя Ивановна снова повернулась к ней, она забила хвостом и обеими передними лапами стала срывать с себя ошейник, делая уморительные движения.

— Что еще, Бьюти?

Ну да, конечно, у нее найдется и еще кое-что. Откиньте ей голову, суньте ручку за ошейник и сорвите с веревочки конверт, привязанный туда с большой хитростью, так как собачьей лапе трудно его сорвать, а уж зубами и носом ни за что не достанешь. Вот так... Раскройте его, читайте!

Катя Ивановна молча сорвала конверт, распечатала его и прочитала:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ ШТАТА ИЛЛИНОЙС

Высокочтимый сэр,

если вы получили мое предыдущее письмо и вынули пакет из моего тайника, вам небезынтересно будет узнать продолжение морлендеровского дела. Я держу в руках все его нити. Я посажен в сумасшедший дом, откуда как нельзя лучше можно следить за главным преступником. Вы поймете меня, если потребуете освобождения из камеры № 132

умалишенного

Роберта Друка.

Глава тридцать третья

ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ И ПРИВХОДЯЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В то время как «Торпеда», выпустив на берег Василова, закупорилась со всех сторон, как средневековый рыцарь в броню, и отошла в глубь залива, молчаливая и мрачная «Амелия» весь день и до глубокой ночи разгружала свои товары.

Мистер Пэль с тросточкой в руках бегал туда и сюда, периодически выбрасывая с языка весь свой запас русских слов. Мешки, бочонки, ящики скатывали с палубы на берег, а оттуда перетаскивали на огромные грузовики. Техник Сорроу, поступивший к мистеру Пэлю на службу, заложив руки за спину, наблюдал за работой.

В эту минуту из бочки, стоявшей подле него, раздался протяжный вздох. Сорроу прислушался и толкнул бочку ногой.

— Эй! — тихо раздалось из бочки. — Эй, друг Сорроу! Менд-месс!

Это было сказано на самом понятном языке для техника Сорроу.

С быстротой молнии оглянувшись вокруг, он шепнул ответно:

— Месс-менд! — и выбил из бочки днище.

Тотчас же навстречу Сорроу высунулась знакомая голова, а потом шея и плечи, а потом туловище с прочими конечностями, и из бочки ловко выпрыгнул Лори Лен, худой, веселый и встрепанный.

— Сорроу! Хлебца и глоток виски! — шепнул он умоляюще. — Жизнь этого самого греческого... как его... Диогена чертовски лишена всяких удобств, особенно в закупоренном виде.

Сорроу дал ему хлеба, спрятал за баррикадой из мешков и ящиков, заложил руки за спину и сурово произнес:

— Объясни-ка мне теперь, Лори Лен, чего ради ты вковырнулся в гуверову бочку и, не спросясь Мика, отчалил на «Амелии»?

— А ты чего? — спросил Лори, разжевывая хлеб с силой мельничных жерновов.

— Ты прекрасно знаешь, что я поехал по наказу Мика следить здесь за собаками-фашистами.

— Ну, а я приехал поработать для Советской России! — невозмутимо ответил Лори и сунул в рот последнюю корку хлеба. — И ежели ты мне, дружище Сорроу, хочешь подсобить в этом, так не медли ни дня, ни часа. А кроме того... — Лори запнулся и покраснел как кумач, — кроме того, хотел бы я знать, Сорроу, куда вы дели мисс Ортон, то есть миссис Василову?

— Вот оно что! — протянул Сорроу многозначительно. — Хорош же ты, я тебе скажу, Лори Лен, металлист!

Неизвестно, что бы ответил ему Лори, покрасневший пуще прежнего, если бы из соседнего ящика не раздалось странное кряхтенье.

— Кха-кхи-ки-ки-кха! — раздавались в ящике странные звуки.

Сорроу сдвинул брови, подошел к ящику и заколотил в него что было силы.

— Сорроу, менд-месс! — раздалось оттуда жалобно.

Лори и техник Сорроу, переглянувшись, сорвали с ящика крышку, и взорам их предстал почтенный слесарь Виллингс, изможденный, скрюченный наподобие амбар-

ного замка и глядевший на них жалобными, голодными глазами.

— Виллингс! — воскликнул Лори.

— Виллингс! Ты? — сокрушенно вырвалось у техника Сорроу.

— Я, ребята, я самый! Я теперь, можно сказать, перенес самое худшее, что может нас ожидать на том свете: герметическую закупорку, не больше не меньше! После этого я не боюсь смерти, нет, ни чуточки не боюсь смерти, подавай мне ее кто хочет, хоть сама холера, хоть чума и проказа

— Не философствуй, — мрачно ответил Сорроу. — Скажи мне лучше, как это ты, опора нашего союза, степенный парень Виллингс, как это ты уподобился мальчишке Лену и шмыгнул в ящик за юбкой?

— Нет, Сорроу, нет, не за юбкой! Ошибаешься! — сердито ответил Виллингс. — Я, брат, приехал хоть и в ящике, но при всех документах, оформленный, что твой дипломат. Сам Кресслинг послал меня, братцы, следить и доносить... Что же касается юбки, то я, брат, видел мисс Ортон в штанах нашего Лори, и будь на ней не то что штаны Лори, а футляр от барабана или почетное знамя Бостонского университета, я бы и то пошел за ней куда она хочет, вот провалиться мне на этом месте!

— Правильно, — произнес кто-то возле них.

Все трое, вздрогнув, обернулись во все стороны. Но вокруг не было ни души, а грузчики суетились на далеком расстоянии, в обществе мистера Пэля.

— Правильно! — повторил кто-то еще раз, и мешок, лежавший у ног техника Сорроу, резко изменил свои очертания.

— Черт тебя побери, кто бы ты ни был! — сказал техник, шлепнув мешок всей пятерней. — Вот пошлю я тебя отсюда в хлебопекарню, а там уж разберут, что из тебя выпечь, негодный бездельник, трус, дезертир!

— Этого ты не сделаешь, Сорроу, — произнес мешок, распоролся пополам и выпустил оттуда не кого иного, как Нэда.

— Так я и думал! — расхохотался Лори. — Ну, ребята, теперь вся наша компания налицо. Мы ее спасли из Гудзона, так уж нам, значит, на роду написано не отставать от нее ни на шаг.

— Это мы еще посмотрим, — проворчал Сорроу. — Прежде всего я сведу вас прописаться, ребята, а потом устрою на работу. Можете дышать с мисс Ортон одним и тем же воздухом, если это вам нравится, но видаться с ней я вам решительно запрещаю.

— Как бы не так! — воскликнул Лори.

— Как бы не так! — промычал Виллингс.

— Как бы не так! — процедил Нэд.

И, словно в завершение их слов, на пристани вдруг показалась высокая, тоненькая фигурка в белом костюме, в ореоле каштановых кудрей и с большой лохматой, грязной собакой, шедшей за ней по пятам, виляя хвостом. Фигурка оглядывалась из-под беленькой ручки во все стороны, пока не заметила техника Сорроу и наших трех приятелей. Тогда она радостно вскрикнула, всплеснула руками и со всех ног бросилась им навстречу. Собака, в два прыжка опередив ее, кинулась в ноги технику Сорроу, завизжала и неистово забила хвостом.

— Черт меня побери, если это не Бьюти! — вырвалось у потрясенного техника, и он что было силы стиснул в объятиях запачканную и взъерошенную собаку, предоставив своим товарищам выражать такие же чувства по адресу мисс Ортон.

Глава тридцать четвертая

МИСТЕР ВАСИЛОВ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Василов выскочил из подъезда, стараясь ни о чем не думать. Но, закурив папиросу и сделав два-три конца перед домом, он успокоился и занялся обзором окружавшей его местности. Дом, где их поместили, был старинной постройки — должно быть, от петровских времен. Первоначальное ядро его обстраивалось несколько раз, и от множества наслоений архитектура казалась нелепой, хотя и грандиозной. Теперь здесь было общежитие художников и писателей. Сюда помещали приезжих коммунистов. Почти у каждого подъезда стоял автомобиль; то и дело, стрекоча, подлетали мотоциклы. Не успел он пройти несколько шагов, как его внимание привлекла нищенка.

Это была старуха в дырявом платье, в мужских сапогах и с кусочком оконной занавески на голове. Лицо ее было так помято, пришлепнуто и обвисло, что походило скорее на кусок кожи, чем на человеческое лицо. Глаза были белы от старости и казались бессмысленными. Она стояла неподвижно, и Василов бросил ей деньги в протянутую ладонь. Пройдя немного вперед, он оглянулся и увидел, как из ворот вышел высокий седой человек с лицом, обезображенным темными пятнами, и с двумя бельмами на глазах, едва видимых из-под густых седых бровей. Он вышел прихрамывая, оглянулся во все стороны и, не заметив Василова, быстро подошел к старухе. Каково же было удивление Василова, когда старик почтительно поцеловал ей руку, отвесив самый придворный поклон, и произнес на изысканном английском языке:

— Как ваш ревматизм, княгиня?

— О, я не ропщу! — кокетливо ответила нищенка. — Надеюсь, вы читали последнюю речь нашего возлюбленного монарха?

— Читал и ношу в сердце!

— Уже на посту?

— Уже на посту.

После обмена церемонными приветствиями старик побежал, прихрамывая, назад в ворота, а старуха застыла в прежней позе.

— Хорошенькое местечко, где нищие похожи на придворных! — пробормотал Василов и двинулся дальше, присматриваясь и прислушиваясь.

В эту минуту на улицу вылетел автомобиль, украшенный красным флагом. В нем сидели двое простых рабочих в заштопанных куртках, оживленно беседовавших о чем-то со статным человеком в военной форме. Как только автомобиль был замечен с улицы, пешеходы подняли шляпы, и многие крикнули какое-то приветствие.

«Должно быть, важное лицо в городе, — подумал Василов. — Забавно, что оно разъезжает с простыми рабочими».

В эту минуту автомобиль, летевший во всю мочь, остановился как вкопанный.

«Что случилось? Кто может помешать проезду такого важного лица в городе?» — продолжал раздумывать Василов, оглядев почти пустынную улицу.

Вот тебе и раз! Через нее проходило несколько пар крохотных детей, одетых в одинаковые бедные платьица, с одинаковыми шапочками на стриженых головах. Их вела некрасивая девица в очках, похожая на квакершу. Она энергично размахивала руками и, проведя последнюю пару своих птенцов под самым носом автомобиля, сделала шоферу величественный жест рукой, после чего тот пустил машину.

Поистине необыкновенное зрелище! Бедные, бездомные дети идут, как выводок английского пэра или американского миллиардера, загораживая путь важному лицу в городе...

Василов пожал плечами и ускорил шаги. Миновав бурную Мойку, он очутился на мрачной площади, застроенной старыми, темными домами с заплесневелыми облупившимися сырыми стенами.

«Здесь, должно быть, притоны нищеты и разврата, как и во всех больших городах!» — подумал он про себя, нащупал в кармане бумажник и осторожно двинулся дальше.

Как будто в подтверждение его слов, со всех сторон на мрачную площадь стали собираться удивительные люди. Одетые в старые, полинялые платья, в ситцевые платки, в картузы, они шли гурьбой, неся в руках какие-то странные предметы. И что всего удивительней, эти люди были почти сплошь пожилые. Седые и сморщенные, с темными мозолистыми руками, одни из них горбились, другие прихрамывали, опираясь на клюку, стучали деревяшкой вместо ног.

«Инвалиды? Преступники? Нищие?» Василов не знал, что подумать. Прохожие между тем стали входить в один из домов. У дверей не было ни швейцара, ни сторожа. Василов смешался с толпой, скользнул в дверь и стал подниматься по лестнице.

«Теперь я узнаю, что это за притон», — подумал он с любопытством туриста.

Старики вошли между тем в большую, светлую комнату, заставленную столами и скамьями. На стене висела огромная черная доска. На маленьком возвышении стоял человек в синей блузе. Вошедшие расползлись по скамьям, уселись рядком и положили перед собой принесенные предметы, похожие на молитвенники. Человек в синей блузе поднял руку.

«Ага! — подумал Василов. — Это какая-нибудь рели-

гиозная секта. Значит, и здесь есть нечто похожее на наших несносных нью-йоркских фарисеев. Проповедник начинает проповедь... Какая скука! Уйду!»

Не успел он это подумать, как мужчины и женщины раскрыли свои книжки, похожие на молитвенники, а человек в синей блузе написал на доске мелом... большую букву

Василов оглянулся по сторонам. Лица людей вокруг него сияли самым непритворным вниманием, лбы их были нахмурены, рты полуоткрылись, повторяя написанную на доске букву, а раскрытые перед этими кандидатами в иной мир молитвенники оказались не чем иным, как... азбукой!

Этого Василов снести не мог. Он вскочил и выбежал на улицу; он задыхался от изумления. Обернувшись на дверь, он с великим трудом разобрал на вывеске таинственную надпись: «Школа по ликвидации неграмотности».

— Сумасшедший народ! — воскликнул он по-английски. — Учить стариков азбуке! И они учатся, черт побери, и даже, кажется, с удовольствием учатся!

— Извините меня, сэр, вы — англичанин? — спросил его кто-то по-английски, нагнувшись к самому его уху.

Василов вскинул глаза и увидел высокого, как атлет, крупного человека военной выправки с седыми генеральскими усами и в щегольской форме командира. Он стоял рядом с Василовым на панели, следя за тем, как через площадь стройными рядами проезжали колонны кавалеристов.

— Да, — машинально ответил Василов, — я турист... Я впервые в этой стране.

— Чему же вы изволили так громко удивиться?

— Я удивился сумасбродству стариков, обучаемых вот в этом доме направо — азбуке.

— О сэр, это один из способов омолаживания, практикуемый у нас, — ответил с улыбкой командир. — Я сам сдал недавно экзамен политической грамоты. И смею вас уверить, я не променяю ни мою кавалерию, ни моих красногвардейцев ни на одну армию в мире, до такой степени мне было приятно начать жизнь сначала.

Он приложил два пальца к фуражке, любезно поклонился Василову и сел в мотоциклет.

Изумление смешалось у Василова с завистью. Он проводил глазами кавалерию, гарцуя проехавшую через площадь, и повернул обратно на Мойка-стрит.

У подъезда, где помещалось общежитие, уже стояли два человека в военных куртках, оглядывавшихся во все стороны. Один из них был Евгений Барфус. Другой, высокий, сероглазый, с трубкой в зубах, был Василову незнаком. Оба тотчас же подошли к нему, Барфус взял его под руку.

Высокий представился:

— Ребров, — и дал знак автомобилю подъехать.

— Товарищ Ребров повезет вас на Путиловский завод, мы вас ждем уже десять минут, — торопливо сказал Барфус. — Все нужные объяснения вы получите от него, он — ваш непосредственный начальник.

С этими словами Барфус поднес пальцы к фуражке, сел в мотоциклет и исчез, как молния.

Мнимый Василов поднялся в автомобиль, Ребров вскочил вслед за ним, шофер тронул рычаг, и они отъехали от общежития.

Артур искоса поглядел на своего соседа. Это был стройный мускулистый человек с юношески моложавым лицом, суровыми тонкими губами и утонченной линией подбородка. Уши у незнакомца были маленькие, почти без мочек.

«Аристократы еще не вымерли в этой стране рабочих и

крестьян, — подумал Василов иронически. — Держу пари, что мое начальство — отпрыск каких-нибудь древних поколений, засекавших крепостного мужика».

— Товарищ, — обратился он к нему, — вы, должно быть, и раньше служили на Путиловском заводе?

Ребров вынул трубку изо рта и ответил на хорошем английском языке:

— Вы угадали.

— Где же вы учились на инженера? Должно быть, в Англии?

— Вы опять угадали, — улыбнулся Ребров. — Если то, что я делал в Англии, можно назвать «ученьем на инженера», то я учился в Англии.

Василов думал несколько минут, с какого конца возобновить свой допрос. Но, прежде чем он раскрыл рот, Ребров выколотил трубку, быстрым движением спрятал ее в карман, обратил к Василову лицо, так поразившее его своим изяществом и тонкостью, и дружелюбно заговорил:

— Ведь я смазчик Путиловского завода, а отец мой был слесарем на том же заводе. Семнадцати лет меня сослали в Сибирь, я бежал в Англию и кое-чему там научился, работая кочегаром у Паукинса, в Бирмингаме. Путиловские ребята выбрали меня после революции в директора — ну, мои знания и пригодились немножко.

«Черт побери! — опять подумал Василов, поминая черта чуть ли не в сотый раз за сегодняшний день. — Я не могу понять этой страны, даже если бы тридцать немецких Бедекеров описывали ее на тридцати языках. Я отказываюсь ее понимать!»

Они мчались сейчас по широкому шоссе, окаймленному великолепными липами. Быстроногие пешеходы сновали взад и вперед. Дворцы сменились тенистыми садами с прорытыми в них прудами и каналами, и наконец вдалеке, в синем и совершенно бездымном небе обрисовались гигантские очертания тысячи заводских труб разной длины,

ширины и формы. Это был целый лес воздетых к небу органных трубок, будто выпятивших губы, но дышавших необыкновенно легко и не оставлявших в небе никакого следа от своего дыхания.

— Наш фабричный поселок, — заговорил Ребров, указывая туда пальцем. — Мы сконцентрировали все наше производство в одном месте. Раньше Петроград с четырех сторон был окружен действующими заводами, а сейчас мы перенесли их в эту гористую часть и превратили в экспериментально-исследовательский участок. В сущности, вы поступаете на завод-музей, завод-школу, завод-академию — вот что такое сейчас старый Путиловский. Взгляните сюда: видите вы три круга, похожих на три этажа?

Василов взглянул, куда показывал Ребров, и увидел странное зрелище: внизу, обрамленный каменной стеной, шел круг первого яруса; винтообразные лестницы восходили от него в круг второго яруса, тоже обрамленного стеной; совсем наверху, более легкой, изящной, портативной архитектуры, напоминавшей деревянную, возносился третий круг, увенчанный крыльями ветрянок, площадками для посадки аэропланов, воздушной сетью сигнализаций и целым морем красных флагов, мелькавших в этой сети труб и проводов, как алые маки в колосьях пшеницы. Зрелище это, во всей своей головокружительной пестроте и симметрии, сильно захватило Василова.

— Неужели вы зовете это поселком? — воскликнул он. — Скорей это похоже на всемирную выставку.

— Вы не дали мне договорить, — улыбнулся Ребров. — Здесь перед вами торжество единого метода хозяйства, пока только в его экспериментально-научной форме. Вам придется изучить его, чтобы работать вместе с нами. Взгляните вниз, на первый круг: он охватывает побережье Невы, массивы финского гранита, торфяные болота — с запада, кусок леса — с востока. Здесь поместилась у нас промышленность добывающая. Вот эти высоты Токсовско-

го хребта, подходящие к нам с границы Финляндии, открывают богатейшие земли минералов, драгоценную древесину, смолу, всевозможные необходимые для нас ископаемые. Гигантская стена вокруг первого яруса служит электроприемником колоссальной электрической энергии с Волховстроя, помогающей взрывать недра и передаваемой наверх, во второй ярус. Взгляните теперь повыше, — продолжал Ребров, встав с места и указывая Василову вперед, а другой рукой охватив его плечи, — взгляните туда: это второй круг, там у нас промышленность обрабатывающая. Видите вы дым и блеск от огромных домен, слышите щелканье железных зубьев, визг пил, трескотню колес, гул моторов? Там сырье становится материалом, дар природы преобразуется в продукт работы. А еще выше — поднимите глаза — венцом всего поселка у нас расположена промышленность фабричная, делающая из материала фабрикат и выбрасывающая его на тысячи наших воздушных грузовозов — в город, в порт, в окрестности и на станции железнодорожных магистралей...

— Чудесно! — воскликнул Василов, опять почувствовавший в себе сына инженера Морлендера. — Я горжусь, что приехал работать с вами. Но я не вижу, товарищ, в чем смысл вашего единого метода, кроме территориального сближения всех областей промышленности.

— В чем смысл нашего «единого метода»? Вы еще не видите его, хотя уже почувствовали. Об этом вам скажут товарищ Энно, блюститель метода. Вот он, у въезда в поселок. Он уже увидел нас и приветствует...

Шофер затормозил, Василов и Ребров выскочили на гранитные плиты дороги и пошли навстречу белокурому, почти белому человеку с розовыми щеками и сияющими голубыми глазами, похожему одновременно и на старца и на младенца.

— Добро пожаловать к нам, дорогой товарищ! — сказал он приятнейшим голосом, протягивая Василову ру-

ку. — Мы пойдем с вами на завод кружными путями, и я прочитаю вам мое маленькое напутствие.

Тем временем товарищ Ребров, кивнув им, уже вскочил на какую-то платформу, застегнул надетый вокруг талии металлический обруч и, прежде чем Василов мог что-либо сказать ему, понесся на передвижной платформе в глубину каменного коридора.

— Идемте, идемте, друг мой! — ласково проговорил румяный человечек, беря Василова под руку. — Мы с вами сделаем долгий путь на собственных ногах, потому что человеку всегда полезнее узнавать новое с некоторым усилием, а не в виде легкого развлечения.

Он тоже говорил по-английски, но с небольшим акцентом. Выведя Василова на гранитную балюстраду, он показал ему внизу, на необъятном пространстве, поля, засеянные самыми разнообразными злаками. От мокрых квадратиков рисовой плантации до бамбуковой рощи, от исландского мха до рощи кокосов — здесь было всё. Разные люди работали на каждом поле — тут были представители всех стран и народов, были самоеды в теплых штанах, голые китайцы по колено в воде, полуголые негры в соломенных шляпах.

— Не удивляйтесь на это, здесь нет никакого волшебства, — сказал Энно пораженному Василову. — Вы видите башенку на каждом из полей? Это знаменитый регулятор Савали, примененный к нашему изобретению электроклимата. Мы произвольно распределяем нужные количества влаги и тепла на определенные участки, мешая их утечке в пространство тем, что создаем вокруг участка передаточные магнитные течения большой силы, как бы закупоривающие его сверху. Это изобретение пока еще стоит больших средств, и потому мы применяем его лишь как первый опыт. Наши поля служат сельскохозяйственной показательной станцией — и только; сырье, получаемое от них, еще очень незначительно. Теперь обернитесь назад.

Василов быстро обернулся и увидел расположенные по горному амфитеатру каменоломни.

— Всю длину этого амфитеатра занимают рудники и небольшие добывающие центры, тоже еще только показательные. Мы обойдем их с вами, и во время пути я открою вам тайну нашего метода.

Они прошли по асфальтовым и гранитным дорожкам. Каждый шаг открывал перед ними все новые и новые картины. Тысячи механизмов двигались, доставляя уголь, соль, торф, глину. Вертелись мельничные крылья, беспрерывно свистела лесопильня, стучали топоры. И все встречные рабочие, дружески кивая им, поворачивали к Василову веселые, счастливые лица. Не было ни единого, кто бы не улыбался. Счастье светилось в каждом взгляде.

— Посмотрите на них, — начал Энно: — они счастливы. Мы произвели величайшую в мире революцию, но мы были бы глупцами, если б не пошли дальше, мой друг. Завоевав орудия производства, мы пожелали сделать человека счастливым.

— Утопия! — вздохнул Василов.

— Вот именно, — живо подхватил Энно, — мы поставили себе задачей осуществление утопии. Лучшие из наших умов работают над этим. Полное счастье дают лишь две вещи: созидание и познание. Но до сих пор тот, кто созидает, ничего не знал, а тот, кто познал, ничего не созидал. Уродливые ублюдки прошлого — рассеянный профессор и автомат-рабочий — должны раз и навсегда исчезнуть! Мы твердо решили сделать производство познавательным, а познание — производственным. Как этого можно было достичь? Тут-то, мой друг, и помог нам метод единого хозяйства. Да, обедневшие, истощенные, голодные, лишенные продуктов и рынка, мы начали с того, что сами взялись за свое хозяйство. То было жестокое время голода и разрухи. Мы сеяли картошку в ящиках от письменного стола, сами дубили кожу для сапог, шили сапоги,

красили старое сукно, добывали, возделывали, обрабатывали, чтобы прожить, не умереть, — и практически, в силу необходимости, подошли к круговороту хозяйственной механики, к зависимости производств друг от друга. Наш «единый метод хозяйства» и заключается в том, что ни один из рабочих отныне не приступает к своей работе без полного представления обо всех звеньях производства. Он выделывает головку гвоздя, зная не только о добыче минерала, но и о его химическом составе, его спектре, — это с одной стороны, с другой — он знает о роли своего гвоздика в каждой из фабричных вещей, начиная с мебели и кончая винтиком микроскопа. Иными словами, мой друг, мы рассадили наше производство по системе оркестра. От барабанщика и до скрипки — каждый выполняет свою партитуру в общей симфонии, но каждый слышит именно эту общую симфонию, а не только свою партитуру. Поняли?

Василов с изумлением слушал восторженную речь Энно.

Пока он раздумывал, мимо них проходили группы рабочих с знаками «Р» и «Ш» на рукаве.

— Посмотрите, это экскурсанты со второго и третьего производственного яруса. Каждый из них ходит на соседнюю территорию, чтобы изучить связи хозяйства. Рабочие, инженеры, учащиеся, изобретатели у нас больше не делятся на группы. У нас нет учащегося, не работающего практически, и нет рабочего, который бы не учился... А теперь я должен проститься с вами. Станьте на этот квадрат, он вас поднимет на Путиловский завод. Держитесь за металлические кольца.

Энно приветственно махнул ему рукой и присоединился к одной из рабочих групп.

Ошеломленный всем виденным, Василов почти бессознательно встал на указанный ему квадрат и едва успел ухватиться за кольца, как уже понесся с этажа на этаж по

каменному колодцу, покуда квадрат не остановился посреди небольшого гранитного дворика.

Ребров вышел ему навстречу, взял его за руку и повел на завод.

Глава тридцать пятая

ПЕРВАЯ НОЧЬ СУПРУГОВ ВАСИЛОВЫХ

Было уже темно, когда Василов оторвался наконец от своего станка. С ним приключились удивительные вещи. Он послушно стоял у станка, обтачивая металлические ободки для фарфоровых чаш электроприемников. В минуты работы он испытывал необычайное наслаждение. Рабочие, окружавшие его, были всех национальностей. Каждый понимал несколько слов на языке другого, некоторые составляли группы для практики на чужом языке. С ним обращались не как со старшим, а как с равным. Среди шуток и песен он успел научиться новым для него русским фразам. Когда же он присоединился к экскурсии, ходившей на первый и третий ярусы, восхищение его перешло в восторг.

— Я влюбился в поселок и в свой станок, — сказал он Реброву, когда тот пришел силой снять его с работы. — Это чудесная штука, это лучше всякой гимнастики, бокса и футбола! Я положительно повеселел у вас!

Он с большим сожалением снял с педали ногу, отвернул засученные рукава рубашки, снял фартук и накинул свой пиджак.

— Я готов проводить здесь целые сутки!

— Вы можете приезжать к нам с девяти утра и оста-

ваться до одиннадцати ночи, то есть весь период бодрствования, — ответил с улыбкой Ребров, — больше этого нельзя. В Советской республике каждый трудящийся свято соблюдает период ночного сна и отдыха, от одиннадцати ночи и до восьми утра. Иначе у него не будет сил для работы.

С этими словами Ребров свел Василова под душ и указал ему на движущуюся платформу, через несколько минут доставившую нашего героя вниз.

Стало свежо, небо усыпали крупные звезды, с показательных полей несло необычайными ароматами тропиков и полярного лета. Василов сбежал с лестницы к ожидавшему его автомобилю, наслаждаясь мягким ночным воздухом, звездным небом и эластичностью своего освеженного тела. Но, когда автомобиль понес его к роковому дому на Мойка-стрит, Василов вздрогнул и ударил себя по лбу. Он забыл и тайные инструкции фашистов, и мнимую жену, и свою роль заговорщика!

Сердце его сжалось, и холод прошел по коже. Вот эту необыкновенную, удивительную, трижды милую страну должен он помочь разрушить, залить кровью, обесплодить, наводнить врагами! Этих гениальных и милых, со всех концов света пришедших сюда людей с благородными лицами, с горячими глазами, со счастливой улыбкой должен он предать и убить из-за угла!

Он знал, что прежней ненависти в нем нет ни капли. Он знал, что дух старого Морлендера веселится в нем, как и его собственный, восхищается чудесным зрелищем труда, только что виденным в поселке.

— Отец влюбился бы в них, как и я, — прошептал он уверенно. — Какого черта он стал бы преследовать их!.. Да полно, уж не убит ли он не ими, а кем-нибудь другим?

В ту же секунду он почувствовал, как волосы у него на затылке зашевелились от ужаса.

Стоп! Шофер затормозил перед темной дверью общежития. Рядом мелькнула все та же старуха нищая.

Медленно сошел Василов на землю и медленно поднялся по лестнице своего дома. Он столько пережил за сегодняшний день, что даже женщина, поджидавшая его наверху, показалась ему теперь добрым товарищем. Как хорошо было бы сказать ей всю правду! Он не знает, что сделали с ее мужем. Он не знает, что сделают с ним самим.

Постучав и не получив ответа, Василов нажал дверную ручку и вошел в комнату.

Было совершенно темно, занавеси на окнах спущены. Миссис Василова, судя по ее ровному дыханию, уже спала.

Василов нащупал свой письменный стол и зажег лампочку. На столе был приготовлен ужин и стакан холодного чая. Кровать раскрыта, на подушке чистая ночная рубашка, на коврике мягкие туфли. Он окинул взглядом все эти удобства и невольно улыбнулся. Вот они, достоинства семейной жизни!

Василов скинул пиджак и пыльные башмаки. Он с наслаждением закурил бы и уже протянул руку к зажигалке, как вдруг остановился. Эта женщина... кто бы она ни была, ей все-таки может быть неприятен табачный дым. Он с наслаждением помылся бы, но стук может разбудить ее... Возмутительно! Остается только раздеться и спать. Вот они, неудобства семейной жизни!

Василов осторожно сел на кровать и задумался. Нервы его не хотели успокаиваться. Он был взвинчен, взбудоражен, зажжен. Он перешел от восторга к мрачному отчаянию. Он спутался. Он не знает, что делать. С тоской хрустнул он пальцами и в ту же минуту услышал тихий шепот миссис Василовой:

— Тони...

В мурлыкающем, сонном голосе было такое очарование, что Василов невольно поднялся с места. Он помянул

про себя черта — в тысячный и последний раз за этот день, — на цыпочках перешел установленную им пограничную полосу и остановился у кровати своей жены.

Она спала. В слабом свете электрической лампочки чуть виднелось очаровательное существо, едва прикрытое батистом и кружевами. Одну руку она положила на грудь, другую закинула под голову. Рот ее полуоткрылся, каштановые локоны упали на глаза, от ресниц легла на щеки темная тень, еще более сгустившая сонный, как у спящего ребенка, румянец. Надо сознаться, Артур Морлендер не спешил покончить с этим зрелищем, тягостным для каждого честного женоненавистника.

Миссис Василова глубоко вздохнула во сне и улыбнулась, блеснув жемчужной полоской зубов. Нижняя губка ее оттопырилась с детской капризностью. Она снова пробормотала:

— Тон-ни... — и повернулась на другой бок.

Василову безопаснее было бы отойти заблаговременно на тыловую позицию. Но он подкрепил себя мыслью о том, что ему надлежит как следует изучить своего врага.

«При ближайшем рассмотрении вещи часто оказываются совсем другими! — подумал он фарисейски. — В конце концов, я имею на это право, поскольку она не предусмотрена в данных мне инструкциях».

Счастливая мысль об инструкциях внушила ему новую идею. Не может ли он, сославшись на этот непредусмотренный, возмутительный, мешающий и стесняющий его факт — жену, выдающую себя за его собственную, — вообще отказаться от выполнения инструкций? Пусть Крессканг пеняет сам на себя!

Он оперся рукой о стену над самой головкой своей жены, а другую для равновесия осторожно сунул под подушку и замер в весьма неудобной позе.

Между тем в лице спящей красавицы произошло магическое изменение. Ресницы и ноздри ее затрепетали,

губы сжались, брови сдвинулись. Она еще раз вздохнула, широко раскинула руки и вдруг обвила ими шею Василова.

Артур Морлендер побледнел и похолодел, как мертвец.

— Кэт, вы проснулись? — сказал он глухо. — Простите меня... Пустите меня.

Но Кэт не пускала его. По-прежнему закрыв глаза и не стряхивая с лица кудрей, она все ближе нагибала к себе белокурую голову Морлендера; она нагибала ее до тех пор, покуда губы его не коснулись ее лица.

Будь мой роман греческой трагедией, в этом месте должен был бы появиться потрясенный хор женоненавистников с приличными случаю угрожающими и оплакивающими стихами и посыпанием волос (или лысин) пеплом. Однако же в романе моем ничего подобного не случилось, и если сердце мистера Морлендера бешено колотилось в эту минуту, презирая всякие нормальные медицинские темпы, то часы его, движимые хладнокровным механизмом, стучали совершенно так, как и раньше.

— Кэт, простите меня, простите меня! — шептал Морлендер, покрывая ее поцелуями. — Я... о, простите меня!

Он не мог говорить. Он был сражен, как бурей. Высвободив руку из-под подушки, он откинул локоны со лба своей мнимой жены, дрожащими пальцами провел по ее лбу и щекам, приподнял за подбородок ее лицо, пораженный открытием невиданного чуда.

Артур Морлендер ни одной женщины никогда не любил до этого вечера. Артур Морлендер впервые встретился с единственным и величайшим чудом земного шара, именуемым женщиной. И вдруг он почувствовал, как его непереносимое волнение разрешилось бурей слез, заструившихся у него по щекам.

В ту же минуту Вивиан подняла ресницы. Глаза их встретились. Морлендер отшатнулся и вскрикнул. Он

встал, закрыл лицо и, как лунатик, зашагал к себе. Он сел на свою кровать, не разжимая рук, и будет так сидеть до самого утра.

Я не имею ни малейшего намерения дежурить около него и, что еще хуже, замораживать вместе с собой читателя, а потому прямо скажу, что творилось у него на сердце. В иные минуты человек воспринимает с почти звериной чуткостью. Всеми нервами своего потрясенного существа Морлендер увидел взгляд ненависти, сверкнувший на него из фиалковых глаз миссис Василовой. В ту же секунду ему стало ясно, что она такая же Кэт, как он — Тони.

Вивиан лежала у себя тихо, как мышь. Грудь и шея ее были закапаны слезами Морлендера. Прикусив нижнюю губу, Вивиан смотрела в темноту остановившимися глазами. Она выдала себя Морлендеру! Она лукавила с мерзким стариком, она была готова на все, чтоб отомстить, — и она не посмела солгать Морлендеру! Ни за что на свете, ни для какой мести не смогла бы она продолжать придуманную комедию...

Так два сердца с манией отмщения в один и тот же день объявили капитуляцию.

Глава тридцать шестая

Белая петроградская ночь перешла в белое утро Часы Морлендера хладнокровно добрались до шести.

Измученная долгой бессонницей, Вивиан тихо поднялась с кровати и стала одеваться, стараясь не производить никакого шума. Накинув платье, она причесалась,

надела шляпу и кофточку и на цыпочках приблизилась к заповедной меже. У нее была только одна мысль: бежать, со всех ног бежать к Сорроу, ехать назад в Америку, дать знать Тингсмастеру, что она никуда не годится и ничего не может...

Она перешагнула границу и вздрогнула. Посреди комнаты стоял совершенно одетый Морлендер и смотрел на нее. Как он изменился в одну ночь! Вместо безличного «первого любовника» с раздражающе красивым лицом, каких много в любом журнале мод, перед Вивиан был возмужавший, постаревший, неузнаваемый человек. Черты лица его стали твердыми и острыми, кожа обтянула их в одну ночь, словно Морлендер похудел от шести часов бессонницы. Взгляд углубился, но стал непроницаем. Губы сомкнулись с суровостью, для них необычной. Из-под золотистых волос, красиво ложившихся вокруг лба, стал виден самый этот лоб, очень высокий, ясный, лоб мыслящего человека, раньше как-то не замечавшийся. Он спокойно глядел на нее до тех пор, пока Вивиан не опустила глаза. Тогда слабая усмешка тронула его губы, но тотчас же исчезла.

— Я ждал вас, — заговорил он просто. — Я хочу объясниться с вами.

Вивиан обвела глазами комнату, подошла к столу и опустилась на него, стиснув руки. Артур остался стоять.

— Я не Василов, — заговорил он снова. — Я не знаю, что сделано с Василовым, хотя не смею считать себя невиновным. Вы не жена Василова и ненавидите меня. Я не знаю ни вас, ни ваших планов. Возможно, вы знаете меня и мои планы. Вас, конечно, приставили следить за мною те самые силы, которые швырнули меня сюда с низкой целью. Так вот, в первом своем отчете можете донести, что я не собираюсь выполнять задание, отказываюсь вредить этой стране и этим людям. А теперь давайте решим: или вы, или я переселимся из этой комнаты.

Вивиан судорожно стиснула пальцы, хотела что-то ответить, но молча повернулась и выбежала на лестницу.

Артур Морлендер прошелся несколько раз по комнате, закурил, распахнул окно, потом быстрыми шагами направился за перегородку.

Кровать была небрежно прикрыта одеялом, она еще благоухала ароматом ее волос, теплотой ее тела. Он не смотрел и не видел ничего. Стальной рукой схватил он одеяло, подушки, простыни, связал их в узел и бросил в угол, словно надеялся изгнать этим из комнаты всякие признаки ее пребывания в ней. Потом скинул пиджак, лег на собственную кровать и закрыл глаза. Ему оставалось два часа до поездки на завод.

Спит или не спит Артур Морлендер, мы не знаем. В раннем утреннем свете лицо его имеет мертвенный вид. Веки тяжело легли на глаза, и у рта прошла черточка, состарившая его лет на десять. Он выдержал два часа полной неподвижности, потом тихо встал, умылся, взял шляпу.

Чудный день расцветал над Петроградом. Первые желтые листья, крутясь, ложились на черные воды Мойки. Синее небо над городом было так чисто и прозрачно, словно его намылили, выстирали и хорошенько прополоскали в синьке.

У подъезда ждал в машине сам Ребров, сидевший у руля. Жестом он пригласил Артура занять место рядом с собою, круто повернул баранку, и машина рванулась.

— Сегодня — особая программа, — начал он, не отводя глаз от дороги: — мы с вами едем не на завод, а в мою лабораторию. Она тоже на окраине, но противоположной. Мы с вами мчимся сейчас в сторону Нарвы.

— Что мне там нужно будет делать?

— Выслушать небольшую лекцию, — улыбнулся Ребров. — Не пугайтесь, не скучную.

Мимо проносились странные открытые пространства,

похожие на стадионы. Люди на них, одетые, как физкультурники, в трусы и белые колпачки, что-то равномерно проделывали — приседали, вставали, взмахивали руками, — и все же это не были стадионы. Поверхность земли покрыта была густой растительностью в половину человеческого роста.

— Что это такое? Что они делают? — спросил Артур у своего спутника.

Тот затормозил:

— Хотите, посмотрим вблизи?

И вот они оба на широком, ровном, как скатерть, лугу.

Откуда-то сбоку ветер приносит теплые волны музыки, такой ритмичной и знакомой во всех частях света, — музыки утренней зарядки. Чей-то приятный дикторский голос разносится над лугом, хотя самого диктора не видно — он сидит за десять километров отсюда, перед микрофоном:

«Раз, два, три! Раз, два, три!» — И люди встают, приседают, взмахивают рукой, встают...

— Да ведь они косят траву! — изумленно восклицает, приглядевшись к ним, Василов. — И чем же! Простым, примитивным серпом, этой кривулькой полумесяца, да еще при вашей высокой технике!

Между тем ряды приседающих и встающих внезапно прекратили движение. Музыка оборвалась. Голос диктора произнес:

«Девятая смена, на работу! Автобусы поданы. Десятая смена, на зарядку!»

Снова музыка, снова ровные «раз, два, три» из эфира. Только первая группа людей уже скрылась за поворотом поляны, где голубели корпуса нескольких длинных автобусов, а новая веселая толпа физкультурников заняла их место.

— Пройдемся, зарядимся с ними! — предложил Ребров.

Он указал Артуру, где взять серп, стал рядом с ним перед зеленой стеной травы, и вот они вместе с другими идут и снимают ее сильными взмахами острого серпа.

Через пять минут, вспотевшие, порозовевшие, с приятным чувством израсходованной мускульной силы, но прибывшей нервной энергии, оба они снова катили вперед, и Ребров говорил Артуру:

— Это имеет некоторую связь с тем, что вы увидите в моей лаборатории, вот почему я остановился. Наши врачи-физкультурники заметили, что движения, разработанные впустую, с подражанием рабочим движениям, но сами по себе не рабочие, дают меньше мускульного эффекта, чем ритмическое, рассчитанное по минутам выполнение настоящей работы, но не доводимое до первой точки утомления. Больше того: физкультурные движения оказались даже менее эффективными, нежели простые танцы на танцевальных площадках. Тогда врачи попробовали сочетать зарядку с практически производимой работой, под музыку, с паузой, под наблюдением мастеров спорта. Здесь жнут серпом, там полют, а еще дальше идут косы, лопаты, копка картошки — ведь у нас здесь пригородное хозяйство столицы. И представьте, пятиминутная рабочая зарядка оказалась полезней двухчасовых занятий спортом. При налаженном быстром транспорте это дает возможность каждому служащему подышать утренним воздухом полей и леса...

— Но почему это имеет связь с вашей лабораторией? — с интересом спросил Морлендер.

Они подъехали к высокой и узкой башне, окруженной несколькими рядами проволоки, и уже поднимались по ее пологим ступенькам.

— А вот почему, — ответил Ребров, входя в свой маленький, уютный кабинет и вешая на вешалку шляпу. — Присядьте, все объясню.

Помолчав, он поставил перед мнимым Василовым

странный прибор, состоявший из металлических сплетений, планок с отверстиями и крохотного магнита:

— Прежде чем показать вам один опыт, расскажу о тех мыслях, которые нас привели к нему. Лучшие наши ученые вот уж год, как поставили задачу связать науку с практикой, но не только в обычном смысле, в каком это вообще говорится. Мы хотим связать в сознании людей главные, важнейшие теоретические завоевания науки, открытые ею законы — с обычными житейскими делами. Возьмите закон тяготения, он имеет тысячи разветвлений в науке, но ведь волейболист, бросая мяч, о нем не задумывается; альпинист, пробираясь на кошках по страшной горной тропе, его не вспоминает; кухарка, готовя кашу или кофе, о нем не подозревает. Или известное положение в физике: «каждое действие равно противодействию», — кто думает о нем на каждом шагу своей практической деятельности? Мы вступили в век взрывов. Главным орудием уничтожения становится взрыв. Что делают люди? Изобретают ответные взрывы. А что они делают после войны? Ликвидируют оставшиеся очаги взрывов, разные мины и бомбы путем их нахождения и взрывов же. Взорвут с принятием мер — и уничтожают опасность случайного взрыва, влекущего жертвы. Мы, советские люди, окружены врагами, и, если б мы тратили наше время на то, чтоб обороняться от покушений орудиями и методами покушений, у нас не хватило бы ни сил, ни средств на великие задачи созидания...

Ребров помолчал, включил странный прибор и вставил в одно из его отверстий маленькую ампулу.

— Взгляните, эта вот игрушечка — настоящая бомба определенной взрывной силы. Я вставляю ее в ложе нашего прибора, именуемого «саморазрядитель». Ничего как будто не происходит с ней: ни шума, ни треска, ни искорки не зажглось. Но за эти несколько секунд она сама разрядилась. Почему? Потому что зарядка и разряд-

ка — два эпизода одного и того же процесса, подчиненные течению времени плюс влияние определенных внешних условий. Мы не доводим бомбу врага до взрыва, мы не хотим обезвреживать мины с помощью взрыва — мы, наоборот, ставим бомбу в такие условия, при которых элементы, ведущие к взрыву, сами собой стойко возвращаются в прежнее, нейтральное состояние, обретая его от третьего агента. Третий агент — это наш секрет. Если взрыв вызывается от толчка, трения, огня, соприкосновения химических элементов и слияния их, мы уничтожаем при помощи третьего агента специфику всех этих действий. Если взрыв вызывается распадом элементов, наш «третий агент» попросту не дает осуществиться распаду, связывает элементы. Нам помогают в этом деле те самые общие законы и положения науки, которыми до сих пор человечество еще не научилось пользоваться сознательно, обращая их себе на пользу на каждом шагу.

— Значит, ваш прибор — это модель...

— Да, это модель гигантских установок, готовых к действию тотчас, как только нашей Родине станет грозить нападение. Об одной из них вы уже знаете — это наша Аэро-электроцентраль.

— Вы только обезвреживаете удар, который вам собираются нанести, — ничего больше?

— Да, мы пока только обезвреживаем возможные удары, сохраняя большие запасы энергии, обрекавшейся на рассеяние... Но наши ученые думают и дальше. В соседней комнате этой башни, — Ребров привстал и слегка коснулся каменной стены, — мой товарищ серьезно разрабатывает маленький практический вывод из положения «всякое действие равно противодействию». Но об этом мы пока еще не говорим никому.

Несколько минут Морлендер сидел молча.

— Мой отец... — невольно пробормотал он.

— Ваш отец?

— Да, мой отец, изобретатель Морлендер...

И, только сказав это, он побледнел, вскочил с места. Так же побледнел и встал с места Ребров.

Забывшись, Артур проговорился. Он не жалел об этом. Он стоял опустив голову, бледный как смерть, не отпираясь от сказанного и ничего не объясняя.

Ребров подождал некоторое время, потом надавил кнопку. Два красногвардейца выросли на пороге. Они подошли к Морлендеру и крепко взяли его один — за правый, другой — за левый локоть.

Глава тридцать седьмая

В Америке Артур Морлендер немало наслышался о страшной Чека большевиков. Газеты печатали сенсационные признания белоэмигрантов о том, как их пытали неслыханными орудиями, неизвестными даже средневековью. Какой-то беглый помещик из номера в номер помещал в «Чикаго-Сандэй» целый роман, под названием «Тайна Чека» и признавался своим друзьям по выпивке, что ежели б не голубушка Чека — благослови ее, господи! — жрать ему было бы абсолютно нечего. И вот сейчас Артур сидел в этой самой Чека, в комфортабельном кресле, перед столом, на котором стояли стакан чая и тарелочка с двумя бутербродами с ветчиной, придвинутые к нему красивым смуглым следователем в военной форме, с дюжиной орденов на груди.

— Итак, вы сын знаменитого изобретателя Морленде-

ра, — задумчиво говорил он, постукивая перед собой кончиком карандаша. — Почему же вы не приехали к нам под своим именем? Вам оказали бы широкое гостеприимство. Для чего понадобился этот маскарад? И где настоящий Василов? Отвечайте, пожалуйста, по порядку вопросов.

— Я сын знаменитого изобретателя, Артур Морлендер, — с тяжелым вздохом ответил арестованный. — Мой отец был убит в России большевиками — так мне сказал глава треста, у которого служил отец, миллиардер Джек Кресслинг, и его друзья устроили этот маскарад, снабдили меня деньгами, оружием, ядом, бомбами и отправили под именем Василова к вам. Где настоящий Василов, не знаю. Со мной приехала женщина, выдающая себя за жену Василова. Кто она такая, тоже не знаю. Вот всё. Нет, не всё, впрочем. Увидев вашу страну и ваших людей, я в первый же день усомнился в том, что отца моего убили вы, и желание отомстить угасло во мне.

— Вы правы: Морлендер выехал отсюда живым и здоровым.

Следователь позвонил, вошел молоденький красноармеец.

— Сидоров, копию с судовой книги «Торпеды»!

Когда копия была принесена, следователь перелистал ее и отогнул страницу:

— Читайте, вот запись: «Заказана каюта в Нью-Йорк шестого июля...» Но что это? — следователь вдруг покраснел и прочитал следующую строку: — «...осталась незанятой». — Он снова, сильней, чем раньше, нажал кнопку. — Сидоров, узнать немедленно, где, когда, каким способом инженер Иеремия Морлендер, гостивший у нас в Союзе около месяца, покинул нашу страну!

Пока Сидоров, бесшумно удалившись, исполнял приказание, следователь участливо глядел на Артура:

— Признаться, мы вашему газетному шуму вокруг это-

го мнимого убийства не придали никакого значения — ведь чего только не пишут у вас! И откуда берется! Но неужели же вам самому не показалось странным все это дело? Скажите, а как наследие вашего отца, его знаменитое изобретение, о котором ходят слухи в обоих полушариях, — новый вид какой-то энергии? Вы сами его разрабатываете?

Артур уже начал привыкать к манере следователя задавать не один, а целый цикл вопросов. Он понял, что группой сразу поставленных нескольких вопросов следователь помогает ему увидеть связь между разными вещами, ускользавшую от него раньше. И, держа в уме эту связь, он ответил:

— Изобретение моего отца было завещано не мне — отец составил в России новое завещание По этому новому завещанию изобретение должно быть обращено на борьбу против коммунистов. Да, теперь мне все это кажется странным. Я был единственным сыном. Отец почему-то лишил меня всякого состояния — все досталось его новой жене, о существовании которой я даже не подозревал.

— А кто эта новая жена?

— Бывший секретарь Джека Кресслинга.

Отвечая, Артур Морлендер сам видел, как замыкается круг его ответов и как все они стягиваются к одному человеку. Слушая его, следователь понимающе кивал головой. Он успел в эти минуты соединиться с кем-то по телефону, слушал его и подавал в трубку короткие реплики, а сам продолжал глядеть на Морлендера и, когда положил трубку, всем корпусом повернулся к нему:

— Нечего и Сидорова дожидаться. Я говорил сейчас с человеком, которому было поручено сопровождать по нашей стране вашего отца и проводить его при отъезде. Человек этот сообщил любопытные вещи. Он сейчас будет здесь.

Все это время Ребров сидел у окна и курил свою трубку. Он не вставил в разговор ни единого слова. Но, когда

следователь замолчал, а Морлендер, опустив голову на грудь, мысленно воскрешал в памяти все, что произошло с ним в Нью-Йорке, Ребров негромко сказал:

— Инженер Иеремия Морлендер был и у нас на показательном участке. Он вел себя дружелюбно. Что-то не похоже, чтоб он завещал свое новое открытие, о котором сам же рассказывал нам, на борьбу с коммунизмом.

Не успел он окончить, как дверь тихонько отворилась и на пороге ее показался «человек», о котором говорил следователь. Человек этот — стройная и строгая барышня в кудерьках и золотом пенсне на орлином носике, в замшевых шведских туфельках, финском джемпере и парижской блузке — вопросительно обвел всех глазами.

— Вот, рекомендую, — широко улыбнулся следователь: — известная переводчица, работник Комиссариата иностранных дел. Лицо доверенное, можно полагаться на каждое ее слово. Садитесь, товарищ Сережкина. Повторите присутствующим, что вы мне сейчас сообщили.

Товарищ Сережкина вынула из итальянской сумочки с видом Везувия хорошенькую эстонскую записную книжку, раскрыла ее и, не глядя в нее, отчеканила:

— Мистер Иеремия Морлендер посетил четыре наши республики, восемь областных центров, Москву, Петроград, двенадцать заводов, имел беседы и встречи с академиками, профессорами, рабочими, проектировщиками, провел три дня на Центральной Аэро-электростанции, был принят вождями нашего правительства, выступил перед микрофоном со словами благодарности и большого удовлетворения, высказался за более тесное общение между нашей и зарубежной наукой. По его просьбе ему был заказан билет на пароход «Торпеда», отправлявшийся в Нью-Йорк шестого июля. Но мистер Иеремия на этом пароходе не отбыл.

— Не отбыл! — шепнул Артур. — Почему?

— По той причине, что четвертого утром на петроград-

ском аэродроме приземлился частный американский самолет личного пользования капиталиста Джека Кресслинга. Сведения получены от американского пилота, разыскавшего мистера Иеремию в тот же день и предложившего ему по какой-то неотложной причине лететь немедленно обратно. Я лично проводила в шесть часов утра мистера Морлендера и была свидетельницей его отлета. Деньги за каюту на «Торпеде» мистер Иеремия востребовать не успел.

— На «Торпеде» прибыл его гроб, — глухо проговорил Артур. — Какое черное дело прячется за всем этим?

— Разберемся! — коротко и дружелюбно сказал следователь. — Товарищ Сережкина, вы можете идти. А теперь попрошу вас сообщить, чего, собственно, хотели от вас организаторы вашего переодеванья, по всей вероятности убившие несчастного Василова? Будьте очень точны в ответах. На сей раз я их буду записывать.

Артур Морлендер провел рукой по карманам и последовательно извлек и разложил на столе все, что получил от банды Кресслинга.

Одно за другим следователь брал в руки «вещественные доказательства». Он поднял ампулу к свету и внимательно посмотрел на ее содержимое, пересчитал голубые шарики в коробке, покачал на ладони заряженный автомат новейшей конструкции. Пальцем провел, как по колоде карт, по толстой пачке новеньких советских денег. Потом отодвинул все это в сторону, произнес «тэк-с» и снова взял из кучки ампулу:

— Это вам, Ребров, в вашу лабораторию... Ну-с, я вас слушаю, Морлендер!

— Кроме всяких диверсий, отданных на мое усмотрение, я должен от группы американцев поднести подарок — взрывчатую машину, которую мне пришлют из Америки. Ни срока действия, ни характера этой адской машины я пока не знаю.

Следователь записал последние слова, окунул перо в чернильницу, пододвинул написанное Артуру и передал ему перо для подписи.

Морлендер прочел и подписался. Он почувствовал себя бесконечно уставшим. Он сидел и ждал, чтоб его отправили в тюрьму. Но Ребров вдруг встал, как ни в чем не бывало подошел к нему, взял его под руку и потянул за собой к двери.

Следователь крикнул вслед Артуру:

— Не забудьте продолжать играть свою роль! И не бойтесь ничего — мы примем свои меры. Ни в коем случае больше не сноситесь с нами, иначе они могут заподозрить и погубить вас, прежде чем мы сумеем в это дело вмешаться. До свиданья! Всего наилучшего!

К великому изумлению Морлендера, он понял, что ему верят, что он свободен и, главное, — что отныне он не один на свете.

Глава тридцать восьмая

Прошло несколько дней, насыщенных для Артура Морлендера трудом, познанием и дружбой. Он узнал от Реброва подробности посещения лаборатории его отцом; услышал точно воспроизведенные по его просьбе слова и речи старика Морлендера; понял, что должно было произойти в отце, какая большая ломка взглядов. И все ясней ему становилась преступная роль Кресслинга и его банды. Где-то в Нью-Йорке они убили отца, чтобы завла-

деть изобретением; где-то в океане подвезли и погрузили гроб на «Торпеду».

Артур побывал в порту, узнал день и час следующего прибытия «Торпеды» и решил поговорить с капитаном. Все эти мысли и дела поглощали время Артура, остававшееся у него после работы. И все же, когда он возвращался в свою комнату, пустота ее сжимала ему сердце. Как не походили его нынешние возвращения на первое! Комната была темна, неуютна; узел с постелью Кати Ивановны убран, кровать ее застлана чистым холодным бельем; аромат ее нежных духов испарился; никто не подогревал ему вечером чай, не ставил у кровати ночных туфель, не ждал его, не ненавидел его... Ненависть! Кто бы ни подослал к нему Кэт, ее ненависть — острая, страстная, сверкнувшая в глубине ее глаз, — была вызвана чем-то личным. Откуда она? Кто и что было за этой женщиной?

Против воли он думал о ней все чаще и чаще. Не та, первая и последняя, ночь вставала перед его воображением, а невольный дружеский обмен взглядами, когда оба они приехали с парохода в общежитие и первые русские впечатления захватили их обоих. Это был взгляд понимания, сочувствия, разделенной мысли, взгляд, за которым могло последовать объяснение. Так не мог глядеть ни один человек из банды Кресслинга. Почему, почему он не объяснился с ней! И где она сейчас, что с ней сделалось? Артур так сильно изменился за эти дни, что был уверен в перемене, происшедшей с нею.

Но время шло, а Кэт не возвращалась. В углу, за ширмой, стоял ее чемодан. Артур не дотронулся до него. Он ждал, что за ним придут или пришлют.

Между тем наступило утро, когда «Торпеда» снова должна была войти в Кронштадтский порт. Предупредив еще с вечера Реброва, Артур Морлендер, едва рассвело, отправился ее встречать.

...Где же была все эти дни Вивиан Ортон? В то страшное утро, выбежав из дома на Мойка-стрит, она знала только одно: лишь бы найти Сорроу. Адрес и тщательно нарисованный его рукою план хранились у нее в кармане. Но не так-то легко разобраться в планах чужого, большого города! Разгладив смятую бумажку, Вивиан нерешительно пошла по улицам, отсчитывая каждый поворот и заворачивая за угол там, где, как ей казалось, надо завернуть. Но улицы шли и шли, повороты множились и множились, а той, чье название стояло на бумаге, все не было и не было. Спросить она боялась. Люди по улицам спешили, им было некогда. Девушку мучила жажда. Она стала искать глазами колонку, кран, киоск с водами, заглянула в один, в другой пролет улицы и вдруг с ужасом поняла, что заблудилась. Часть города, куда она попала, была мрачна и убога. Темные, ободранные домишки, казарменного типа постройки с грязными подворотнями, откуда несло мертвенным холодом и кошачьим запахом, трубы, трубы на крышах, трубы из форточек, несшие прямо на улицу черную копоть и дым, разбитые стекла окон, заклеенные бумагой...

С чем-то похожим на отчаянье Вивиан зашла в черную нору одной из подворотен и остановилась, не зная, как быть дальше. И вдруг она услышала английскую речь. Кто-то с кем-то здоровался на ее родном языке! Охваченная радостью, не раздумывая долго, Вивиан кинулась к говорившему.

— Умоляю вас, помогите мне: я заблудилась! — торопливо проговорила она, обращаясь к темным фигурам в подворотне. — Мне нужна Гавань, пятая Краснофлотская...

И тут только разглядела, к кому обратилась. Двое нищих в невероятных отрепьях стояли перед ней, прижавшись к стене: старуха с клюкой и старик с двумя бельмами на глазах.

— Гавань, пятая Краснофлотская? — скрипучим голосом повторил старик, уставив на нее свои страшные бельма. — Да это совсем близко, душечка! Идемте, идемте, мы вам покажем...

С этими словами он цепко ухватил ее за правую руку, а старуха, перебросив клюку под мышку, быстро взяла за левую.

Вивиан сделала невольное движение, чтобы освободиться от этих цепких, нечистых рук, но ее прижали с обеих сторон. Она попыталась закричать. Костлявая рука зажала ей рот.

Медленно, шаг за шагом, нищие втаскивали ее все глубже в подворотню, пока не очутились в грязном каменном дворике, скудно освещенном квадратиком неба, между высокими, мрачными корпусами домов.

— Упомяни о черте... — игриво заговорил старик, на этот раз по-французски.

— ...а он уж тут как тут, — закончила пословицу старуха.

Она покосилась на Вивиан, но девушка, охваченная страхом, ничего как будто не понимала.

Они спускались теперь по мокрым ступенькам куда-то вниз, в грязное подвальное помещение. Подняв клюку, старуха постучала в дверь. Тотчас же заскрипел засов, зазвенела дверная цепочка, медленно повернулся ключ в замке...

Худое подрисованное лицо выглянуло из полумрака:

— Это вы, княгиня?

— Скорей, скорей, впустите нас! Хорошенько заприте дверь за нами, — глухо проговорил старик, подталкивая вперед Вивиан. — Нам повезло — птичка сама влетела в окошко!

Он разжал свои пальцы, как клешни державшие руку девушки. Она метнулась было назад, к двери, но страшный удар отбросил ее в комнату. Странная это была ком-

ната: маленькая, тесная, увешанная блеклыми серо-голубыми коврами, уставленная какой-то позолоченной и вылинялой мебелью, вазами, часами, заваленная мешками и мешочками с мукой и крупой, пропахшая прелым луком, пылью, мышиным пометом.

«Где я? Куда я попала?» — с ужасом думала Вивиан, незаметно озираясь по сторонам.

А старик злорадно продолжал по-французски, обращаясь на этот раз к впустившему их существу неопределенного пола, облаченному в какой-то халат:

— Оболонкин будет доволен. В последней инструкции он советовал изолировать эту красотку. Видимо, ставка на Морлендера проваливается — он что-то уж очень быстро сошелся с красными.

— Неосторожно было тащить ее сюда, камергер! На явку, где собираются наши кадры! — ворчливо пробормотал хозяин комнаты.

«Кадры, явка, княгиня, камергер...» В мозгу Вивиан шла лихорадочная работа. Имя «Оболонкин», произнесенное стариком нищим, было ей знакомо: в Нью-Йорке, в салоне у Вестингауза, она встречала хитрого, пронырливого старикашку — князя Феофана Оболонкина. Банкир говорил ей, что это знаменитый эмигрант из России, состоящий на высокой службе у ближайшего претендента на русский престол. Значит, здесь, в Петрограде, осиное гнездо этих людей: «кадры», «явка»... А Морлендер — «Тони» ее страшной комедии — отказался служить капиталистам, перешел на сторону большевиков...

Между тем старик достал из шкафчика моток толстых веревок и кучу тряпок. Не успела Вивиан опомниться, как ее снова схватили, железные пальцы впились в обе щеки, разжимая челюсти, и грязный, пахнущий мышами кляп был втиснут ей глубоко в рот. Пока старик связывал бившуюся девушку веревками, старуха злорадно приговаривала:

— Скоро, скоро конец этой эпохе затмения! Конец варварству! Вернется возлюбленный монарх!

— И наш патриотизм, княгиня, забыт не будет! — ответил ей в тон старик с бельмами.

Глава тридцать девятая

КОШКА МИССИС ДРУК

Что-нибудь одно: или горюй, или исполняй свои обязанности. Но, когда ты горюешь, исполняя свои обязанности, или исполняешь свои обязанности горюя, ты уподобляешься в лучшем случае соляному промыслу, потребляющему собственную продукцию без всякой экономии.

Этот вывод сделала кошка миссис Друк в ту минуту, когда шерстка ее стала походить на кристаллы квасцов, а молоко, которое она лакала, — на огуречный рассол.

Миссис Друк днем и ночью орошала слезами предметы своего обихода.

— Молли, — твердила она, прижимая к себе кошку, — право же, это был замечательный мальчик, мой Боб, когда он еще не родился? Бывало, сижу себе у окна, а он стучит кулачком, как дятел. «Септимий, — говорю я, — наш мальчик опять зашевелился». — «Почем ты знаешь, что это мальчик?» — отвечает он. А я... ох, ох, Молли, ох, не-не-счастная моя жизнь!.. Я отвечаю: «Вот увидишь, — говорю, — Септимий, что это будет самый что ни на есть ма-аль... ма-аль-чик!..»

На этом месте волнение миссис Друк достигало такой точки, что слезы ее величиной с горошину начинали пря-

мо-таки барабанить по спине Молли, причиняя ей мучительное хвостокружение.

— Молли, поди сюда! — звала кошку миссис Друк через несколько минут, наливая ей молоко. — Кушай, кушай, и за себя и за нашего голубчика... Как он, бывало, любил молочко! «Выпей», — говорю я ему, а он... ох, мочи моей нет, ох, уж хоть бы померла я!.. он отвеча-ает, бывало: «Нне... нне... приставайте, мамаша!»

Рыдания миссис Друк длились до тех пор, покуда блюдце в дрожащих ее руках не переполнялось свыше всякой меры. Молли тряслась всем телом, опуская в него язык, свернутый трубочкой. Но после двух-трех глотков она неистово фыркала, ощетинивалась и стрелой летела на кухню, прямо к лоханке, в надежде освежиться пресной водой. Увы! В мире, окружавшем миссис Друк, пресной воды не было. Влага, подвластная ее наблюдениям, оседала в желудке сталагмитами и сталактитами. Если б Молли знала библию, она могла бы сравнить свою хозяйку с женой Лота, превратившейся в соляной столб, заглядевшись на свое прошлое.

Но Молли не знала библии и в одно прекрасное утро прыгнула в окно, оттуда на водосточную трубу, с трубы — в чей-то цветочный горшок, с цветочного горшка — кубарем по каменным выступам вниз, вниз, еще вниз, пока не вцепилась со всего размаху в пышную дамскую прическу из белокурых локонов, утыканных гребешками, шпильками и незабудками.

— Ай! — крикнула обладательница прически. — Погибаю! Спасите! Летучая мышь!

— Совсем наоборот: летучая кошка, — флегматично ответил ее спутник, заложив руки в карманы.

— Натаниэль, спаси, умираю! — вопила урожденная мисс Смоулль, ибо это была она. — Мышь ли, кошка ли, она вгрызлась в мои внутренности! Она меня высосет!

По-видимому, между супругами Эпидерм уже не суще-

ствовало гармонии душ. Во всяком случае, угроза высосать внутренности миссис Эпидерм была встречена ее мужем с полной покорностью судьбе.

— Изверг! — взвизгнула урожденная мисс Смоулль, швыряя зонтиком в мужа. — Умру, не сделав нового завещания, умру, умру, умру! Все перейдет, по-старому, тетушке жены моего покойного братца!

На этот раз Натаниэль Эпидерм вздрогнул. Очам его представилась тетушка жены братца мисс Смоулль в качестве претендентки на наследство его собственной жены. Он схватил оцепенелую кошку за шиворот, рванул ее; что-то хряснуло, как автомобильная шина, и колесом полетело на дорогу.

Оглушительный хохот вырвался у прохожих, лавочника, газетчика и чистильщика сапог. Мистер Эпидерм взглянул и обмер. Перед ним стояла его жена, лысая больше, чем Бисмарк, лысая, как площадка для скетинг-ринка, как бильярдный шар.

— Вы надули меня! — заревел он. — Плешивая интриганка, вы за это поплатитесь! Адвоката! Иск!

Между тем внимание прохожих было отвлечено от них другим необычайным явлением: несчастная Молли, запутавшаяся в локонах и незабудках мисс Смоулль, обезумела окончательно и покатилась вперед колесом, нацепляя на себя по пути бумажки, тряпки, солому, лошадиный помет и папиросные окурки.

— Га-га-га! — заревели уличные мальчишки, летя вслед за ней.

— Что это такое? — спросил булочник, выглянув из окна и с ужасом уставившись на пролетающее колесо.

Но в ту же секунду оно подпрыгнуло, укусило его в нос и, перекувырнувшись в воздухе, полетело дальше.

— Держи! Лови! Саламандра! — И булочник со скалкой в руке, выпрыгнув из окна, понесся вслед за колесом, неистово осыпая мукой мостовую и воздух.

Напрасно полисмен, воздев оба флага, останавливал безумную процессию. Она неслась и неслась из переулка в переулок, пока он не вызвал свистком целый наряд полиции и не понесся вслед за нею.

Толпы народа запрудили все тротуары. Староста церкви Сорока мучеников разрешил желающим за небольшое вспомоществование приходу усесться на балюстрадах церкви. Окна и крыши были усеяны любопытными. Учреждения принуждены были объявить перерыв.

— Я вам объясню, что это, — говорил клерк трем барышням. — Это биржевой ажиотаж, честное слово.

— Откуда вы взяли? — возмутился сосед. — Ничего подобного! Спросите булочника. Он говорит, что это реклама страхового общества «Саламандра».

— Неправда! Неправда! — кричали мальчишки. — Это игрушечный дирижабль!

А колесо катилось и катилось. С морды Молли капала пена, желтые глаза сверкали в полном безумии, спина стояла хребтом. Метнувшись туда и сюда и всюду натыкаясь на заставы из улюлюкающих мальчишек, Молли понеслась в единственный свободный переулок, ведущий к скверу, и волчком взлетела на дерево — как раз туда, где между ветвями чернело воронье гнездо.

Карр! — каркнула ворона, растопырившись на яйцах.

Но Молли некуда было отступать. Фыркая и дрожа, в локонах, незабудках, бумажках и навозе, она двинулась на ворону, испуская пронзительный боевой клич. Та взъерошилась в свою очередь, подняла крылья, раскрыла клюв и кинулась прямо на Молли.

Пока этот кровавый поединок происходил высоко на дереве, внизу, в сквере, разыгрались другие события.

В погоне за саламандрой наметились две партии: одна мчалась на сквер со стороны церкви, возглавляемая булочником, церковным сторожем и депутатом Пируэтом, зате-

савшимся сюда случайно, вместе со своим секретарем, портфелем и бульдогом. Другая, летевшая с противоположной стороны и состоявшая из газетчиков, чистильщиков сапог и мальчишек, вынесла на первое место толстого, красного человека в гимнастерке, с соломенной шляпой на голове.

Стремительные партии наскочили друг на друга, смешались в кучу, и церковный сторож вместе с депутатом Пируэтом получили от красного человека по огромной шишке на лбы.

— Сэр! — в негодовании воскликнул депутат. — Я неприкосновенен! Как вы смеете!

— Плевать! Не суйтесь! — заорал красный человек.

— Так его! Жарь, бей! — поддерживали со всех сторон разгорячившиеся янки. — Лупи его чем попало!

— Полисмен! — кричал депутат. — Буйство! Пропаганда! Тут оскорбляют парламент и церковь!

— Так и есть, — мрачно вступился булочник. — Это большевики, ребята! До чего они хитры, собаки! Выпустили саламандру, чтобы агитировать за торговое соглашение! А нашему зерну пробьет смертный час, провалиться мне на этом месте!

— Истинно, истинно! — поддержал его церковный сторож, прикладывая к шишке медную монету. — Голосуйте против, пока эта самая саламандра не сгинет!

— Эка беда! — орал красный человек. — Торговое соглашение! Что тут плохого — поторговать с Советской Россией? Я сам торговый человек. Выходи, кто против соглашения! Раз, два!..

Депутат Пируэт оглянулся по сторонам. Его партия следила за ним горящими глазами. Он понял, что может потерять популярность, оттолкнул бульдога и секретаря, бросил портфель, скинул пиджак, засучил рукава и с криком «Долой соглашение!» ринулся врукопашную.

Спустя полчаса наряд полиции уводил в разные сторо-

ны борцов «за» и «против» соглашения, а карета скорой помощи нагружалась джентльменами, получившими принципиальные увечья. Толстяк вышел победителем, а депутат потерял бульдога, портфель и популярность.

Не менее трагически закончился поединок несчастной Молли с вороной. Прокаркав над разоренным гнездом и раздавленными яйцами, практическая ворона ухватила конверт с письмом Друка и, подобно жителю Востока, уносящему на своих плечах крышу дома, отправилась с этим ценным предметом в далекую эмиграцию.

Что касается Молли, то она лежит на земле с проклеванными глазами и сломанным хребтом Мир ее праху! Она пожертвовала своей жизнью для развития нашего романа.

Глава сороковая

Тоби только что вычистил первый сапог и собирался малость вздремнуть, прежде чем приступить ко второму, как вдруг в дверь кухни кто-то тихо постучал. Он вооружился метлой для изгнания попрошайки и приотворил дверь как раз настолько, чтобы просунуть туда свое оружие, но в ту же секунду метла вывалилась у него из рук, а рот открылся на манер птичьего клюва. Дело в том, что за дверями стоял не попрошайка, а некто.

Спереди этот некто ужасно походил на мисс Смоулль. Это были глаза мисс Смоулль, нос мисс Смоулль, рот мисс Смоулль и кружевная мантилья мисс Смоулль. Но сверху некто напоминал круглый аптекарский шар, налитый ма-

линовыми кислотами. И держал себя некто совсем не как мисс Смоулль: он не ругался, не плевался, не подбоченивался, не напирал ни коленом, ни животом, а сказал нежным голосом:

— Впусти-ка меня, голубчик Тоби!

Мулат попятился, испугавшись до смерти. Некто вошел, снял мантильку, повесил ее на крючок и проговорил еще более трогательным голосом:

— Достань из печки золы, Тоби, дружочек мой!

Тоби достал полный совок золы, трясясь от ужаса.

— А теперь подними-ка его, миленький, и сыпь золу мне на голову!

Но тут совок выпал из дрожащих рук Тоби, и он, судорожно всхлипывая, помчался наверх по лестнице, залез в чулан и спрятал голову между колен.

Дух мисс Смоулль между тем не обнаружил ни раздражения, ни досады. Он терпеливо нагнулся над печкой, собрал пригоршню пепла и вымазал им себе голову — не так чтоб уж очень, а в самую пору, чтоб указать на символический характер этой операции.

Потом мисс Смоулль смиренно двинулась в кабинет доктора, смиренно остановилась на его пороге и сложила руки на животе.

Лепсиус поднял глаза от медицинской книги о позвоночниках и грозно нахмурился:

— Мисс Смоулль, что это значит? Если не ошибаюсь, я вижу вас без парика и с перепачканным сажей черепом. Какого черта означает подобная демонстрация?

— Не демонстрация, сэр, нет! Не подозревайте этого ради моей бессмертной души! Раскаяние, сэр, раскаяние, глубочайшее, чистосердечное, фатальное!

— Не плетите вздора. В чем дело?

— Сэр, я раскаиваюсь в том, что не придавала значения вашим отеческим советам. Я имела безумие смеяться над ними. Судьба жестоко покарала меня, сэр! Вы были

правы, трижды правы. Моя невинность поругана, чувства мои растоптаны, идеалы ниспровергнуты. На цветущей долине, сэр, дымятся обломки!

— Что это за диктанты? — взбесился Лепсиус, бросая книгу на пол. — Если вы собрались шантажировать меня с этим вашим Натаниэлем Эпидермом...

— Натаниэля Эпидерма больше нет, сэр! — кротко ответила мисс Смоулль. — Забудьте его. Отныне, сэр, я предана вашему хозяйству душой и телом.

Неизвестно, какая трогательная сцена была еще в запасе у мисс Смоулль, но, на счастье доктора Лепсиуса, раздался пронзительный звонок, и Тоби влетел в комнату, все еще белый от ужаса.

— Вас спрашивает какой-то красный джентльмен, сэр, — пробормотал он, переводя дух, — и с него так и каплет!

Доктор Лепсиус молча поглядел на свою экономку и служителя, подвел им в уме весьма неутешительный итог и направился к себе в кабинет.

Мулат оказался прав. В докторской приемной стоял толстый красный человек в гимнастерке, и с лица его стекала кровь.

— Рад познакомиться, — сказал он, энергично пожимая руку доктору. — Фруктовщик Бэр с Линкольн-Плас... Небольшое мордобитие на политической подкладке... Я ехал мимо и вдруг заметил вашу дощечку. И вот я здесь, перед вами, с полной картиной болезни на лице, если можно так выразиться!

Спустя минуту он уже сидел в кресле, обмытый и забинтованный искусными руками доктора Лепсиуса. Доктор внимательно изучил его со всех сторон, оглядел его огромные пальцы с железными ногтями, здоровенные ребра и задал вопрос, неожиданный для толстяка:

— Вы рентгенизировались у Бентровато, мистер Бэр?

— Верно. Откуда вы это знаете?

— Как не знать! Это было в тот день, когда с вами вместе рентгенизировали... как его?.. Ах, черт побери, небольшой человек, похожий на пьяницу и с подагрическими руками... Да ну же!

— Профессор Хизертон! — перебил его фруктовщик довольным тоном. — Как же, как же! Важная птица. Из-за него меня даже не пускали в приемную, как будто можно не пустить фруктовщика Бэра с Линкольн-Плас! Я, разумеется, вошел и не очень-то понравился этому человеку. Да и, признаюсь вам, он был прав, что прятался от соседей. Будь я на его месте, я бы выбрал себе пещеру и сидел в ней наподобие крота целые сутки.

— Как вы странно говорите о профессоре Хизертоне! — возразил Лепсиус. Он был с виду спокоен, но три ступеньки, ведущие ему под нос, дрожали, как у ищейки. — Для чего бы ему прятаться?

— Ну, уж об этом пусть вам докладывает кто хочет. Я держу язык за зубами. Спросите на Линкольн-Плас о фруктовщике Бэре, и вам всякий скажет, что он умеет хранить секреты. Не из таковских, чтобы звонить в колокола!

— Похвальное качество, — кисло заметил Лепсиус, складывая в хрустальную чашу со спиртом свои хирургические орудия, — ценное качество во всяком ремесле... Вы, кажется, торгуете фруктами, мистер Бэр?

— «Кажется»! — воскликнул толстяк. — Да вы бы лучше сказали о Шекспире, что он, кажется, писал драмы! Весь Нью-Йорк знает фрукты Бэра! Вся 5-я авеню кушает фрукты Бэра. Моим именем названа самая толстая груша, а вы говорите «кажется»... Если у вас когда-нибудь таяло во рту, так это от моих груш, сэр.

— Не спорю, не спорю, мистер Бэр, я человек науки и держусь в стороне от всякой моды. Но признайтесь, что вы все-таки преувеличили качество своего товара.

Эти слова, произнесенные самым ласковым голосом, не на шутку взбесили толстяка.

Он сжал кулаки и встал с места:

— Вот что, сэр, едемте ко мне! Я вас заставлю взять свои слова обратно. Вы отведаете по порядку все мои сорта, или же...

— Или же?

— Вы их проглотите!

С этими словами Бэр подбоченился и принял самую вызывающую позу.

Доктор Лепсиус миролюбиво ударил его по плечу:

— Я не отказываюсь, добрейший мистер Бэр! Но чтоб угощение не было, так сказать, односторонним, разрешите мне прихватить с собой в автомобиле плетеную корзиночку...

Он подмигнул фруктовщику, и фруктовщик подмигнул ему ответно.

Был вызван Тоби, которому было тоже подмигнуто, а Тоби, в свою очередь, подмигнул шоферу, укладывая в автомобиль корзину с бутылями. Шофер подмигнул самому себе, взявшись за рычаг, и доктор Лепсиус помчался с фруктовщиком Бэром на Линкольн-Плас, в великолепную фруктовую оранжерею Бэра.

Здесь было все, что только растет на земле, начиная с исландского мха и кончая кокосовым орехом. Бэр приказал поднести доктору на хрустальных тарелочках все образцы своего фруктового царства, а доктор, в свою очередь, велел раскупорить привезенные бутылочки.

Спустя два часа доктор Лепсиус и Бэр перешли на ты.

— Я женю тебя, — говорил Бэр, обнимая Лепсиуса за талию и целуя его в металлические пуговицы. — Ты хороший человек, я женю тебя на гранатовой груше.

— Не надо, — отвечал Лепсиус, вытирая слезы. — Ты любишь профессора Хизертона. Жени лучше Хизертона!

— Кто тебе сказал? К черту Хизертона! Не омрачай настроения, пей! Я женю тебя на ананасной тыкве!

Приятели снова обнялись и поцеловались. Но Лепсиус не мог скрыть слез, ручьем струившихся по его лицу. Тщетно новый друг собственноручно вытирал их ему папиросными бумажками, тщетно уговаривал его не плакать — доктор Лепсиус был безутешен. При виде такого отчаяния фруктовщик Бэр в неистовстве содрал с себя бинт и поклялся покончить самоубийством.

— Н-не буд-ду! — пролепетал доктор, удерживая слезы. — Не буду! Дорогой, старый дружище, обними меня. Скажи, что ты наденешь бинт. Скажи, что проклятый Хизертон... уйдет в пещеру!

— Подходящее место! — мрачно прорычал фруктовщик, прижимая к себе Лепсиуса. — Суди сам, куда еще спрятаться человеку, которр...

Он икнул, опустил голову на стол и закрыл глаза.

— Бэрочка! — теребил его Лепсиус. — Продолжай, умоляю! Который — что?

— У которр... у которрого... туловище... — пробормотал фруктовщик и на этот раз захрапел, как паровой котел.

Опьянение соскочило с доктора Лепсиуса — как не бывало. Он в бешенстве толкнул толстяка, разбил пустую бутылку и выбежал из оранжереи на воздух, сжимая кулаки.

— Ну, погоди же, погоди же, погоди! — бормотал он свирепо. — Я узнаю, почему ты переодевался! Почему ты шлялся ко мне, беспокоясь о судьбе раздавленного моряка! Почему ты рентгенизировался! Почему ты вселил ужас в этого остолопа! Почему ты зовешься профессором Хизертоном! И почему у тебя на руке эти суставы, суставы, суставчики, черт меня побери, если они не отвечают всем собранным мною симптомам!

Глава сорок первая

ТОРГОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ

— Вы слышали, что произошло на бирже?

— Нет, а что?

— Бегите, покупайте червонцы! Джек Кресслинг стоит за соглашение с Россией!

— Кресслинг? Вы спятили! Быть не может!

Но добрый знакомый махнул рукой и помчался распространять панику на всех перекрестках Бродвея.

В кожаной комнате биржи, куда допускались только денежные короли Америки, сидел Джек Кресслинг, устремив серые глаза на кончик своей сигары, и говорил секретарю Конгресса:

— Вы дадите телеграмму об этом по всей линии. Горвардский университет должен составить резолюцию. Общество распространения безобидных знаний — также. От имени негров необходимо организовать демонстрацию. Украсьте некоторые дома, предположим, через каждые десять, траурными флагами.

— Позвольте, сэр, — почтительно перебил секретарь, — я не совсем вас понял: вы говорите о радостной или о печальной демонстрации?

Кресслинг поднял брови и презрительно оглядел его:

— Я провел на бирже торговое соглашение с Советской Россией. Америка должна одеться в траур.

— Ага... — глубокомысленно произнес секретарь, покраснев как рак.

В глубине души он ничего не понимал.

— Но часть интеллигенции — заметьте себе: часть — выразит свое удовлетворение. Она откроет подписку на

поднесение ценного подарка вождям Советской республики. Вы первый подпишетесь на тысячу долларов...

Секретарь Конгресса заерзал в кресле.

— Вздор! — сурово сказал Кресслинг, вынимая из кармана чековую книжку и бросая ее на стол. — Проставьте здесь необходимые цифры, я подписался на каждом чеке. Подарок уже готов. Это часы в футляре красного дерева — символ труда и экономии. Озаботьтесь составлением письма с родственными чувствами, вставьте цитаты из нашего Эммерсона и большевистского профессора Когана. Подарок должен быть послан от имени сочувствующих и поднесен через члена компартии, отправленного в Россию... Довольно, я утомился.

Секретарь выкатился из комнаты весь в поту. Ему нужно было снестись с Вашингтоном. В полном отчаянии он бросился с лестницы, гудевшей, как улей.

Большая зала биржи была набита битком. Черная доска то и дело вытиралась губкой. Цифры росли. Маленький человек с мелом в руке наносил на доску новые и новые кружочки. Белоэмигранты из правых эсеров честно предупредили Джека Кресслинга, что готовят на него террористическое покушение в пять часов три минуты дня у левого подъезда биржи.

Виновник всей это паники докурил сигару, встал и медленно спустился с лестницы. Внизу, в вестибюле, его ждали две борзые собаки и ящик с крокодилами. Он потрепал своих любимцев, взглянул на часы — пять часов — и кивнул головой лакею. Тот поднял брови и кивнул швейцару. Швейцар бросился на улицу и закричал громовым голосом:

— Машина для собак мистера Кресслинга!

К подъезду мягко подкатил лакированный итальянский автомобиль, обитый внутри лиловым шелком. Лакей приподнял за ошейник собак; они уселись на сиденье, и шофер тронул рычаг.

— Машина для крокодилов мистера Кресслинга!

Тотчас же вслед за первым автомобилем к подъезду подкатил другой, в виде щегольской каретки с центральным внутренним отоплением и бананами в кадках. Лакей со швейцаром внесли в него ящик с крокодилами, и автомобиль отбыл вслед за первым.

— Кобыла мистера Кресслинга!

Лучший скакун Америки, знаменитая Эсмеральда, с белым пятном на груди, кусая мундштук и косясь карим глазом, протанцевала к подъезду, вырываясь из рук жокея. Шепот восхищения вырвался у публики. Даже биржевые маклеры забыли на минуту о своих делах. Полисмен, чистильщик сапог, газетчик, продавец папирос обступили подъезд, гогоча от восторга. Раздался треск киноаппарата. Часы над биржей показали ровно пять часов и три минуты.

В углублении между двумя нишами мрачного вида человек в мексиканском сомбреро и длинном черном плаще, перекинутом через плечо, сардонически скривил губы.

— Бутафория! — пробормотал он с ненавистью. — Я не могу жертвовать нашу последнюю бомбу на подобного шарлатана.

И, завернувшись в складки плаща, он тряхнул длинными прядями волос, сунул бомбу обратно в карман и мрачно удалился к остановке омнибуса, где ему пришлось выдержать множество любопытных взглядов, прежде чем он дождался вагона.

А Джек Кресслинг лениво сунул ногу в стремя, оглянулся вокруг в ожидании бомбометателя, пожал плечами, и через секунду его статная фигура покоилась в седле, как отлитая из бронзы, а укрощенная Эсмеральда понеслась по Бродвей-стрит, мягко касаясь асфальта серебряными подковами.

Между тем в нью-йоркскую таможню рабочие привезли великолепно упакованный ящик. Там на него наложи-

ли круглую сургучную печать. Он был адресован в Петроград, товарищу Василову, от целого ряда сочувствующих организаций. Дежурный полицейский пожимал плечами и недовольно бормотал себе в усы:

— Подумаешь, какие нежности! И без таможенного сбора, и без осмотра! Пари держу, что избиратели намнут бока не одному депутату за такую фантазию. Эх, Вашингтон, Вашингтон... — как вдруг странный холодок прошел по его спине, и полицейский прервал свою речь, почувствовав на себе чью-то руку.

— Кто там? Какого черта вы делаете в таможне, сэр?

Перед ним стоял невысокий человек в черной паре. Глаза у него были унылые, тоскующие, как у горького пьяницы, с неделю сидящего без водки. Левую руку он положил на плечо полицейскому.

Холод снова прошел по спине таможенника; он поглядел на незнакомца с непонятным ужасом.

— Хороша ли упаковка, друг мой? — мягко спросил незнакомец, едва шевеля бескровными губами.

— За это, сэр, я не отвечаю... — лихорадочно пробормотал полицейский, начиная дрожать, как лист. — Рабочие принесли ящик зашитым и запечатанным.

— Выйдите отсюда!

Голос незнакомца, произнесшего эти слова, был так тих и безразличен, взгляд его, покоившийся на полицейском, совершенно невыразителен, — тем не менее ужас полицейского рос с каждой минутой, и зубы у него начали стучать друг о дружку:

— Не-не-не... сэр, н-не имею такого права!

— Тотчас выйдите отсюда!

Полицейский вынул платок, вытер пот, холодными каплями заструившийся у него со лба, и медленно-медленно отступил в коридор, а оттуда на темную площадь.

— Что это с тобой случилось? — спросил проходив-

ший мимо таможенник. — Уж не хватил ли ты вместо виски бензину?

— Понимаешь... — тяжело ворочая языком, ответил полицейский и оглянулся вокруг с выражением ужаса, — приходит сюда человек... такой какой-то человек... и спрашивает... спрашивает... погоди, дай вспомнить... Странно! — прервал он себя и дико взглянул на товарища. — Я не пьян и не сплю, а вот убей меня, коли я помню, о чем он такое спрашивал!

Глава сорок вторая

— Том Топс! — крикнул редактор «Нью-йоркской иллюстрированной газеты». — Том Топс!

— Я, сэр.

— Знаю, что вы. Уверен, что вы. Только мне теперь нужны советские иллюстрации, а не вы, сударь! Понимаете?

— Очень понимаю, сэр.

— На черта мне далось ваше понимание, нахал! — проскрежетал зубами редактор. — Я держу вас и плачу вам деньги не для понимания! Весь номер посвящен Советской России. Три статьи — о торговом соглашении, восемь — о съезде психиатров, и ни одной советской иллюстрации!

— Иллюстрации есть, сэр! Собачка лорда Сесиля в кабриолете президента, новый туалет принцессы Монако, чайный сервиз, приобретенный мистером Кресслингом за сорок тысяч долларов, и сбор шишек в штате Висконсин...

— Вы издеваетесь надо мной! Говорят вам, ни одной

иллюстрации по существу дела! Я пропал! Меня засмеют! Социалисты расторгуют всю свою лавочку, а мы сядем на мель. И все из-за вас! Не могли вы, черт вас побери, достать хоть какой-нибудь вид или фабрику, хоть в три четверти, вполоборота, хоть задом наперед, наконец! Но с идеологией, парень!

— Ни слова больше, сэр! — воскликнул Том Топс, вставая с места и хватая свой фотографический аппарат. — Вы подали мне идею, которая даст блестящие результаты... Ждите, сэр... Ждите меня в редакции!

С этими словами Топс выбежал на улицу и, как безумный, понесся в автомобильный гараж.

Поздно вечером редактор и Топс лихорадочно сидели в цинкографии, пробуя многочисленные оттиски и обсуждая, с привлечением к делу наборщиков, важный вопрос о том, какую подпись проставить под каждой из фотографий.

А на следующее утро деловые нью-йоркцы с удовольствием разворачивали богатейший номер «Иллюстрированной газеты». В ней было все, чего только жаждет человеческое любопытство:

ЖИТЕЛИ ГОРОДА ТУЛЫ ПИШУТ ПИСЬМО ДЖЕКУ КРЕССЛИНГУ

Снимок собственного корреспондента

Повернувшись спиной к объективу, кучка людей, наклонив головы, что-то делает над столом, справа и слева утыканным красными флагами. Кучка напоминает, правда, по своей композиции цветную картину русского художника Репина — что-то насчет письма к султану, — но плагиатом ее назвать нельзя, поскольку толпа пишущих взята с тыла.

БОЛЬШЕВИКИ ПРИВЕТСТВУЮТ ПРИБЫТИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПАРОХОДА!

Прямехонько перед самым носом настоящего американского парохода, закрывшего собой гавань и горизонт,

толпятся люди, сильно смахивающие на американских безработных, насколько можно судить по их согбенным спинам.

Далее шли многочисленные виды различных городских задворок и дымящих на горизонте труб с изображением взбудораженных людских толп, повернувшихся спинами к зрителям. И только одно лицо, в котором читатели могли без труда узнать юного Тома Топса, собственного корреспондента «Нью-йоркской иллюстрированной газеты», было обращено им навстречу, в полный свой анфас. Тому Топсу пожимал руку какой-то важный большевик, повернувшийся спиной к зрителю, с ножницами в левой руке, чтобы перерезать ленточку готового к пуску завода...

В этот день тираж «Иллюстрированной» превзошел все ожидания. На площадях, перекрестках, в трамваях, толкая друг друга, дамы, мужчины, отроки, мальчишки и даже карманные воры с увлечением покупали газету, одни — на свои собственные деньги, другие — на деньги, в поте лица добытые из чужого кармана.

К вечеру давка стала еще ужасней, так как пронесся слух, что номер запрещен. Редактор потирал руки. Том Топс заболел от возбуждения. Бостонские клерикалы открыто запрашивали у правительства: неужели оно не понимает оскорбительного намека, брошенного большевиками Соединенным Штатам Америки?

«Почему?.. — так запрашивали клерикалы. — ...Почему все они поворотились к нам задом?»

На деревообделочном в Миддльтоуне царило не меньшее волнение. Вокруг белокурого гиганта, орудовавшего рубанком, столпились рабочие, только что прочитавшие газету.

— Тингсмастер, — сказал один, ударив его по плечу, — штучка-то пошла в Петроград раньше срока!

— Наделает она дел! — подмигнул другой, давясь от хохота. — Читайте-ка, братцы, передовую.

Газета пошла гулять по рукам, пока не дошла до лучшего грамотея, возвысившего голос на всю мастерскую:

— «Два события, — так начиналась передовица, — знаменуют собою торжество науки и торговли — это соглашение с Россией и съезд психиатров в Петрограде, куда мы посылаем лучших представителей медицины. Надо надеяться, что наши пищевые продукты неспроста завоевывают себе путь в Республику Советов одновременно с нашей медициной. Всем известно и ни для кого не секрет, что врачебная помощь поставлена в Америке на невиданную высоту, а статистический подсчет недавно обнаружил, что на каждый ресторан у нас имеется по три лечебницы и по 1758 вольнопрактикующих врачей. Читатели, покупайте пилюли «Антигастрит» д-ра Поммера, мгновенно уничтожающие последствия от неосторожного вкушения пищи!»

— Подожди-ка, что это ты читаешь? — перебил Микаэль Тингсмастер. — Пропусти, брат, малую толику и дерни пониже.

Грамотей пропустил столбец и при одобрительных выкриках «ага» прочитал следующее:

— «В означенный день утром состоится торжественное заседание Петросовета, причем в дар русским комиссарам от группы американцев, проведшей соглашение, будут поднесены роскошные часы в футляре красного дерева. Вечером того же дня состоится открытие съезда психиатров в присутствии научных делегатов всего мира, а также властей и наших граждан, находящихся по случаю соглашения в Петрограде».

— Черт возьми! — вырвалось у деревообделочников, когда они вдоволь нахохотались. — А мы тут сиди у станка да жди известий!

Они нехотя разбрелись по своим местам, и в этот день Джек Кресслинг потерпел несомненный убыток, так как

работа не клеилась даже под руками самого Тингсмастера.

В обеденный перерыв все рассыпались по домам. Мик не дошел еще до порога деревянного домика, как зоркие глаза его усмотрели необычайную картину.

Его стряпуха, повязанная платком до самого носа, энергически отмахивалась от объятий большущего белого пса, а вокруг нее вертелся толстый капитан Мак-Кинлей в тщетной надежде пожать ей руку.

— Бьюти! Мак-Кинлей! — заорал Тингсмастер во всю силу своих легких и кинулся к домику.

Спустя десять минут, когда белый ком раза четыре перемахнул через голову своего хозяина, попутно облизывая ему нос и щеки, а потом блаженно оцепенел, уткнув морду ему в ладонь, Мак-Кинлей добился наконец ответного рукопожатия от стряпухи и, отдуваясь, сказал Тингсмастеру:

— Сорроу вам кланяется, Мик. Дела идут как по маслу. Лори, Нэд и Виллингс тоже там. Бьюти прибыла на «Торпеде» вот с этим лоскутом от Биска да еще с письмом генеральному прокурору Иллинойса, которое я послал по адресу. Берите-ка копию.

Подобного спича Мак-Кинлей не произносил, будучи честным ирландцем, еще ни разу в жизни. Речь его ограничивалась до сих пор чисто евангельским «да, да» и «нет, нет», с прибавлением коротенького словечка: «Водки!»

Понятно поэтому, что он совершенно обессилел и упал бы на руки к стряпухе, если б эта последняя не вынесла ему порядочного шкалика, к которому дважды приложилась по пути в целях проверки его содержимого.

— Мы люди бедные, но честные, сэр, — произнесла она твердо, глотнув из шкалика в третий раз. — Мы не поднесем гостю не то что вина, а и простой воды, не дознавшись—голт, голт,—хорошо ли—голт—она пахнет, сэр!

Мак-Кинлей предпочел бы, по-видимому, обойтись без этой вежливости. Пока он доканчивал шкалик, к Тингсмастеру бегом подлетел миддльтоунский телеграфист и, оглянувшись по сторонам, шепнул:

— Менд-месс!

— Месс-менд! — ответил Мик. — Что случилось?

— Депеша, Мик, — тревожно ответил телеграфист и сунул ему в руку бумажку.

Она была от ребят с таможни. Ребята сообщали, что неизвестный человек проник к посылке, адресованной Василову, и около часа находился наедине с ней.

Тингсмастер дважды перечитал записку и задумался, прикусив губы. Широко открытые голубые его глаза взглянули вниз, на Бьюти, и, внезапно решившись, он взял собаку за ошейник.

— Дело-то ухудшилось, Мак-Кинлей. Как бы не открыли нашу работу! — сказал он ирландцу, вытиравшему себе губы. — Дайте знать на завод, что я свалился в лихорадке. А мы с Бьюти (собака бешено забила хвостом)... мы с Бьюти пустимся вслед за посылкой, и не будь я Тингсмастер, если не перепутаю карты этому самому Грегорио Чиче.

Глава сорок третья

Моросил легкий серый дождь, оседая на лицах и одежде микроскопическими дождевыми пылинками. Артур Морлендер, ходивший взад и вперед по причалу, продрог и чувствовал легкий озноб. Сказать по правде, причиной

тому был не петроградский дождичек. Все последние дни Морлендер испытывал отвратительное ощущение зверя, за которым идет охота. Он чувствовал на спине своей неотступную пару глаз; видел легкую тень вдоль улицы, возникавшую и опадавшую вслед за его собственной тенью; встречал каждый раз, когда ему нужно было войти к себе или выйти на улицу, то высокого человека с белыми бельмами на глазах, то старую нищенку, виденных им еще в первый день приезда. А утром, едва он спустился с лестницы, у порога оказался странный восточный человек, смуглый, как эфиоп. Собственно, это был чистильщик сапог. Он постоянно сидел тут, возле подъезда Мойка-стрит, № 81, развесив на деревянной стоечке многочисленное добро: шнурки для ботинок, щетки, резинки, подметки, стельки, а внизу, под табуреткой, расставив целую серию банок с сапожной ваксой. Едва завидя прохожего, чистильщик затягивал какую-то национальную песню, звучавшую примерно так:

Азер-Азер-Азер-бай-джан!
Ромашвили — Эрэван!

И Артур Морлендер раза два даже чистил у него ботинки.

Но сегодня произошло нечто удивительное. Сегодня чистильщик, появившийся, вопреки обычаю, на ранней заре, сам напросился чистить ему ботинки и даже схватил его за ногу, хотя Морлендер, боясь опоздать к приходу «Торпеды», не собирался останавливаться. Но не успел он жестом отказаться, как ботинок его уже смазывался густой мазью с обеих сторон, а чистильщик, не поднимая головы от работы, вдруг тихо произнес на чистейшем английском языке с американским акцентом:

— Мистер Морлендер, не знаете ли вы, куда делась ваша красотка жена?

— Кто вы? — только и нашел что сказать ошеломленный Морлендер.

— Не показывайте виду, что разговариваете со мной... Я приставлен Джеком Кресслингом следить за вами. Но я не состою в ихней банде. Мое имя Виллингс, слесарь Виллингс. Следить я за вами слежу, чтоб меня не заподозрили, и доношу на вас сущую правду: что вы были в Чека, что вы сдали им всю отраву и бомбы, что вы, видать, переметнулись с ихнего берега на другой берег. Доношу, а сам, по решению обратной стороны, стерегу и берегу вас, чтоб в случае каких махинаций спасти вашу жизнь. Понятно?

— Понятно, — ответил Морлендер, хотя ровнешенько ничего не понимал. — А Кэт, Катя Ивановна, она что же? Чья же?

— Приставлена к вам с обратной, то есть с нашей, с рабочей, стороны. Не беспокойтесь, ей тоже, должно быть, ясно стало, куда вы переметнулись.

Артур густо покраснел:

— Где же она?

Виллингс уронил щетку и тотчас же подобрал ее. Лицо его выражало горесть:

— Сперва глянец, потом полировка. Придвиньте носок поближе, так... А мы-то надеялись у вас узнать... Пропала, значит, девушка! Большое горе для нас...

Но тут подкатил мотоциклет, и Виллингс сурово замолк, убирая свои щетки и кусочек плюша.

Артур Морлендер приехал на пристань в снедающем душу беспокойстве. Кэт пропала! Друзья девушки не знают, где она. И это он выгнал ее в чужой стране из-под крова, который она делила с ним! А сейчас подходит «Торпеда». Десять минут беседы с капитаном, и он узнает о тайне гибели своего отца...

Раздираемый самыми разными чувствами, взволнованный, бледный, он стал подниматься на палубу, как только сошел последний пассажир. Наверху, на мостике, глядя, как он поднимается, стоял небольшой человек в капитан-

ской кепке, из-под которой красным отливали густые рыжие волосы. Ничего как будто особенного не было в этом человеке, и все же странный холодок прошел по спине Морлендера. Рыжий капитан сделал несколько шагов ему навстречу.

— Вы совершенно правы, что сами пришли принять ящик, который вы поднесете здешним людям от группы американских трудящихся! — любезно начал капитан Грегуар, как только Морлендер ступил на палубу. — Нельзя допускать демонстрации на пристани. А тут, кажется, собираются ее устроить... — Он указал пальцем вниз, и Морлендер, обернувшись, увидел, что возле трапа собирается толпа, кто-то подкидывает шляпу, кто-то кричит: «Да здравствует торговое соглашение!..»

— Пройдемте ко мне, — продолжал капитан, идя вперед и показывая дорогу. — Вот моя личная каюта... Бой!

Мальчик, не дав ему договорить, уже бежал с подносом.

Стаканы налиты, сигары зажжены, Морлендер сидит в спокойном кресле. Но капитан, словно пораженный удивлением, не сводит пристального взгляда с его лица. Борясь с одолевающей его непобедимой пассивностью, похожей на дрему с открытыми глазами, Артур Морлендер находит наконец слова, много дней вертевшиеся у него на языке:

— Капитан, у меня есть вопрос к вам. Где именно и как гроб с моим отцом, Иеремией Морлендером, попал на ваш пароход? Мачеха моя, как я помню, говорила с вами, но мне не пришлось...

Артур хотел продолжать и осекся. Странный, расширившийся взгляд капитана пригвоздил ему язык к гортани, связал все члены, зашевелил волосы на голове. Во рту у него сделалось невыносимо сухо. Он раскрыл наконец рот, глотнул воздуха и опустил голову на грудь. Он спал.

Капитан Грегуар позвонил дважды. Вошел мичман Ковальковский вместе с высоким седым человеком с белыми бельмами на глазах, известным читателю под маской нищего графа.

— Вы были правы, — сухо произнес капитан. — Необходимо убрать его, но пока не лишать жизни. Туда, где будет стоять ящик и где уже содержится его спутница. Я ехал с точной директивой Джека Кресслинга послать Василова еще до поднесения подарка, как экскурсанта, на Центральную Аэро-электроцентраль — лишь посмотреть, познакомиться, поговорить, и ничего больше, — а при уходе оставить там незаметно вот этот шарик замедленного действия. Но человек этот предал нас. Он не годен. Но, загримировав одного, легко загримировать другого. Вы, граф, примерно такого же роста. Гример, создавший из Морлендера Василова, тут. Он придаст вам сходство, и задачу на Аэро-электроцентрали вы примете на себя. А этого... — капитан Грегуар дотронулся носком до ноги Артура, — этого будем держать под гипнозом и пошлем поднести подарок.

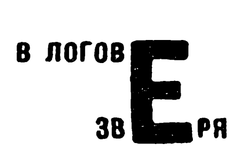
— Превосходно! — кисло отозвался мнимый нищий. — Они ему доверяют. Извлеките только и у него документы для меня...

Но напрасно шарил капитан по карманам спящего — документы Морлендер оставил у себя на столе. Чистильщику сапог, исполнявшему свою службу, ничего не стоило заглянуть в оставленную Артуром комнату, чтоб лишний раз убедиться, не прячется ли мисс Ортон где-нибудь поблизости. А забравшись в комнату и увидев на столе документы Василова, степенный Виллингс на всякий случай прибрал их к себе в грудной карман, подальше от всяких неожиданностей. Таким-то образом капитан Грегуар ничего не нашел на Морлендере.

— Вы съездите на завод, граф, и попросите, чтоб вам дали бумажку к главному монтеру станции, вот и всё.

А теперь — быстро, быстро, возвращайте себе вашу молодость, снимайте парик, бельма, брови, морщины и отдавайтесь в руки нашего кудесника! Да, вот еще: фонограф несколько раз повторит вам речь Василова, и вы попрактикуйтесь у себя в комнате, чтоб усвоить ее интонации и тембр.

Глава сорок четвертая

Прошел час, два часа. Чудесные превращения происходили все это время под рукой неведомого гримера в той самой каюте, где еще недавно, в роли рождающегося Василова, сидел перед ним молодой Артур Морлендер. Сухой и жилистый русский граф очень мало походил на Морлендера, кроме, может быть, роста и выправки. Но, сняв и обчистив с него грубые наклейки, превращавщие графа в старого нищего, гример взялся за свои пинцеты и кисточки. Медленно-медленно в этом сухопаром графе неопределенного возраста проступили черты все того же коммуниста Василова: разгладилась кожа, ушли морщины, поднялись углы губ, исчезли отечные подушечки щек, по-новому выросли из-под пальцев гримера брови. Работа была тонкая и прочная — на том же месте, в той же каюте возникал тот же человек, возникал почти там же, где он был недавно убит. И все это время Артур Морлендер лежал в глубоком сне в каюте капитана Грегуара.

Когда наконец работа неведомого кудесника пришла к концу, капитан и мичман Ковальковский наклонились над Морлендером. Они сняли с него ботинки и одежду,

подняли с кресла и не без усилия засунули неподвижное тело в большой ящик, стоявший в углу каюты. Крышка — с незаметными отверстиями для воздуха — опущена, гвозди заколочены, вызванные матросы обшивают ящик холстиной, как вдруг капитана тревожно вызывает гример.

Ботинки, снятые с ног Морлендера, никак не влезали на сухопарую, но необыкновенно длинную ступню графа! Прошло еще с полчаса, пока раздобыли подходящую пару ботинок в гардеробе мичмана Ковальковского. А сам мичман был в это время на палубе и зверски ругался. Дело в том, что разношерстная толпа, собравшаяся перед «Торпедой», все прибывала и прибывала. Когда на подъемном кране закачался первый ящик, спускаемый с «Торпеды» на землю, раздались громкие возгласы: «Это подарок дружбы!», «Американская посылочка рабочих!», «Да здравствует дружба с американскими трудящимися!» Ящик был быстро подхвачен внизу матросами «Торпеды», но на смену ему закачался в воздухе другой. Этого публика не ждала и принялась судить и рядить, кто, что и кому посылает во втором ящике. В то время как матросы подхватили и этот второй и, поставив оба на тачку, повезли их по бетонной дорожке с причала, наверху, на палубе, появился инженер Василов. Он сходил по трапу молча — фонограф еще не обучил его особенностям морлендеровской речи. Сойдя, он еще раз обернулся к «Торпеде» и помахал рукой капитану Грегуару.

В эту минуту его и заметил слесарь Виллингс, подоспевший на причал в том самом черномазом виде чистильщика сапог, в каком он восседал на Мойка-стрит.

«Молодчик мой, кажется, жив и здоров и даже прощается с капитаном дружески! — подумал он с облегчением. — Но что это такое?»

Протерев глаза, он подобрался поближе к трапу. Сходивший по шатким ступенькам Василов встретился с ним

глазами — глаза были чужие, и взгляд их ничего не выразил. Однако Виллингс смотрел сейчас не на его лицо — он смотрел на ботинки. Утром он сам чистил черные американские ботинки Морлендера и натирал их до блеска, а это были коричневые шведские штиблеты номера на три, на четыре больше размером.

«Эге!» — подумал Виллингс, повернулся к толпе, взглядом поискал Нэда, нашел его и кивком подозвал к себе.

— Нэд, — шепнул он ему едва слышно, — мое дело — следить за этим молодчиком. Сдается мне, это не Морлендер. А ты проследи, куда повезут вон те ящики, да не один, а оба. Как хочешь, хоть разорвись пополам, а не упусти ни того, ни другого.

Нэд кивнул и тотчас же стушевался. Степенный Виллингс в своем чумазом обличье попробовал было покричать с толпой что-то вроде «урра Василову» и даже заступить этому последнему дорогу, неуклюже отдавив ему носок своим сапогом, но в глазах проходившего человека не было и тени чего-то знакомого. Приподняв шляпу, раскланиваясь направо и налево, отнюдь не быстрой и легкой походкой Морлендера, а даже с некоторой привычкой к искусственной хромоте, мнимый Василов прошел к дожидавшейся его машине.

Между тем настоящего Морлендера, крепко стиснутого в ящике, очень быстро доставили куда-то, где его довольно грубо сбросили на пол. Но толчков он не чувствовал, так же как не слышал стука и визга инструментов, отбивавших крышку над ним, и не воспринял затхлой струи воздуха, когда крышка была снята.

Морлендер все еще спал, хотя и не так крепко. Его подняли и опустили на ковер, привязали к ножкам массивного дубового стола. Потом связали ему туго ноги и руки и набросили на него холстину, в которую был зашит ящик. Сделав все это, люди удалились, не обратив

никакого внимания на другого связанного человека, лежавшего в противоположном углу.

Когда шаги затихли и минуты две царствовала полная тишина, связанная фигурка в углу проявила некоторые признаки жизни. Она сделала несколько судорожных движений, подобных трепетанью рыбы, пробующей плавать по земле, и, перекатившись с боку на бок, стала постепенно подползать, точнее — подкатываться к спящему Морлендеру. Концами пальцев ей удалось подхватить и вершок за вершком стянуть с его лица холстину.

А с Морлендером происходила тем временем медленная перемена. Сон начал покидать его. Живые звуки жизни, струи воздуха, стиснутые руки, нарушенное кровообращение, солнечный зайчик, упавший на его лицо из окна, и, наконец, дыхание какого-то человека рядом — стали тянуть его все сильней и сильней к пробуждению. Морлендер чихнул, а вместе с чиханьем открыл глаза и почувствовал себя убийственно плохо. Тошнота подступала к горлу, руки и ноги ломило. Он повел глазами туда и сюда — и увидел рядом с собой на полу Катю Ивановну.

Это была совсем новая Кэт. Лицо ее исхудало, желтые и синие тени голода и страдания легли на нем. Кудри были растрепаны и сбились в войлок. Ногти связанных рук были грязны и поломаны от тщетных попыток сорвать веревки Изо рта ее торчал кляп. Но такой она показалась ему ближе, понятней и человечней.

— Подползите поближе к моим пальцам, чтоб я мог вытащить кляп, — прошептал он едва слышно.

Это было нелегкое дело. Стиснутые веревками, ладони Морлендера отекли. Но пальцы его были гибки и длинны. С трудом соединив их кончики, он подхватил ими рваный край кляпа. Девушка помогала ему, осторожно оттягивая голову. Вершок за вершком, отвратительная тряпка была наконец вытянута, но Кэт не сразу смогла двинуть посиневшими губами.

— Где мы находимся? — спросил он тихо.

— У врагов советского народа, белогвардейцев, — ответила она с трудом. — Вы немного помолчите, а то вас будет рвать, а воды здесь нет. Пять дней, десять дней — не знаю сколько с того дня, как ушла от вас, не вижу ни воды, ни хлеба. Живу тем, что они вспрыскивают под кожу. Как вы попали им в руки?

— А как вы?

— Заблудилась и сама влезла в логово зверя... Меня зовут не Катя Ивановна — я Вивиан Ортон, дочь машинистки из конторы Кресслинга. Мою мать любил ваш отец. Ее отравили... ее отравили так, будто бы это сделал ваш отец... Я хотела отомстить за нее его сыну...

Морлендер повернулся к Вивиан, пренебрегая и тошнотой и болью в руках от врезавшихся в кисти веревок. Он серьезно, честным взглядом молодости, попавшей в беду, посмотрел на девушку, и она ответила ему таким же серьезным, честным взглядом.

— Кэт... Вивиан! Отец никогда бы не сделал этого, не мог сделать... Никогда, понимаете?

— Начинаю та́к думать.

— И меня обманули. Мы квиты, товарищи по несчастью. Забудьте, простите прошлое! Будем вместе выпутываться. Придвиньтесь, я зубами перегрызу ваши веревки.

Она подкатилась вплотную к нему, и он стал своими крепкими зубами расщеплять и нить за нитью перекусывать ее веревку. Потом, освобожденной рукой, она ослабила его путы. И, развязывая веревки, ничего не говоря, а только вкладывая в каждое движение свое тайное, внутреннее спокойствие, рожденное от присутствия друг друга, от утоления жажды друг в друге, о которой сами они еще не подозревали, Вивиан и Морлендер освободились от пут, но незаметно закрепили другие путы, связавшие их накрепко, на всю жизнь.

Глава сорок пятая

МОНТЕР
АЭРО-
ЭЛЕКТРОЦЕНТРАЛИ

Все эти дни техник Сорроу пролежал в бездействии: приступ старой болотной лихорадки, подхваченной им в молодости, на сырых шахтах Кресслинга, вдруг свалил его с ног. Проклиная свою болезнь, он срывал досаду на трех верных друзьях, безропотно по очереди ходивших за ним и выполнявших важную работу по городу.

Сорроу знал все неутешительные новости: Мик протелеграфировал ему о том, что в последнюю минуту Кресслинг, по-видимому, подменил механизм в часах, так остроумно обезвреженный техником Сорроу, и Лори Лен по его приказу уже снесся с советскими властями и подробно рассказал им об этом. Знал Сорроу и о готовящихся в Петрограде событиях — торжественном заседании Петросовета и съезде психиатров. Сегодня, почувствовав себя намного лучше, он встал, оделся и сменил лежачее положение на ходячее. Когда три верных друга — белокурый Лори, молчаливый Нэд и степенный Виллингс в обличье чистильщика сапог — заглянули к нему в комнату, они увидели старичину Сорроу, с заложенными за спину руками измеряющего по привычке — взад и вперед, взад и вперед, от стены к стене — малое пространство своей комнаты.

— Садитесь, докладывайте, ребята! — кивнул он им, нетерпеливо продолжая свою прогулку, от которой так долго удерживала его лихорадка. — Что нового? Где Мик? Пришла «Торпеда»? Нашлась мисс Ортон? Начинай хоть ты, Лори.

Бедняга Лори покраснел и потупился. Все это время, днем и ночью, он безуспешно разыскивал пропавшую красавицу. Ни следа, ни намека не удалось ему найти. Лицо его было растерянно и сумрачно.

— Ничего, Сорроу, не нашел. Мисс Ортон как сквозь землю провалилась. Даже сам Морлендер нам не помог — Виллингс говорит, что Артур не видел ее с того момента, как она вышла за двери его комнаты. И чемодана никто не востребовал.

Сорроу покачал головой. Несчастный вид Лори удержал его от словечка, вертевшегося на кончике языка.

— Ты, Нэд? — спросил он после некоторого, тяжелого для всех, молчанья.

— Мои новости получше. Два ящика — заметь: не один, а два — спустили с «Торпеды». Я проследил, куда их свезли. Оба доставлены в одно и то же место. На первом — знаю с точностью, сам разобрал в лупу — наше клеймо. Это, стало быть, те самые часы, Сорроу. Что в другом — неизвестно.

Степенный Виллингс старательно прочистил глотку:

— Мои новости важные. Доложу перво-наперво, что переглядел всех пассажиров. Мика среди них не видать. Во-вторых, Морлендер поехал к капитану Грегуару, сидел часа два в его каюте, потом вышел оттуда... Ну, Сорроу, готовься к удивлению, старик! Вышел опять подмененный. Отделан под Василова, ничего не скажешь, да только это не Морлендер. А где сам Морлендер, жив или мертв, — не знаю. Это еще не всё. Новый Василов поехал с «Торпеды» прямехонько на завод. Что он там делал, как ты думаешь? Выхлопотал себе пропуск и разрешение на Центральную Аэро-электроцентраль!

— Аэро-электроцентраль! — в сильном беспокойстве воскликнул Сорроу, прекратив ходьбу. — Этого мы не предвидели! Надо принять меры. Но почему бумажка с

завода? Ведь у него полны карманы документов и ему верят, Виллингс!

Чумазый чистильщик усмехнулся, достал из широких брюк бумажник, а из бумажника — несколько листочков, чуть тронутых ваксой, и гордо разложил их перед техником Сорроу:

— Вот эти самые документы. Я их прибрал заблаговременно из комнаты Морлендера.

— Молодец! — похвалил Сорроу. — Вот что, ребята... Времени уже мало. Где твой новый молодчик, Виллингс?

— На заводе. До завтрашнего утра не может предпринять ничего — доступ на станцию уже прекращен.

— Хорошо. Лори, баночки с гримировкой!

Лори Лен не без удивления принес ему ящик с красками.

— Ну-ка, усаживайтесь все трое рядком, чтоб мне не разделывать вас поштучно!

Лори, Виллингс и Нэд уселись на скамейку, в недоумении глядя на Сорроу.

Тот обмакнул тряпку в воду — раз, два, — сорвал с Лори белобрысые усы и брови, с Виллингса — весь восточный гарнитур, а потом прошелся по их лицам мокрой тряпкой. Покончив с этим, он взял кисть, три белокурых парика, щипцы для носа и прочие тайны гримировки и стал быстро орудовать над всеми тремя молодцами, равномерно промазывая их с полным беспристрастием. Спустя полчаса перед ним было три молодых человека, отделанных не без таланта под несчастного Василова, или Артура Морлендера.

— Выделка, можно сказать, без тонкости, хромовая, — произнес Сорроу, любуясь делом своих рук, — ну, да хватит с нас и этого. Лори, есть у нас приличная одёжа?

— На одного джентльмена, Сорроу, — вон там, в шкафу.

Сорроу вынул новую черную пару, штиблеты, цилиндр, галстук, перчатки и тросточку и поглядел на все это критическим оком.

— Не беда, братцы! — произнес он решительно. — Поделите-ка одного джентльмена на троих, сойдет и так.

Не прошло и минуты, как Виллингс щеголял в отличном смокинге, Нэд — в щегольских брюках, а Лори — в цилиндре, лакированных штиблетах, перчатках и с тросточкой, или, как правильнее было бы выразиться, — при цилиндре, лакированных штиблетах, перчатках и тросточке.

— Честное слово, — сказал Сорроу, — вы сойдете, куда ни шло! А теперь нате-ка эти документы.

Он дал Лори рекомендательное письмо на имя Василова, Нэду — удостоверение на имя Василова, а Виллингсу — партийный билет на имя Василова и серьезным голосом произнес:

— Слушайте меня с толком, ребята. Взрыва я не боюсь. Переменили или нет машину, — советская власть предупреждена. Единственно, чего нам надо бояться, это несчастья с монтером Аэро-электростанции. Поняли? Вряд ли новый Морлендер полезет к нему с раннего часу. А поэтому, братцы, возьмите-ка на себя небольшую работишку: отправляйтесь с самой зарей на Аэро-электро и потолкуйте с монтером от имени Василова...

— О чем это? — с изумлением спросил Лори.

— Как о чем? — подмигнул Сорроу. — Натурально, насчет подкупа. Так и так, говорите ему, не продаст ли он за приличную валюту советскую власть и не отвинтит ли там перед вами какие-нибудь винтики.

— Сорроу, ты спятил! — вырвалось у Виллингса.

— И не думал, — спокойно ответил Сорроу. — Оно, конечно, первому из вас не миновать тюрьмы, а вы пустите второго. При умелой дипломатии можно рассчи-

тывать, что и второго упекут. Тогда в самый раз выйти третьему.

— Да на кой черт? — простонал Нэд.

— А на тот черт, дурья твоя башка, что уже четвертому-то Василову они и говорить не дадут, — понял?

Ребята переглянулись и, расхохотавшись, полезли было целовать Сорроу, но тот увернулся как раз вовремя, чтоб сберечь драгоценную гримировку на лицах товарищей.

Аэро-электроцентраль была самым укрепленным пунктом города. Монтер, заведующий электрификацией пространства, день и ночь оставался на ней, лишенный, как римский папа, права выхода на другую территорию. Белые аэропланы непрерывно бороздили небо, сторожа гигантские электроприемники. При первой же вести об опасности колоссальный рычаг с передаточной силой на двадцативерстную цепь из железных перекладин должен был выбросить на высоту тысячи метров над Петроградом невидимую броню электричества. Одновременно с этим весь город выключался из сети и погружался в абсолютную темноту.

Внизу, у ворот станции, стоял взвод часовых, сменявшихся каждые полчаса.

Ранним утром, не успел только что отдежуривший отряд часовых промаршировать на отдых, салютуя своей смене, как на площади появился вертлявый молодой человек в цилиндре и с тросточкой. Он подвигался вперед всеми своими конечностями, забирая туловище, елико возможно, внутрь, отчего скверный пиджачишко и заплатанные брюки совершенно стушевывались перед наблюдателем.

— Я коммунист Василов, — проговорил он отрывисто и сунул документ в лицо дежурному, — мне нужно немедленно видеть монтера!

Документ был прочитан и принят, а Василов препро-

вождеп в первый дворик, куда он пробежал, помахивая перчатками.

Пройдены — не без затруднений — все заставы.

Приемная станции Аэро-электро. Монтер, седой человек с неподвижным и строгим лицом, вышел к посетителю.

— Товарищ... э? Вы говорите по-английски?

— Да, — ответил монтер.

— Я пришел... э... по поручению одной державы... Монтер, знаете вы курс доллара? Какого вы мнения о курсе великолепного доллара?

Монтер в изумлении уставился на странного человека.

— Полно дурака валять! — примирительно произнес человек в цилиндре и схватил монтера за плечо. — Испорть всю эту музыку! Держава не поскупится... Тысячи миллиардов... Раз, два!

Монтер свистнул и крикнул подбежавшему отряду хранителей станции:

— Душевнобольной или преступник! В тюремное отделение станции!

Молодого человека подхватили под мышки и, хотя он и делал неоднократные попытки кусаться и плеваться, немедленно водворили в общую камеру станционной тюрьмы.

Спустя полчаса взвод часовых, чинно стоявших у входа на станцию, был заменен новым. Он отсалютовал пришедшим, взял ружья на плечо и стройно отмаршировал в казармы.

— Кха, кха! — раздался заискивающий кашель, и к новому взводу подошел человек, горделиво выпятивший живот.

Он был в великолепном смокинге, и каждый зритель невольно останавливал взор свой на импозантной фигуре джентльмена, что давало ему возможность держать обе

ноги в рваных сапогах далеко позади всего прочего корпуса.

— Товарищи, я коммунист Василов! Вот мой документ. Ведите меня к монтеру! — важно и с расстановкой произнес смокинг.

Ворота были открыты, и джентльмен устремил туда свой передний корпус с таким проворством, что обе ноги едва не были оставлены за быстро захлопнувшимися воротами.

Седовласый монтер не без досады вышел ко второму посетителю. Он вздрогнул, когда увидел его разительное сходство с первым. Но удивление его перешло в оторопь, когда посетитель поманил его пальцем и сказал таинственным тоном:

— Монтер, иди сюда! Иди, брат! Я к тебе по знатному делу. Не можешь ли ты... того, за хороший миллион долларов отвинтить мне пару-другую приемников? Мы собираемся с одной дружественной державой метнуть сюда бомбочку... А?

Спустя десять минут он уже барахтался в общей камере станционной тюрьмы, пугая своих сторожей громоносным кудахтаньем, похожим не то на рев, не то на хохот.

Между тем перед новым взводом часовых, расставляя ноги в виде циркуля и отогнув голову набок, как если б она была несущественным пакетом с покупкой, стоял молодой человек в блестящих бальных брюках. Он растопыривал их перед рослым часовым с большим достоинством, произнося в нос свою фамилию:

— Я ком-мунист Василов, вот мой документ. Я должен видеть монтера по государственному делу!

Получив пропуск, он повернулся вокруг своей оси и медленно прошел за ворота, ставя ступни носками внутрь, насколько это позволяла анатомия человеческого тела.

— Странно! — пробормотал монтер, увидев третьего посетителя.

— Друг, — сказал ему молодой человек в брюках, — предположи, что у тебя жена и дети. С одной стороны, жена, дети и триллион долларов — не каких-нибудь, а вашингтонских, заметь себе! С другой стороны, какая-то плёвая электрификация... Поразмысли хорошенько, дружище!

Заперев его в общую камеру, монтер вызвал по телефону дежурного.

— Алло! — сказал он отрывисто. — В городе появилась психическая эпидемия, если только это не заговор. Не сменяйтесь до вечера. Если появятся новые Василовы, хватайте их без всяких разговоров, обыскивайте и под конвоем препровождайте в станционную тюрьму.

Не успел дежурный повесить трубку, как перед взводом часовых остановился служебный автомобиль Путиловского завода, и оттуда выпрыгнул статный человек в полной паре и прочих принадлежностях туалета.

— Я коммунист Василов, — вежливо произнес он, подходя к дежурному и поднимая два пальца к кепи. — Вот просьба от заведующего заводом...

Он не успел закончить, как несколько дюжих красноармейцев кинулись на него, связали по рукам и по ногам и обшарили его сверху донизу.

— Спрячь-ка это в будку! — сказал один, подавая дежурному странное стеклышко, отмычки, флакон с голубыми шариками и уродливый крючковатый стальной инструмент.

Пойманный был поднят и под конвоем унесен в общую камеру станционной тюрьмы, где он вздрогнул и свирепо уставился на трех веселых молодчиков, ужасно похожих друг на друга и залившихся при виде него неистовым гоготаньем.

Глава сорок шестая

БЛАГОДАРНЫЙ ОСЕЛ СОСЕДА

Жаркий полдень в штате Иллинойс, известном главным образом тем, что он принадлежит к Северному центру, походит на жаркие полдни всяких других стран, не уступающих ему по части широты и долготы.

На террасе дачного коттеджа, под парусиновым балдахином, сидел безмятежный старец, разбитый параличом. То был генеральный прокурор штата Иллинойс, тщетно хлопотавший об отставке. Два старых негра справа и слева отмахивали от него мух. На плече его сидел розовый попугай, на коленях лежала кошка, а у ног — ирландская сука с четырьмя сосунками. Взор старца был устремлен на превосходный аквариум неподалеку от его кресла, наполненный всякими китайскими макроподами, — излишнее название для рыб, и без того обитающих в мокром месте.

Язык старца, с трудом ворочавшийся, пришел в действие.

— Ккакк... мои ппороссятки? — спросил он у негра.

— Кушают, масса Мильки, благодарение богу.

— А ммоя жжабба?

— Опущена в колодец, масса Мильки.

— А ммоя дочь?

Но эта последняя не дала негру ответить, появившись на террасе в сопровождении гостя — проезжего депутата Пируэта.

— Вытрите папе нос! — сердито сказала она неграм и уселась в кресло, скрестив ножки.

Депутат сел рядом с ней.

Молодая мисс Мильки была девицей пятидесяти лет. Коротенькое платьице для лаун-тенниса выгодно обтягивало ее формы, а рыжекудрый парик придавал ее задорному личику еще бо́льшую пикантность.

— Не утешайте меня, дорогой мистер Пируэт! Я уверена, что сойду с ума! И чем скорей, тем лучше! — вырвалось у нее страдальческим шепотом.

— Но ваш папенька... — тревожно начал Пируэт.

— О, ему ни за что не дают отставки! После этого знаменитого дела, они вцепились в него как щипцами! И понимаете, дорогой мистер Пируэт, всю его корреспонденцию, все эти письма, жалобы, апелляции, интерпелляции — все это должна читать я сама. В мои лучшие годы, когда другие танцуют, резвятся и... ах!.. встречаются с себе подобными, я должна сидеть над бумагами! — Из пышной груди мисс Мильки вырвалось стенание.

— Но почему бы вам не взять секретаря?

Мисс Мильки устремила на депутата изумленный взор:

— Здесь, в Иллинойсе, секретаря? Дорогой мистер Пируэт, вы должны знать, что у нас легче купить железную дорогу, чем нанять секретаря. У нас нет здесь ни единой рабочей руки!

Депутат Пируэт взглянул на нее с ужасом.

— Ни единой! — энергично повторила она. — А когда перепадет к нам кой-какой эмигрантишка — вы знаете, ведь иной раз они добираются до Иллинойса, — так его перехватывает эта собака, этот изверг, этот безумец, этот молодой Нерон и Навуходоносор — мистер Дот!

С этими словами мисс Мильки откинулась на спинку стула и затрепетала всем телом в нервной конвульсии.

— Скажите мне, кто такой мистер Дот? — нежно осведомился депутат, кладя свою руку на трепещущие пальцы несчастной мисс.

Долгое молчание было ответом. Наконец, собравшись с силами, она открыла глаза и глухо произнесла:

— Дот — это роковой человек, мистер Пируэт. Он виновник всех наших несчастий... Когда-нибудь, на досуге...

— Но я сегодня уезжаю! — с испугом вырвалось у депутата.

— На досуге я расскажу вам страшную драму нашей жизни. А пока только одно слово: Дот — автор! Он автор гнусного фельетона о детективных талантах моего отца. Он автор прогремевшего интервью, в котором мой папенька... — мисс Мильки всхлипнула, — мой папенька обзывается такими... такими словами, что будто бы Шерлок Холмс и Нат Пинкертон перед ним трубочисты!

Не в силах продолжать разговор, мисс Мильки набросила на лицо кружевной платочек, как раз вовремя, чтоб подхватить кусок штукатурки, упавшей у нее из-под левого глаза.

Мистер Пируэт почувствовал себя заинтересованным. Он уже собрался сказать мисс Мильки, что согласен отложить свой отъезд, как со стороны проезжей дороги, огибавшей коттедж, раздались неистовые вопли.

— Стой! Стой! Стой! — вопил кто-то в бешенстве, размахивая дубиной и со всех ног летя за небольшим серым ослом, волочившим по дороге странную ношу.

Но осел, как это чаще всего бывает с ослами, выразил совершенно обратное намерение и, брыкнув своего преследователя, галопом понесся дальше.

Пальцы мисс Мильки вонзились в руку депутата. Очи мисс Мильки устремились на ослиного преследователя.

— Дот! — шепнула она лихорадочно. — Взгляните, этот ужасный Дот преследует своего осла... А осел... Великий боже, что такое он тащит?.. Дорогой Пируэт, держите меня за талию, я падаю, я умираю! Он тащит эмигранта!

Зрелище, разыгравшееся на шоссе, становилось все более и более катастрофическим. Дот, черноусый мужчина в соломенной шляпе и небрежном костюме фермера, мчался наперерез ослу, пытаясь загнать его в свой двор и осыпая проклятиями. Но осел, неистово крича, проскочил мимо него, сделал два-три поворота и, задрав хвост, неожиданно для всех вдруг влетел во двор коттеджа мистера Мильки. Он пронесся прямехонько к креслу, где лежал параличный старец, и замотал головой, силясь сбросить со своей шеи кушак, за который держалась его странная ноша

— Осликк! — прошептал мистер Мильки, блаженно улыбаясь. — Подди сюдда, ослик! Благодарный друг мой! Осел-джжентльммен!

Пока эти фразы срывались с языка старца, мисс Мильки и депутат энергично освобождали ослиную ношу. Это был немолодой, бедно одетый и страшно изнуренный человек. На лице его лежала печать глубокого страдания.

— Вы наняты! Подпишите контракт! — визжала мисс Мильки, в то время как мистер Дот с проклятиями требовал назад своего осла, обещая снять с него кожу и сунуть ему под хвост горящую головню.

— Я эмигрант, — пробормотал бедняк, понурив голову. — Я не имел силы идти пешком и привязал себя к этому доброму животному, пасшемуся на лугу, в надежде, что он довезет меня до жилья.

— Вы приняты на место! — отчеканила мисс Мильки. — Здание, которое вы здесь видите, есть родовое поместье моего отца, генерального прокурора штата Иллинойс.

— Для эмигранта вы отлично владеете языком, — вмешался депутат. — Как ваше имя, милейший?

Бедняк провел рукой по лицу:

— Меня зовут Павлом Туском.

Глава сорок седьмая

О ПРИЧИНАХ БЛАГОДАРНОГО ЧУВСТВА В ОСЛЕ

— Теперь, когда у вас есть секретарь, а я остался на лишние сутки, — нежно начал депутат Пируэт, сидя с мисс Мильки при луне на садовой скамейке, — теперь я хочу узнать от вас обо всех этих тайнах! И почему вашему папе не дают отставки, и почему этот Дот прославил его по всей Америке, и почему мистер Мильки назвал осла благодарным животным?

— Ах, — вздохнула мисс Мильки, — вы хотите взглянуть на дно моей души!.. Я согласна. Слушайте меня, дорогой мистер Пируэт, слушайте и исторгайте слезы!

Она поникла головой, собралась с духом и начала следующий рассказ, прерываемый частым кваканьем жабы, хрюканьем поросят и ночными стонами летучей мыши:

— Мы переселились сюда, когда папеньку разбил паралич, года два назад, сэр. Место это было глухое и мрачное, особенно для юного существа. Папаша чувствовал себя прекрасно, будучи любителем животных, а я должна была дни и ночи наблюдать за сельским хозяйством, в то время как в груди моей пели мелодии Шопенгауэра.

— Вы хотите сказать — Шопена? — перебил ее депутат.

— Ну да, Шопена Гауэра, — поправилась мисс Мильки. — Отец мой подал в отставку, и ее хотели уже принять, ждали только подходящей рабочей руки для его замены, что у нас в Иллинойсе, как я вам уже сказала, ад-

ски трудно. И вот в один прекрасный день прибегают к нам и говорят, что соседняя ферма куплена и что у нас скоро будет сосед, некий мистер Дот из Арканзаса. Я тотчас же взяла географическую книгу, сэр, и навела справку. Я узнала, что Арканзас лежит на юге и что тамошние уроженцы обладают горячим темпераментом. Ах, сэр, мучительное предчувствие охватило меня!.. Сосед приехал, и не прошло трех дней, как он явился к нам с визитом.

Мисс Мильки прервала свой рассказ, прижав руку к сердцу. Депутат поощрительно налег на ее талию.

— Вообразите себе, сэр, высокого, стройного мужчину с черными усами. Вообразите себе, с одной стороны, это пустынное сельскохозяйственное место и молодую беспомощную девушку, с другой — высокого мужчину с черными усами и горячим арканзасским темпераментом. То, чего я опасалась, свершилось: мистер Дот влюбился в меня с первого взгляда. Правда, он не признался мне в этом. Но его взгляды, его жесты были красноречивее слов. Стоило мне придвинуться к нему поближе, как он судорожно отталкивал меня от себя. Не успевала я войти в комнату, как он прекращал разговор с папенькой и хватался за шляпу. Если я глядела на него за столом, он не кушал; если я заболевала и оставалась в своей комнате, он на целый день приходил к папеньке, видимо беспокоясь о моем здоровье. Это не могло так продолжаться, сэр. Я умею быть твердой, несмотря на всю свою молодость. Я написала мистеру Доту письмо с просьбой объясниться и прекратить излишние страдания, ставящие и меня и его в фальшивое положение...

Мистер Дот не ответил. Мало того, он перестал бывать у нас и заперся на своей ферме в течение двух недель. Негры рассказывали, что в это время он вел образ жизни Нерона. Он пил один только алкоголь, сэр, жег целые груды навоза у себя на дворе и ходил купаться в

пруду. Я поняла свой долг женщины. Из опасения его самоубийства я накинула на себя легкий шарфик и при закате солнца пошла к нему, пренебрегая пустыми предрассудками...

Мистер Дот при виде меня издал восклицание, вскочил с места, сделал два шага и как подкошенный упал к моим ногам. Я скрыла свое торжество и положила обе руки на голову этого неистового человека. Я шепнула: «Не надо объяснений! Идемте к папаше!»

Но самолюбие мистера Дота оказалось до того болезненным, что он принялся отвергать очевидный факт и, словно ребенок, твердил, будто хотел бежать из комнаты и упал вследствие сломавшегося каблука, и даже ухитрился показать мне этот каблук, сломанный каким-то случайным образом. Кнут Гамсун, сэр, если только вы читали этого писателя, был знатоком подобного самолюбия в своих любовных романах. Я вспомнила их и не дала себя вовлечь в обман. Ласково улыбнувшись, я погрозила мистеру Доту пальчиком и назвала его «влюбленным безумцем». Ах, сэр, я не подозревала, что из этого выйдет! Мистер Дот схватил шапку и убежал в степь. Он скрывался в степи три дня, ночуя под открытым небом и питаясь зеленым горохом. На четвертый день он явился, ведя с собой небольшого серого осла...

Мисс Мильки вздохнула и утерла глаза.

— Надо вам сказать, сэр, что меня зовут в честь моей бабушки Юноной. И вот этот безумный арканзасец перестал кланяться и мне и моему папаше, найдя противоестественное удовлетворение своим страстям. Он назвал своего осла Юноной и целый день перед самой нашей террасой бил это животное дубинкой. Мой отец, как вы, должно быть, заметили, питает положительную нежность к животным обоего пола и всех видов. Не успела я опомниться, как он закачался на своем стуле и потребовал от меня подачи в суд на мистера Дота за истязание осла. Этого

мало, сэр. Папаша раскачался до того, что велел нести себя на судебное разбирательство и сам произнес обвинительную речь. Если б вы только видели, что это было! Весь зал рыдал ручьем. Присяжные рыдали ручьем. Папенька был весь заплакан и не мог вытереться. Мистера Дота присудили к огромному штрафу...

С тех самых пор, сэр, я жила под угрозой его мести. Некоторое время все было тихо, он куда-то уехал. Как вдруг ударила молния: Дот поместил в газетах статью о знаменитых детективных способностях моего папаши. Отставку бедного папеньки отклонили, и с того дня, сэр, мы ежедневно получаем сотни писем о различных уголовных преступлениях с просьбами их распутать... Что переживаю я над этими письмами, оскорбляющими мою невинность, — не поддается описанию!..

Мисс Юнона Мильки вздохнула и прислонила головку к плечу депутата. Потом вскрикнула, как ужаленная, поцеловала его прямо в губы и, как легкая лань, умчалась в коттедж.

Мистер Пируэт поспешно вытащил изо рта кусок попавшей туда штукатурки, оглянулся по сторонам и, как вор, пробрался в конюшню.

— Оседлайте моего коня! — шепнул он негру, энергично растолкав его ногой. — Я должен чуть свет добраться до Мичигана и не хочу тревожить хозяев.

Уже сидя на коне и отъехав за двадцать километров от коттеджа, депутат нашел в себе мужество обернуться и отправить по адресу Юноны прощальную речь.

— При создавшейся обстановке, — пробормотал он, — она замуровала бы меня штукатуркой в пять-шесть приемов. Хорош бы я был перед моими избирателями, наглухо замурованный, как какая-нибудь дверь! И хотел бы я знать, как мне удалось бы тогда агитировать против торгового соглашения с Россией!

Глава сорок восьмая

МОРЖ ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Не успели утренние лягушки проквакать гимн солнцу, как уже новый секретарь мистера Мильки появился на террасе и приступил к исполнению своих обязанностей. На столе кипой лежала корреспонденция, только что доставленная по адресу генерального прокурора.

Он механически вскрыл несколько конвертов, пробежал их и стал делать отметки в своей записной книжке. Павел Туск — человек аккуратный. Несмотря на странную печать безжизненности и омертвения, отмечавшую всю его внешность, глаза Туска обличают высокую интеллигентность. Он дошел уже до половины своей работы, когда в руках у него очутился небольшой грязноватый конверт, пропитанный табачным дымом. Все с той же методичностью он вскрыл и этот конверт и погрузился было в чтение, как вдруг по лицу его разлилась краска, глаза сверкнули, как у сумасшедшего. Мистер Туск вскочил с места и стал искать взглядом звонок. Надо сознаться, что манеры его отнюдь не походили на манеры должностного лица эмигрантского происхождения. Негр, вынырнувший на его звонок, остановился в дверях как вкопанный.

— Эй, послушайте! — начальственным тоном произнес секретарь, держа в руках конверт. — Кто читал у вас до сих пор корреспонденцию мистера Мильки?

— Мисс Юнона, — пролепетал негр, выпучив на него глаза.

— Позовите ее сюда!

— Мисс Юнона принимает молочную ванну, — осмелился доложить негр.

— Позовите ее, когда она будет готова! — сказал секретарь и снова погрузился в письмо.

— Нолла, — сказал негр толстой негритянке, заведовавшей горничными мисс Юноны, — скажи молодой мисси, чтоб она вылезла из молока. Новый секретарь ждет не дождется ее появления, так и передай.

— Дурень! — ответила негритянка. — Ты бы еще назвал молодой ту солонину, которую она отпускает на обед!

И, подвязав себе чепчик, она пошла в ванную, где мисс Юнона Мильки мирно покоилась в молоке, к сомнительной пользе для себя, но к большому счастью для своих ближних, ибо молоко, как известно, не отличается прозрачностью. Мисс Юнона была сильно не в духе, но основной чертой этого стойкого характера было умение не сдаваться судьбе ни живой, ни мертвой.

— Ты говоришь, он уехал поздно ночью, не велев никого будить? — переспросила она у своей горничной, приготовлявшей в ступе бальзамическую смесь из сухого гелиотропа, пудры и различных замазок.

— Так оно и было, мисси, — словоохотливо ответила горничная. — Конюх говорит, что он будто как плясал в ожидании лошади, вроде горячей кобылки, а потом перемахнул через седло, да и был таков.

— Вот что значит ревность... — задумчиво произнесла мисс Юнона, похрустывая в молоке суставами на манер кастаньет. — Никогда не советую тебе, Доротея, рассказывать о своих обожателях новому поклоннику. Это ужасно как действует на их самолюбие!.. — Она помолчала минуты две и мечтательно произнесла, глядя на потолок: — И мне не следовало при нем так радоваться появлению мистера Туска, совсем, совсем не следовало!

— Мистер Туск просит мисс Мильки выйти к нему как можно скорее... — запыхавшись, произнесла Нолла, просунув в дверь черную голову. — Он сказал Саму, а Сам мне, а я...

Мисс Мильки не дала ей докончить. Бросив торжествующий взгляд в сторону Доротеи, она рассекла млечные волны и вынырнула из них во весь свой рост наподобие Афродиты.

Спустя полчаса рыжая девушка в коротком платье задорно выбежала на террасу:

— Идемте завтракать, дорогой мистер Туск! Дела могут подождать! — вскричала она с пленительной наивностью и повисла на руке секретаря.

Но секретарь проявил необычайное упорство. Он посмотрел на нее проницательным взглядом, протянул ей конверт и сказал:

— Прочитайте письмо и постарайтесь вспомнить, куда вы дели предшествующее, на которое ссылается автор.

Мисс Мильки невольно подчинилась приказу секретаря. Она прочла следующее:

Неизвестного происхождения, доставлено на собаке, прибывшей из Америки в Кронштадт, и послано адресату капитаном судна «Амелия» ирландцем Мак-Кинлеем.

Вслед за этими крупными каракулями, основательно сдобренными табачным дымом, шло письмо:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ ШТАТА ИЛЛИНОЙС

Высокочтимый сэр,

если вы получили мое предыдущее письмо и вынули пакет из моего тайника, вам небезынтересно будет узнать продолжение морлендеровского дела. Я держу в руках все его нити. Я посажен в сумасшедший дом, откуда как нельзя лучше можно следить за главным преступником. Вы поймете меня, если потребуете освобождения из камеры № 132

умалишенного

Роберта Друка.

Мисс Мильки нетерпеливо пожала плечами:

— Дорогой мистер Туск, он нисколько не скрывает, что он умалишенный. Я не могу понять, неужели можно придавать значение письмам сумасшедших!

— Но вы получили его первое письмо?

— Ах, какой вы неотступный! Вон в этом сундуке решительно все письма, полученные на имя папаши. Если хотите, берите и разбирайте их до самого дна!

Павел Туск именно так и сделал. Несмотря на депутацию из четырех негров, трижды призывавшую его завтракать, он засел над сундуком и просидел над ним добрую половину дня. Все его поиски оказались тщетными. Ничего похожего на письмо Роберта Друка там не отыскалось. Тогда он проявил необычайную энергию: велел заложить лошадей и отвезти себя на соседнюю телеграфную станцию, откуда он протелеграфировал в Чикаго от имени генерального прокурора о немедленной высылке ему полного списка нью-йоркских сумасшедших домов. Затем он вернулся в коттедж и принялся сшивать в тетради деловые бумаги и письма.

Когда безмятежного старца после обеда выкатили на террасу, Туск подсел к нему с таким независимым видом, что в груди мисс Юноны шевельнулось страшное предчувствие: не ставленник ли это самого Дота?

— Любезный сэр, — сказал он старцу деловым тоном, — вы сильно запустили дела. Если разрешите, мы с вами съездим сегодня в город на сессию и дадим ход коекаким из поступивших на ваше имя жалоб.

— Нне ссегодня, сэр! — жалобно простонал старец, бросая на своего секретаря беспомощный взгляд. — Ссегодня я а-адски занят!

— Масса Мильки ждет сегодня знаменитого моржа, сэр, — вмешался негр Сам, приходя на помощь своему господину.

— Моржа?

— Из Сан-Франциско, сэр. По интересному газетному описанию.

— Ну да! — капризно вмешалась Юнона, становясь в оппозицию к своевольному секретарю. — Если мы нанимаем людей, мистер Туск, мы всегда задаем им вопросы и они отвечают, а вовсе не наоборот!

— Что за морж из Сан-Франциско? — продолжал допытываться неумолимый секретарь отрывистым тоном.

— Морж! — истерически вскрикнула Юнона. — Я прочитала папе из газеты, что на берег в Сан-Франциско вышел удивительный морж необычайной толщины и стал страшно лаять. Когда его захотели поймать, он кинулся на своих плавниках прямо в город, пробежал три улицы, залез в аптеку и едва не искусал аптекаря. Папаша, разумеется, захотел купить этого моржа, и мы выписали его от аптекаря наложенным платежом.

— Хорошо же вы занимаетесь государственными делами, мистер и мисс Мильки! — сурово отрезал секретарь, вперив в обоих укоризненный взгляд. — Вот здесь, в портфеле, ждет очереди таинственное убийство вдовы полковника, похищение брильянтов у креолки, пропажа завещания из конторы в Чикаго, два-три дела не меньшей важности. Здесь лежит обвинительный акт против кокаиниста, восемь жалоб на истязание и грабеж, четыреста неразобранных случаев шантажа и вымогательства, донос на акционерное общество по сплаву бревен по реке Миссисипи, извещение о поимке бежавшего банкрота с двумя миллиардами долларов и, наконец, анонимное письмо о подкупе депутата Пируэта князем Феофаном Оболонкиным, а вы ничего этого не читали и ни о чем этом не заботитесь... Негр! Подать мне перо, чернила, бумагу!

Сам выбежал из комнаты с трясущейся челюстью и через секунду доставил все необходимое.

— Мисс Мильки, пишите!

Неизвестно почему, но мисс Мильки покорно взяла перо и написала под диктовку секретаря следующее:

> *Ввиду моего болезненного состояния передаю все свои права по генеральной прокуратуре штата Иллинойс мистеру Павлу Туску.*

— А теперь подпишитесь за отца.

Дрожащие пальцы мисс Мильки вывели подпись.

— Так! А теперь занимайтесь моржами, и чтоб вся корреспонденция до моего возвращения не была распечатана!

С этими словами секретарь схватил бумажку, кивнул мисс Мильки и ее отцу и быстро сошел с террасы, направляясь к конюшням.

— Узурпатор! — визгливо крикнула ему вслед мисс Мильки, раскинула руки по обе стороны корпуса, подобно двум веслам над утлой ладьей, и упала в обморок.

Безмятежный старец сидел в кресле, глядя на нее с детским состраданием и тщетно взывая к разбежавшимся неграм.

— Юнни, — произнес он с трудом, — джентльмен прав... Не плачь, Юнни!

Полежав минут пять, Юнона пришла в себя, взглянула на отца странным, помутившимся взором и удалилась к себе в комнату.

Павел Туск проскакал до станции и с экспрессом прикатил в город. Он энергично расследовал с десяток уголовных дел, произнес две речи, навестил двух-трех заключенных, пообещав им скорое окончание их дела, и кончил тем, что до чрезвычайности понравился судейской публике.

— Вот это так рабочая рука! — шептались у него за спиной, пока он вел деловые разговоры своим отрывистым тоном.

Был уже вечер, когда он вернулся в коттедж. Взорам его представилась странная картина.

Перед креслом мистера Мильки в цинковом ящике с водой сидел огромный блестящий морж, глядя маленькими умными глазками прямо в глаза старцу. Из полураскрытой глотки его вырывались лающие стоны, плавники безжизненно распластались по стенкам ящика.

— Получили-таки! — без особенного удовольствия сказал секретарь, проходя мимо моржа на террасу.

В ту же секунду морж закинул голову, и воздух огласился таким ужасным, таким раздирающим лаем, что негры упали на землю, пряча лица в колени, а сам мистер Туск почувствовал неприятное стеснение сердца.

— Моржжик сстрадает! — пробормотал мистер Мильки. — Ппомогите ему, сэр!

— Вздор! — отрывисто проговорил секретарь, подходя, однако же, к моржу.

Он пристально оглядел его, приподнял плавники, провел рукой по шее и брюху, и морж сносил это с изумительной кротостью. Внезапно рука секретаря нырнула под воду, и он крикнул неграм:

— Эй! Несите сюда чашку рвотного!

Ворча и спотыкаясь, испуганные негры принесли ему все, что нужно.

— Влейте моржу в глотку!

Но на этот раз магический голос секретаря не возымел никакого действия. Негры попятились друг за друга и остановились шагах в десяти от моржа.

Пробормотав ругательство, мистер Туск поднял мсрду моржа, и свирепое животное без единого протеста проглотило лекарство; потом он, засучив рукав, снова сунул руку в воду и нажал на что-то с такой силой, что по телу моржа прошла судорога.

Хав! Хав! — пролаял он еще раз и стал корчиться в ужасных муках.

Секунда, две, три — и из моржовой глотки показалось что-то блестящее. Еще секунда — оно вылетело наружу, упало на пол и со звоном разбилось у ног мистера Мильки.

— Бутылка! — сказал секретарь, высвободив руку из воды. — А в ней сверток бумаги!

С этими словами он быстро подхватил пожелтевшую пачку листов и унес их в свою комнату, оставив моржа и прокурора в приятном взаимосозерцании.

Глава сорок девятая

Ночь.

В окне мисс Юноны таинственный свет. Она пишет что-то, прочитывает и разрывает на мелкие клочки.

В окне секретаря тоже свет. Он только что прочел рукопись, под названием «Дневник Биска», и глубоко задумался. Потом вынул конверт с письмом Друка, сшил оба документа вместе, покачал головой и лег спать.

В окне кухни тоже свет. Вся черная прислуга, собравшись вокруг стола, занята обсуждением таинственной личности мистера Туска.

— Переодетый президент, — шепчет Сам убежденным голосом.

— А по мне, это покойный Вашингтон, вот кто! — вставила свое слово кухарка. — Покойнику-то ведь бояться нечего, у него одна видимость, а тело вроде как из кисеи, вот он и задается. Неужто живой человек стал бы у

нас болтаться, когда его, что ни час, могут оженить? Уж какой был мужчина мистер Дот, а и тот испугался!

В окне мистера Дота тоже свет. Но, заглянув к нему, мы видим, что у него творится нечто совершенно таинственное: свет льется с потолка, один мистер Дот мирно похрапывает на постели, скрытой за ширмой, а другой Дот стоит перед забаррикадированной дверью, подняв рукав, из которого торчит револьверное дуло. Голова этого второго Дота имеет большое сходство с половой щеткой, а из брюк выглядывают две кочерги, обутые в высокие сапоги.

Темно только у безмятежного мистера Мильки. Он спит, окруженный сонмом своих животных, и, если б не темнота, мы увидели бы у него на губах блаженную улыбку.

Утренняя почта принесла неутомимому секретарю официальный пакет с печатью. В нем был перечень всех сумасшедших домов Нью-Йорка.

Мистер Туск, быстро покончив с завтраком, развернул список и отметил красным карандашом два адреса: это были единственные дома, где число камер превышало цифру 132.

Затем он аккуратно сложил салфетку, спрятал корреспонденцию в портфель, вынул блокнот и составил деловое расписание на текущий день. Покончив с этим, он молниеносно повернулся и схватил за шиворот любопытную Ноллу как раз в ту минуту, когда она собиралась пощупать его сзади.

— Какого черта вам от меня нужно? — грозно крикнул он, вперив в несчастную негритянку свои стальные глаза.

— Сэр, простите меня! — бормотала Нолла, трясясь всем телом. — Я только хотела пощупать, сэр: человек вы или призрак?

Мистер Туск выпустил ее, и на лице его не появилось ни малейшего гнева. Черная Нолла клялась позднее на

кухне, что лицо это сделалось даже грустным, совсем как у настоящего покойника, обмытого и одетого в саван.

— Да, я, пожалуй, призрак, добрая женщина, — ответил он очень странным голосом и ушел к себе.

Такое подтверждение кухаркиной гипотезы наполнило души негров окончательным и паническим ужасом. Они долго еще совещались и перемигивались друг с другом, встречаясь в коридорах, в кухне и на лестнице, но странность их поведения осталась скрытой от семейства мистера Мильки, так как Юнона упорно сидела у себя в комнате, а безмятежный старец был лишен средств передвижения.

В городе секретарю сказали торжественным тоном:

— Дорогой мистер Туск, отставка мистера Мильки принята! Вы назначены на его место генеральным прокурором Иллинойса.

— Принимаю, но с условием, — отрывисто ответил Туск, как человек, привыкший приказывать, а не подчиняться приказаниям: — вы дадите мне месячный отпуск, чтоб я мог кой-куда съездить и расследовать одно преступление.

Он тотчас же получил все, что хотел, вплоть до казенной печати, бланков для ареста, всевозможных полномочий и удостоверений.

Остаток дня новый прокурор посвятил блистательному обвинению депутата Пируэта, не явившегося на суд, и целому ряду разнообразных дел и лишь на закате вернулся в коттедж.

Было еще светло, когда он подъезжал к знакомым воротам. Большая телега, доверху наполненная корзинками, преградила ему дорогу. Возница, рослый мужчина, загорелый, как черт, орал во все горло в припадке самого необузданного гнева.

— Чего вы орете? — спросил Туск, подъезжая к телеге.

Мужчина обернулся к нему, красный как кумач, и затопал ногами:

— Я человек казенный, понимаете! Мое время рассчитано до самой что ни на есть секундишки! Я не таковский, чтоб стоять даром полтора часа да надсаживать себе казенную глотку!

— В чем дело?

— Хорошо дело! Безделье, сударь, форменное безделье! Стою полтора часа, чтоб сдать ихних кроликов по адресу, стучу, зову, кричу, топочу, а они будто вымерли! Сидит вон там в кресле какой-то олух, глядит на меня во все глаза, а чтоб ворота отпереть — это ему в голову не приходит, да!

Туск привязал лошадь к дереву, в одно мгновение взобрался на ворота и, осторожно миновав полосу гвоздей, спрыгнул в сад. Он собственноручно открыл ворота и впустил мрачного краснолицего человека, понесшего к мистеру Мильки на террасу превосходно упакованную корзинку с парой великолепных серых кроликов.

— Получайте! — сказал он злобно. — Нехорошо это с вашей стороны! Я человек казенный, через меня могут выйти казне очень даже чувствительные убытки. Нехорошо, сударь...

— Этто нне мои кролики, сударь! — кротко пробормотал мистер Мильки.

— Как это не ваши, сэр! — в бешенстве крикнул возница, доставая из-за пазухи письмо. — Выставочный комитет по животноводству поручил мне, сэр, обратную перевозку кроличьих экспонатов штата Иллинойс. Каждая корзинка адресована в свое место, а на вашей, сэр, даже целый конверт. Я казенный человек, мне, сэр, не к лицу ошибаться!

Он бросил на колени старца письмо, сердито мотнул головой и удалился, злобно нахлестав свою лошадь спереди, сзади и по бокам.

Мистер Туск спокойно запер ворота, поднялся на террасу и хотел было спросить у старика, куда попрятались черные слуги, как взгляд его упал на белый конверт:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ ШТАТА ИЛЛИНОЙС

— Мистер Мильки, — сказал Туск, взяв письмо, — ваша отставка принята, и я беру у вас это письмо уже не только по праву секретаря — я назначен вашим преемником, генеральным прокурором штата Иллинойс.

Он поклонился старику, не дождавшись его ответа, и быстро прошел к себе. Здесь он разорвал конверт, развернул письмо и прочитал следующие строки:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ ШТАТА ИЛЛИНОЙС

От доктора Лепсиуса, кавалера ордена Белого знамени, почетного члена Бостонского университета

Высокочтимый господин прокурор!

Не так давно в газетах было напечатано, что вы являетесь национальной американской гордостью по части раскрытия таинственных преступлений. В заметке было сказано, что Нат Пинкертон, Ник Картер и Шерлок Холмс являются перед вами не чем иным, как простыми трубочистами. Я взываю к вам о помощи в одном чрезвычайно странном деле. Вы слышали, что в России был убит большевиками Иеремия Морлендер. Есть основания думать, что он был убит отнюдь не теми лицами, кого обвиняют официально. В настоящее время исчез Артур Морлендер, его сын, хотя домашние скрывают его исчезновение. Во имя справедливости и для спасения жизни молодого человека займитесь этим загадочным делом.

Честь имею, высокочтимый
и т. д., и т. д., и т. д.

Стальные глаза мистера Туска потемнели. Во мгновение ока он кинулся к столу, где лежали его бумаги и немногочисленные пожитки, приобретенные им в городе. Быстро взглянув на часы, он стал поспешно укладываться, сортируя и приводя в порядок пакеты, завязывая их и складывая в портфель.

Пока он занят этим делом, мы навестим мисс Юнону, безвыходно сидящую в своей комнате уже вторые сутки.

Мисс Юнона Мильки встала с кровати, где она лежала одетая, и поглядела в окно. Спускались сумерки. Странная тишина стояла в саду, на террасе, в доме. Не слышно было ничьих шагов, не доносилось ни единого человеческого голоса. Мисс Мильки вздрогнула и повела плечами.

К ней никто не входил с самого утра. Кухарка не явилась с отчетом. Конюх и садовник не принесли ключей. Горничные исчезли все до одной. Нолла ни разу не просунула в дверь свой чепец, а Сам не зашел сообщить о здоровье старого барина.

Мисс Мильки была голодна. Она была, кроме того, удивлена и напугана. Постояв с минуту, она подошла к зеркалу, накинула на плечи платок и решительно двинулась к выходу.

Безмятежный старик тихо сидел в кресле, ласково глядя в круглые глаза серых кроликов, протягивавших к нему свои мордочки сквозь прутья решетки. Признаться, ему было довольно-таки холодно и голодно. Кроме утреннего завтрака, никто не принес ему ничего, не подходил перекладывать его и убирать за ним, не укутал его вечером пледом. Он не успел пожаловаться мистеру Туску на странный порядок, установившийся в доме, и терпеливо сидел, утешаясь зрелищем хорошеньких зверьков.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо, и голос, в котором он едва узнал голос своей дочери, испуганно произнес:

— Папа, дорогой, неужели вы сидите тут с утра?

— Как всегда, Юнни, — кротко ответил старик.

— Я разумею, папа, что вы сидите без всякой помощи... Бог ты мой, неужто они вас сегодня не накормили?

— Я завтракал утром, Юнни.

Мисс Мильки вскрикнула, сама сдвинула кресло старика и вкатила его в столовую. Потом она опрометью бросилась на кухню, растопила печь, приготовила теплое питье и еду и стала кормить своего отца, как малого ребенка, приговаривая между делом:

— Все они сбежали от нас, папа! Я видела их комнаты — они унесли все свои вещи. Понять не могу, что это такое с ними случилось!

Мистер Мильки ел, надо сознаться, с исключительным аппетитом и широко открытыми глазами смотрел на свою дочь, словно видел ее впервые. Оба они до такой степени занялись друг другом, что прослушали твердые шаги бывшего секретаря и заметили его только тогда, когда он остановился посреди столовой с портфелем и чемоданом в руках и шляпой на голове.

— Я должен немедленно уехать, — начал он отрывисто и вдруг вскрикнул: взгляд его упал на мисс Мильки... Но какая это была мисс Мильки!

Перед ним стояла пожилая высокая женщина в домашнем платье, с измученным лицом и клочком седых волос, собранных на затылке.

Она не отвела лица от взгляда Туска и просто произнесла:

— Нас покинули все слуги, мистер Туск. Мы с папой остались одни во всем коттедже.

Мистер Туск положил чемодан и портфель на стул, снял шляпу, протянул ей руку и сказал тоном, каким еще ни разу с ней не говорил:

— Здравствуйте, мисс Мильки, мы с вами сегодня не виделись. Не беспокойтесь, я останусь здесь на ночь, а завтра мы что-нибудь да придумаем. Боюсь, что они сбежали, напуганные моей особой.

Глава пятидесятая

ЭМИГРАЦИЯ ВОРОН, ИЛИ ЧЕГО МОЖНО ДОБИТЬСЯ, СИДЯ НА ОДНОМ МЕСТЕ

Рано утром мистер Туск встал, спустился вниз и критически пересчитал все хозяйственные задачи, связанные с необходимостью обитания в коттедже. Он был далеко не сентиментален и отнюдь не стал повязывать себя фартуком, колоть дрова, топить печь, резать кур и прочее, как это сделал бы на его месте джентльмен, взятый напрокат из какого-нибудь романа. Мистер Туск был человеком дела. Он закурил папиросу, вышел из коттеджа и резкими шагами перешел расстояние, отделявшее жилище мистера Мильки от фермы Дота.

На его стук никто не отозвался. Туск постучал еще два-три раза с тем же результатом, а потом поднялся на обе руки, упертые им в заборную перекладину, и довольно-таки ловко перебросил себя на ту сторону границы.

Ферма Дота поражала своей пустынностью и заброшенностью. По двору сонно бродили индюшки и поросята, дорожки сада поросли травой, огород служил местом раскопок большого петуха, сопровождаемого десятком кур. Дом был наглухо заколочен и, по-видимому, погружен в крепкий сон.

Туск попытался проникнуть в дверь, но, когда это не удалось, пожал плечами и осуществил свое намерение через окно Он очутился в передней, где спали на циновках человек двадцать слуг, испуская пронзительный храп. Не успел он дотронуться до одного из них, как проснулись все двадцать, вскочили с места и замахнулись на него дубинками.

— Стоп! — отрывисто произнес Туск, скрестив руки на груди. — Я новый прокурор штата Иллинойс. Трусы сбежали от мистера Мильки, и ваш брат отлично знает, куда они делись. Пусть один из вас немедленно догонит их и вернет. Поняли?

Слуги сбились в испуганное стадо и тряслись, как перепела.

— Масса Дот поколотит нас... — дрожащим голосом промолвил один.

— Ничего не поколотит, я сам с ним объяснюсь. Ну, раз, два, три!

И, когда один из негров опрометью вылетел из передней, мистер Туск хладнокровно направился к главной крепости фермы — к двери самого Дота. Убедившись, что она заперта, он забарабанил в нее сперва руками, а потом ногами.

— Кто этот нахал, что стосковался по пуле? — взбешенно крикнул Дот. — Пусть-ка он покажет мне свое лицо, чтоб я превратил его в хорошую яичницу с помидорами!

— Новый прокурор штата Иллинойс, — спокойно ответил Туск.

За дверью водворилась тишина, потом щелкнул ключ; босые ноги затопали в глубине комнаты, и Дот слабым голосом предложил Туску «пожаловать к нему».

Туск не заставил себя долго просить и наткнулся первым делом на живописную статую Дота, устремившую на него из пустого рукава револьверное дуло. Пройдя комнату, он усмотрел второго Дота, черноусого мужчину с добродушным лицом, под одеялом, на собственной кровати.

— Сядьте, сэр, — вежливо сказал мужчина, — и, если хотите курить, вон там превосходные гаваны. Не удивляйтесь моему поведению. Когда несчастный и слабохарактерный человек, подобный мне, доведен до белого ка-

ления, он утрирует, сэр, все человеческие приемы самозащиты.

— Кто вас довел до белого каления? — сухо спросил Туск, закурив сигару.

— Рыжий бесенок шестидесяти лет, сэр, задумавший женить меня на себе.

— Не знаю ничего похожего на сорок миль вокруг, — отрезал Туск, пуская ароматичные кольца с видом заправского курильщика. — Я пришел к вам, мистер Дот, по важному делу. Слуги соседнего коттеджа сбежали, оставив на произвол судьбы разбитого параличом старика и почтенную пожилую леди, его дочь. Я послал одного из ваших за ними вдогонку, а вас прошу немедленно отправить к ним на помощь половину ваших людей. Скажу более: мое личное пребывание в этой симпатичной семье, к сожалению, заканчивается.

Дот слушал, выпучив глаза. На лице его выступила краска.

— И рыжий бесенок не собирался вас околпачить, сэр? — пробормотал он растерянно.

— Повторяю, — резко ответил Туск, — я не слышал ничего похожего на ваши слова. Пожилая леди, хозяйка коттеджа, достойна всяческого уважения. Одевайтесь!

Совершенно ошеломленный, Дот подчинился, как подчинялись все, суровому голосу незнакомого джентльмена. Он надел все части своего туалета по порядку, сполоснул лицо, глотнул из бутылки, взял шляпу и угрюмо произнес:

— Ну так идем, черт побери меня за хвост и голову!

Это странное пожелание мистера Дота не вызвало со стороны невозмутимого Туска ни малейшего протеста. В передней они наткнулись на оцепеневших слуг, и Дот скомандовал половине из них идти вслед за ним.

Между тем в коттедже началось хозяйственное оживление. Мисс Мильки выкатила своего отца на террасу,

сварила ему яйцо и только что приступила к его кормежке, как рука ее сильно задрожала, а лицо побледнело.

Двое мужчин быстрыми шагами, со шляпами в руках, приблизились к террасе и отвесили ей по низкому поклону

— Мистер Дот пришел просить вас, дорогая мисс Мильки, принять его посильную помощь в деле возвращения слуг, — сказал Туск доброжелательно, проталкивая вперед оторопелого арканзасца с остановившимися глазами, выпученными на то, что сидело взамен рыжего бесенка.

— Благодарю вас, сэр, — смущенно ответила пожилая леди, — я все-таки справилась с утренним кофе. На вашу долю тоже заварено, и, если мистер Дот не откажется позавтракать, я налью чашечку и ему.

Она с достоинством кивнула обоим мужчинам и собственноручно принесла из кухни завтрак.

Спустя полчаса мистер Дот, освоившийся с новым положением вещей, развивал свою теорию о том, как можно в кратчайший срок добиться новой породы индюшек, а его негры занялись хозяйственными работами в коттедже.

— Мне пора ехать, — не без сожаления произнес мистер Туск, взглянув на часы. — Я оставляю вас, друзья мои, на месяц, чтобы... это что такое? — последнее восклицание мистера Туска относилось к утреннему небу, внезапно потемневшему, как перед солнечным затмением.

Все вскинули глаза кверху и повскакали с мест. Огромная черная туча надвигалась на их коттедж. Она ползла, закрывая горизонт и спускаясь все ниже да ниже. Вскоре из тучи посыпались странные звуки, напоминавшие раскаты хохота.

— Воро́ны! — закричал Дот. — Мы погибли! Они снижаются, они засыплют все наши огороды, поля, сады! Стучите, кричите, бросайте в них камнями!.. Люди, сюда, сюда!

Он неистово заорал на ворон, бросая в них чашкой, тарелкой, шапкой, стульями, зонтиком мисс Мильки — всем, что только попадало ему под руку.

— Ничего, ничего! Нне ббойтесь, друзья мои, — лепетал безмятежный старец, спокойно глядя на ворон. — Птички!

— Хороши птички! — взвизгнул Дот. — Поймите вы, безумный человек, что это наше разорение! Их больше, чем саранчи! Ни за что на свете нельзя допустить их снизиться!.. Туск! Черт возьми, да куда же вы делись?

Мистера Туска среди них уже не было.

— Он побежал в коттедж, — прошептала Юнона.

Дот сорвал скатерть и, вскочив на стол, принялся неистово ею размахивать в воздухе. Слуги, сев на корточки, устроили настоящий кошачий концерт. Они выли, визжали, скулили, свистели, били в импровизированные барабаны.

Животные безмятежного старца подняли адскую кутерьму: сука лаяла и кидалась в воздух с ощетинившейся шерстью, попугай раз сто подряд раздирающим голосом вопил «гуд бай», морж стонал, как исступленный, но ничто не помогало: вороны всё снижались да снижались.

Первые из них, отделившиеся от тучи, были уже отчетливо видны. Страшное карканье и свист от взмаха крыльев переполняли воздух. Дышать было трудно от ветра и запаха перьев. Еще десять, пятнадцать минут — и страшное черное полчище обрушилось бы на коттедж.

В эту минуту на террасе появился Туск. Он держал в руках ружье, поднял его и выстрелил по воронам:

Бац-бац-бац!..

Туча дрогнула, края ее рассыпались в разные стороны черным кружевом. Секунда — и полчище ворон стало снова подниматься, держа свой путь в направлении Чикаго, а сверху, кружась и белея, что-то начало падать вниз.

— Я стрелял холостыми зарядами, — отрывисто про-

изнес Туск. — У добрейшего мистера Мильки в целом доме не нашлось ничего похожего на пулю... Ай, что это падает?

Медленно кружась в воздухе, сверху продолжало падать нечто, пока на колени к старцу не упало в виде плотного белого конверта.

Туск быстро схватил его, издал восклицание и, отойдя в сторону, без всяких разговоров распечатал свою находку.

Он прочитал следующее:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ ШТАТА ИЛЛИНОЙС

Господин прокурор!

Опасаясь за свою жизнь, прошу вас быть начеку. Я держу в руках нити загадочного происшествия. Если меня убьют или я исчезну, прошу вас немедленно вынуть конверт из тайника в моей комнате на Бруклин-стрит, 8, двенадцатый паркетный кусок от левого окна, прочитать его и начать судебное расследование. Пишу именно вам, а не кому другому, так как вы отличаетесь любовью к уголовным тайнам.

Стряпчий Роберт Друк.

— Последнее звено! — пробормотал Туск со странной улыбкой и, вытащив из портфеля пачку бумаг, быстрыми шагами подошел к столу. — Друзья мои! — воскликнул он повелительным голосом. — Прежде чем мне уехать, выслушайте несколько слов. Эй, слуги! Лучших бутылок из погреба и стаканы!

Изумленное общество, только что оправившееся от вороньей угрозы, не возражая, приняло по бокалу хорошего шампанского. Дот влил безмятежному старцу в рот его порцию. Все глаза устремились на Туска.

— Друзья мои! — повторил он с бокалом в руках. — В первую ночь моего пребывания я услышал в саду, не станем говорить от кого и как, подробную историю некоей шутки. Дело шло о фельетоне относительно детективных способностей присутствующего здесь мистера Мильки. Шутка хотела быть только шуткой. И что же? Беспомощный старец, скованный страшным недугом, не двигаясь с места, ничего не читая, ни о чем не зная, распутал самое таинственное преступление нашего века! Да, милые мои друзья, вот в этой пачке собраны почти все звенья страшного дела, раскрытие которого навеки прославит имя мистера Мильки. И знаете ли вы, чем он достиг такого результата? Любовью к животным, черт возьми! Мистер Мильки отдал бессловесным тварям все свое сердце. Он любит их с нежностью, достойной подражания. И что же мы видим? Первое звено этого дела доставляется ему на собаке, — мистер Туск потряс в воздухе конвертом, — второе звено извергается к его ногам из желудка моржа, — мистер Туск потряс в воздухе пачкой желтых листов, — третье звено приезжает к нему на корзинке с кроликами, — мистер Туск махнул вторым конвертом, — и, наконец, четвертое, и последнее, доставляется ему великим переселением ворон! — Мистер Туск поднял последний конверт и бокал. — Выпьем, друзья мои, в эту прощальную минуту за здоровье достойного мистера Мильки и его бессловесных любимцев, а также за торжество справедливости, которая добивается своего, джентльмены, через посредство всего живого и мертвого!

С этими словами Туск осушил свой бокал, поклонился и вскочил с чемоданом и портфелем в поджидавший его кабриолет.

Глава пятьдесят первая

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР ШТАТА ИЛЛИНОЙС В ПОИСКАХ ДРУКА

Экспресс доставил Туска в Нью-Йорк без четверти девять утра. Спустя несколько минут он уже был на Бруклин-стрит, 8 и поднимался по лестнице в квартиру бывшего стряпчего Роберта Друка.

На его стук долго не отворяли. Наконец раздалось кряхтенье, и старушка в чепце приотворила дверь.

— Проведите меня в комнату вашего сына, — отрывисто произнес пожилой джентльмен, снимая шляпу и входя в кухню. — Я намерен у вас остановиться.

— Великий боже, сэр! — воскликнула старушка. — Вы не агент полиции?

— Я друг вашего сына, — ответил гость, положил чемодан и шляпу на стул и сделал движение, чтоб пройти дальше.

— Был тут один такой... — задумчиво ответила старушка. — Только он был, сэр, весь голый, за исключением чресел, как говорится в библии, и сверху донизу вымазан дегтем. «Я друг-приятель вашего сына, — сказал он мне и скушал, бедняжка, кусочек пудинга, — даром что, говорит, в таком виде». Уж не вы ли это, переодевшись и помывшись.

— Я самый, — спокойно ответил Туск и проследовал внутрь квартиры.

Старушка провела его в комнату Боба, где все сияло чистотой и, казалось, поджидало своего хозяина. По пути она сообщила ему, что со дня смерти своей кошки Молли она замкнулась в своем горе и, если он согласен, может

разомкнуться для него на часок-другой, между растопкой печки и варкой обеда.

— Не размыкайтесь! — перебил ее Туск. — Кроме того, у вас нет причин для горя. Роберт Друк жив, он через месяц, а может быть, и через день, будет дома.

Старушка вскрикнула. Но Туск, в свою очередь, замкнулся перед самым ее носом и, оставшись в запертой комнате, немедленно приступил к делу. Он нашел левое окно, отсчитал паркетные плиты, пустил в ход перочинный нож. Паркетная плита была вынута без всякого труда, а под ней лежал конверт, на котором было написано:

ТАЙНА ИЕРЕМИИ МОРЛЕНДЕРА

Туск схватил его, распечатал и, сев в кресло возле окна, погрузился в чтение. Рукопись оказалась отрывочными записями стряпчего Друка. Мы приводим ее, выпустив несущественные подробности:

«Сегодня старый Морлендер приезжал в контору. Он советовался с Крафтом. Лицо его было взволнованно. После занятий патрон позвал меня в кабинет и сказал:

— Боб, вы честный и умный парень. Я хочу оказать вам доверие. Вот завещание мистера Морлендера, где он делит всё свое состояние поровну между сыном и миссис Ортон, и на случай ее кончины — мисс Вивиан Ортон и другими детьми миссис Ортон, буде они родятся. Последнее открытие свое он завещал сыну, чтоб сын его употребил чертежи на пользу американского народа и всего человечества. Копию я оставляю у себя. Оригинал вручаю вам, и вы его храните как зеницу ока.

Я удивился, однако выполнил в точности волю патрона. После этого Иеремия Морлендер уехал по командировке Кресслинга в Россию. Получили письмо от миссис Ортон, где она выражает тревогу о состоянии здоровья Морлендера и спрашивает нас, где он находится. Патрон написал ответ».

«Новостей никаких».

«Новостей никаких, кроме странных слухов о том, будто бы Морлендер перед отъездом женился на миссис Элизабет Вессон. Патрон принес кипу русских газет и долго совещался о чем-то с переводчиком. Меня не посвятили в дело».

«Недоволен патроном: он явно держит меня в резерве. Решил сам заняться расследованием. Целую неделю вынюхивал, кто такая Элизабет Вессон. Узнал странные вещи: она — личный секретарь Джека Кресслинга. Начал розыски с другого конца. Миссис Ортон, о которой говорится в завещании, — машинистка в конторе того же Кресслинга».

«Новостей никаких».

«Новость потрясающая! Миссис Ортон скоропостижно умерла».

«Сегодня патрон удивил меня своей нервозностью. Дергался, оглядывался по сторонам, бледнел. Пожаловался мне, что видит плохие сны и начал бояться смерти, чего с ним раньше никогда не было. Я посоветовал взять недельный отпуск и проехаться в Атлантик-Сити. Он согласился со мной, хочет только дождаться приезда Морлендера».

«У нас в конторе штурм и дранг! Старый Морлендер приехал, но мертвый, в цинковом гробу. Просто не верится этому. Его убили где-то в России большевики. Патрон мрачен, как туча».

«Патрон умер! Автомобиль попал под трамвай. Шофер жив, патрона раздавило. Наша контора закрыта на три дня».

«На место Крафта назначен ликвидатором какой-то итальянец, синьор Грегорио. Он рассчитал всех наших клерков и посадил своих. Я оставлен впредь до сдачи дел. Прислали новое завещание Морлендера, завтра увижу».

«День потрясающий! Роберт Друк, ты — свидетель

преступления! Держи язык за зубами! Дело по порядку такое: я видел завещание, привезенное из России. Оно аннулирует все предыдущие и передает капитал Морлендера целиком миссис Элизабет Вессон, а чертежи изобретения — Лиге империалистов. Мисс Ортон и молодой Морлендер оставлены на бобах. Но дело-то в том, что подпись Морлендера подделана самым явным образом. Я мог бы доказать это, если б захотел. Но я боюсь начать дело неизвестно против кого. Упрятал старое завещание в тайник. Решил ждать каких-нибудь наследников Ортон или Морлендера, чтобы начать дело вместе с ними. Грегорио рвет и мечет в поисках старого завещания. Я веду себя как сознательный олух. Этот синьор мне очень не по вкусу. Не знаю наверное, но думаю, что он не без прибыли в этом деле».

«Сегодня в контору приходила горбатая девушка, назвалась мисс Ортон. Она поглядела на меня, сняв вуальку, — более красивого лица в жизни моей не видал. Спросила патрона. Я сунул ей свой адрес. Синьор Грегорио ее принял и вел себя весьма подозрительно, клерк звонил куда-то по телефону. Боюсь, что он догадался, что это наследница и что она может оспорить новое завещание. Жду ее сейчас к себе...»

На этом месте рукопись прерывалась. Мистер Туск глубоко вздохнул и несколько минут сидел в полной неподвижности. Потом он развернул записную книжку, прочел два адреса: «Нью-Джерсей, 40» и «Береговое шоссе, 174»; взял свой портфель, уложил туда прочитанную рукопись и вышел.

— Миссис Друк, — сказал он старушке, — я вернусь к обеду. Никому ни единого слова о моем приезде. Никого не пускайте в квартиру.

Спустившись вниз, он нанял автомобиль и велел ехать в Нью-Джерсей, 40.

Через два-три квартала они остановились у элегантно-

го здания со швейцаром, лифтом и золоченой решеткой. Туск зашел туда, навел справку и через минуту вышел.

— Береговое шоссе, сто семьдесят четыре, — отрывисто сказал он шоферу.

Теперь они помчались вон из города. Блестящие, многолюдные улицы одна за другой отлетали направо и налево. Надвигалось пустынное шоссе с мрачными редкими постройками, окруженными садами, с бесконечными заборами и огородами.

Прохожих становилось все меньше и меньше. Наконец автомобиль свернул в сторону, въехал на асфальтовый двор и остановился у мрачной черной решетки, за которой расстилался парк.

— Ждите меня здесь. Если не дождетесь, поднимите тревогу. Я генеральный прокурор штата Иллинойс, — повелительно сказал он шоферу, спрыгивая на землю.

На звонок мистера Туска дверь приотворил высокий мужчина в белом фартуке, с лицом, изрытым оспой.

— Что надо? Приема нет! — грубо крикнул он, не снимая цепочки.

Туск махнул в воздухе своим документом:

— Сию минуту впустить меня! Я генеральный прокурор, посланный сюда ревизовать сумасшедшие дома.

— Директора нет в Нью-Йорке, сэр, — в замешательстве ответил мужчина. — Я имею приказание не пускать никого до его приезда.

— Государство назначило ревизию как раз в отсутствие директоров, — невозмутимо ответил Туск, пристально глядя на привратника. — Впустите, пока я не свистнул полицейского.

Сильно побледнев, привратник снял цепочку.

Туск быстро вошел, нащупал свой револьвер и пропустил вперед высокого мужчину. Тот нехотя повел его вдоль тусклых, мрачных коридоров, в которые выходили бесчисленные двери. Из-за дверей несся дикий вой, плач и

исступленные крики несчастных, от которых в жилах менее спокойного человека остановилась бы кровь. Но Туск шел как ни в чем не бывало, приказывая открывать камеры и заглядывая в них бесстрашным оком. Он видел истязуемых, умирающих, катающихся в корчах, видел оцепеневших и глядящих в одну точку, видел пляшущих — пожалуй, более страшных, чем первые. Но самым потрясающим были странные, бледные бритые люди, сидевшие, как сторожевые собаки, на цепи, ввинченной в стену. У одного из них был вырезан язык.

— Я здоров, — шепнул мистеру Туску бледный человек на цепи. — Меня здесь держат родственники. Расследуйте мое дело!

— Все они так говорят! — прорычал привратник, покосившись на несчастного с дикой ненавистью.

Туск спросил имя и фамилию пленника, занес в свою книжку, вышел в коридор и пристально поглядел на привратника:

— Вы показали мне все камеры?

— Все! — отрезал мужчина.

— Вы лжете! Ведите в сто тридцать второй номер!

— Там сидит личный родственник директора, мы за него отвечаем, — пробормотал привратник, становясь из бледного красным, а из красного — фиолетовым.

Туск уставился на него повелительно, и мужчина побрел вперед неверной походкой.

Они вышли на лестницу и стали спускаться вниз. Один, два, три этажа... Стены стали сочиться сыростью; на лестнице стоял отвратительный запах плесени; лампочки горели тускло. Глубоко внизу шел еще один коридор со странными нишами. Здесь царствовало безмолвие. Ни единого звука не доносилось, кроме тихого шелеста воды по стенам. Шаги гулко отдавались в ушах.

Привратник загремел ключами и с большим трудом отпер тяжелый железный замок.

Камера № 132 была темным, сырым погребом. Свет проникал через коридорное окно. В углу на соломе, скорчившись, спал узник.

Привратник направил на него свет фонаря. Спящий человек зашевелился, вскочил, повернул к мистеру Туску бескровное лицо и дико вскрикнул.

— Не бойтесь, я генеральный прокурор штата Иллинойс! — отчеканил мистер Туск, подойдя к нему вплотную и пристально на него глядя. — Я получил ваше письмо. Расследование начато. Одевайтесь, я беру вас с собой!

Привратник уронил на пол ключи.

— Профессор убьет меня! — пробормотал он дико. — Я не выпущу этого человека, будь вы хоть сам президент!

— Поворачивайтесь, милейший! — крикнул Туск, направляя на него свои серые глаза. — Что это еще за чепуха! Выдать одежду мистера Друка! Раз, два, три!

Через десять минут Туск и Роберт Друк как ни в чем не бывало вышли из дверей сумасшедшего дома и уселись в автомобиль, к великой радости перепуганного шофера.

— Ну, — отрывисто сказал Туск, когда они тронулись, — я вас слушаю, Друк.

Глава пятьдесят вторая

ДОКТОР ЛЕПСИУС В ПОИСКАХ ПРОФЕССОРА ХИЗЕРТОНА

Мисс Смоулль сидела на корточках, а мулат Тоби — у нее на плечах. Они отнюдь не показывали акробатического номера. Целью их была замочная скважина двери в кабинет доктора Лепсиуса

— Сидит! — бормотала мисс Смоулль, роняя слезы. — Сидит, наш голубчик, на том же месте с самого утра! Не кушает, не звонит, не ходит, не ругается... Господи боже мой, я прямо разрыдаюсь!

Она не успела привести свою угрозу в исполнение, как Лепсиус неожиданно бросился к дверям, распахнул их и опрокинул живую пирамиду в обратном порядке, так что мисс Смоулль очутилась на плечах у Тоби.

— Автомобиль! — рявкнул он. — Тоби, звони шоферу!

Вслед за этим он метнулся обратно, схватил шляпу, перчатки, трость и кубарем слетел с лестницы. Лицо его было красно, глаза сверкали решимостью. Он обдумал план вторжения к профессору Хизертону.

— Университет! — приказал он шоферу, садясь в автомобиль.

Через десять минут он был на месте. Войдя в канцелярию, он осведомился, в какой аудитории читает Хизертон. Служитель удивленно посмотрел на Лепсиуса.

— Как, сэр, разве вы не знаете, что профессор командирован на съезд психиатров в Петроград?

— Он уже выехал? — вырвалось у Лепсиуса.

— Вероятно. Впрочем, вы можете осведомиться у него на дому: Береговое шоссе, сто семьдесят четыре.

Лепсиус записал адрес и снова прыгнул в автомобиль.

— Береговое шоссе, сто семьдесять четыре! — крикнул он шоферу.

Снова пустынная улица, чем дальше, тем мрачней и безлюдней. Снова черная решетка у ворот жуткого дома, закупоренного и безмолвного, как если б все живое окостенело в нем на манер музейных чучел.

Лепсиус резко дернул звонок. Рябой привратник, весь белый от бешенства, высунул нос из-за решетки.

— Убирайтесь к черту! — заорал он, разглядев Лепсиуса. — Приема нет! Убирайтесь, а не то спущу собак!

— Друг мой, — шепотом произнес доктор, — я дол-

жен передать профессору Хизертону важную вещь Дело идет о спасении его жизни.

— Поздно! — угрюмо ответил привратник. — Директор уехал на съезд в Россию, а сегодня была ревизия. Всё дочиста записали и увели из камеры сто тридцать два...

— И все-таки еще не поздно. Речь идет о том, что́ знает один только Хизертон. Я его самый близкий друг. Он поручил мне в случае чего обратиться к вам. Если вы хотите спасти собственную шкуру, придумайте, как мне его догнать.

Привратник уставился на Лепсиуса подозрительно:

— Как ваше имя?

Лепсиус поперхнулся.

— Олеумрицини!— пробормотал он первое, что пришло на язык.

В ту же секунду лицо привратника прояснилось. Он снял цепочку и почтительно произнес:

— Войдите, сударь, войдите! Как видно, вы тоже будете итальянец?

— Разумеется, — пробормотал Лепсиус, входя вслед за ним в мрачное жилище смерти.

Но рябой повел его совсем не туда, где только что был Туск. Он отворил маленькую дверь и впустил Лепсиуса в блестящий докторский кабинет, сияющий безукоризненной чистотой.

— Сядьте, сударь, сядьте. Я сейчас позову нашу секретаршу, она обмозгует дело.

Лепсиус сел, чувствуя себя крайне плачевно. Он знал по-итальянски не больше десятка слов. Что, если секретарша заговорит с ним на этом языке!

Не в силах сидеть, он опять вскочил и пробежался раза два по кабинету, утирая с лица холодный пот. Вдруг взгляд его упал на превосходные картины, развешанные по стенам, и в ту же секунду он почувствовал, что за ним наблюдает пара черных глаз.

— Питореско э... э каскара саграда! — пробормотал он, не отводя глаз от картин. — Рома. Акрополи. Мультатули!

Поток его восхищений был прерван чистой английской речью:

— Здравствуйте, сэр!

Перед Лепсиусом стояла уже немолодая брюнетка с лицом, до странности похожим на кого-то, кого он знал очень хорошо... но кого? Черт побери, как ни напрягал он свою память, не мог припомнить!

— Я восхищался картинами, хотя душа моя в полном хаосе и смятении, — смущенно пробормотал он, идя навстречу секретарше. — Дорогая мисс или миссис...

— Мисс Кроче. Как итальянка, я понимаю ваш восторг, сэр, но, к сожалению, не знаю родного языка. Что привело вас к профессору?

— Синьорина Кроче, — зашептал Лепсиус, выкатывая глаза из орбит и, насколько это возможно, стремясь достичь максимальной экспрессии, — я его близкий друг! Мы затеяли вместе одно важное дело... одно тайное дело чрезвычайного значения. Оно сорвалось. Если профессор не примет меры, его уберут с пути. Я должен во что бы то ни стало догнать его и предупредить.

Мисс Кроче стала серьезной:

— Опасность грозит ему в Петрограде?

— Именно, именно!

— В таком случае, дорогой сэр, я немедленно устрою вам все документы, и вы завтра утром сядете на пароход.

— Чудесно! — воскликнул Лепсиус.

— Ах, произнесите это по-итальянски! — мечтательно проговорила мисс Кроче, закрывая глаза. — Мне так отрадно слышать родную речь...

— Хипероксидато! — улыбаясь, повторил Лепсиус.

Он чувствовал себя как на рельсах, и тревога его улеглась.

— Но только, сэр, до отъезда вам нельзя больше пока-

зываться в городе. Мы спрячем вас у себя до самого утра.

— Меня ждет автомобиль, — попытался Лепсиус протестовать.

— Вот и отлично! Передайте шоферу, что вы уезжаете и чтобы вас не ждали дома.

Лепсиус сошел вниз, к шоферу. Доверчивые лица привратника и мисс Кроче выглядывали из дверей.

— Передай Тоби и мисс Смоулль, что я уехал на три недели! — величественно сказал Лепсиус шоферу и повернул обратно.

Когда автомобиль скрылся, рябой привратник с грохотом запер дверь.

— А теперь... — произнесла мисс Кроче, обращаясь к слуге, — брось эту жирную свинью в камеру сто тридцать два и мори ее голодом до тех пор, пока она не признается, какая шпионская шайка ее подослала!

В ту же минуту ошеломленный Лепсиус был схвачен за шиворот, и железные руки привратника потащили его по страшному коридору. Как сквозь сон, слышал он визг, вопли и стоны, как сквозь сон, видел мрачные мокрые стены, вдоль которых влекли его вниз да вниз, пока не всунули в страшный склеп, где и бросили на солому.

Привратник дьявольски расхохотался, захлопнув железную дверь, и шаги его смолкли. Лепсиус остался один.

— Дурень! Дурень! Махровый дурень! — шептал он самому себе, остервенело дубася себя в лоб. — Сиди теперь, капуста, клюква, редиска, сиди, околевай!

Злоба на самого себя спасла доктора Лепсиуса от беспробудного отчаяния. Израсходовав на нее весь запас своей нервной энергии, он стал вяло раздумывать о том, что́ предпринять. Как только глаза его освоились с сумраком, он разглядел низкий и страшный склеп, его окружавший. Стены сочились от сырости. Только в одном углу, возле соломы, было сухо, и Лепсиус, начиная чихать и

дрожать, забился в этот угол. Коснувшись ладонью стены, он почувствовал, что она вся в зазубринах и выемках. Лепсиус вытащил свой докторский электрический фонарик, счистил солому и нагнулся к стене. Каково же было его изумление, когда он прочитал великолепно выгравированное письмо:

МОЕМУ ПРЕЕМНИКУ.

ПОДНИМИ БЛИЖАЙШУЮ К СТЕНЕ ПЛИТУ НОЖОМ, КОТОРЫЙ ОСТАВЛЯЮ ПОД СОЛОМОЙ. СПУСТИСЬ. КОПАЙ НА ПОЛ-АРШИНА НИЖЕ. УВИДИШЬ ОТВЕРСТИЕ. ЕСЛИ ТЫ НАБЛЮДАТЕЛЬ, ОТКРЫВАЙ СЕКРЕТЫ, ЕСЛИ ТЫ ТРУС, ПЫТАЙСЯ УДРАТЬ. И В ТОМ И В ДРУГОМ СЛУЧАЕ БЛАГОДАРНО ПОМЯНИ ЗНАМЕНИТОГО

БОБА ДРУКА.

— Это мне нравится! — сказал себе Лепсиус. — Здесь был, по-видимому, человек с очень крепкими нервами. Попробуем!

Он порылся в соломе и без труда нашел нож, которым осторожно поднял плиту. Под ней оказалось земляное отверстие, очевидно прокопанное его предшественником. Он сунул туда ноги с такими телодвижениями, как если б лез в холодную воду. Пол был недалеко. Спустившись в яму, Лепсиус стал рыть землю. Он рыл, как крот, и довольно скоро дошел до отверстия шириной с человеческую голову, а длиной с аршин. Оно было обложено каменной рамой, и сквозь него что-то слабо светилось. Лепсиус опустил над своим тайником плиту, чтоб его не увидели в вырытой яме, и, скрючившись в ней, принялся выглядывать в мерцавшее отверстие.

«Открывай секреты»! Хорошее занятие для человека, приговоренного к голодной смерти. И что тут можно открыть, кроме того, что отверстие выходит в длинный каменный коридор, уходящий в бесконечную даль, превосходно мощенный и залитый тусклым светом лампочек!»

Лепсиус просунул руку и помахал ею в воздухе. Отверстие слишком крепко замуровано, чтоб можно было отсюда бежать. Отчаяние опять овладело несчастным пленником.

— Я пропал! — пробормотал он истерически. — Эта мерзкая мисс Кроче... а, черт, как это раньше мне не пришло в голову!

Лепсиус выпучил глаза и разинул рот. Он вспомнил, на кого была похожа мисс Кроче. Несмотря на цвет волос, некрасивость, худобу, возраст, она безошибочно походила на миссис Элизабет Морлендер — тем страшным сходством, какое бывает у близких родственников.

Пока Лепсиус сидел в яме, пораженный своим открытием, в сумасшедшем доме шли события другого порядка. Взвод полицейских арестовал рябого привратника и мисс Кроче, а судебный следователь с многочисленными спутниками обходил одну за другой страшные камеры. Он заглянул и в № 132, но никого в нем не нашел.

— Молодчага этот генеральный прокурор штата Иллинойс! — пробормотал следователь в результате своего осмотра. — Недаром о нем прокричали газеты.

Глава пятьдесят третья

— Тю! — сказал Ван-Гоп трубочисту Тому с полнейшим презрением. — Тю-тю-тю!

Том только что признался в своей любви к горничной Дженни.

— Это ты от зависти, — пробормотал он, покраснев как рак.

— Тю! — повторил Ван-Гоп еще выразительнее.

— Завидуешь, брат! — настаивал бледный Том, болтая ногами в воздухе.

— Тю-тю! — отчеканил Ван-Гоп.

— А вот посмотрим! — вскрикнул Том, кидаясь к водопроводчику и дубася его по спине.

За стенной обшивкой что-то щелкнуло, и перед обоими драчунами выросла внушительная фигура Тингсмастера.

— В чем дело, ребята? — коротко спросил он, выведя Бьюти из-за стены и сомкнув за собой обшивку.

— Он ругается, Мик! — вскрикнул Том, не переставая угощать Ван-Гопа. — День-деньской только и слышу одни издевки. Сидишь тут в трубе, как оборотень, да еще он тебя обзывает самыми последними словами!

— Тю-тю-тю! — послышалось со стороны Ван-Гопа.

— Видишь! Видишь! — неистово заорал Том, бросаясь на противника с удвоенной силой.

Будь Микаэль Тингсмастер ученым человеком, он сразу открыл бы, что буквы — далеко не самое главное в образовании речи, и мог бы даже написать целый том по-латыни о птичьем и собачьем языке. Но теперь он ограничился тумаком, отбросившим Тома от Ван-Гопа, и пристальным взглядом в сторону того и другого. Том и Ван-Гоп молчаливо почесали затылки.

— Так-то, парни, — произнес он медленно. — Вы чертовски избаловались! Видно, подслушивание да подглядывание портит и нашего брата. Слушайте-ка в оба уха: я с Бьюти отправляюсь на поимку Чиче. Весь наш союз уже оповещен. Коли что случится, вы получите от меня вести. Я установлю здесь приемник и беру с собой батарею.

— Мик! — воскликнули Том и Ван-Гоп в один голос. — Он укокошит тебя, не ходи!

Тингсмастер молча потушил трубку, установил в нише, где помещалась сторожевая будка Ван-Гопа, небольшой приемник и побежал вместе с Бьюти по стенам в верхний этаж «Патрицианы». Том и Ван-Гоп с убитым видом побрели за ним.

Сетто из Диарбекира наслаждался полным покоем. Ни один беглый претендент не тревожил в этот мертвый сезон стен его гостиницы. Даже князь Феофан Оболонкин выехал с дипломатическим визитом к новому алжирскому бею, которого он должен был склонить к открытому выступлению против Советской России, переведя с этой целью на алжирский язык оскорбительные выпады русского писателя Гоголя. Все было тихо и мертво в гостинице, и Тингсмастер без всяких хлопот добрался до комнаты без номера.

Он нажал невидимую полоску, и дверь, запертая изнутри, неслышно открылась. Том и Ван-Гоп вошли за ним.

Комната Чиче казалась еще пустыннее, чем раньше. Слой пыли поднялся на мебели едва ли не выше курса доллара. Ниточка, с которой Мик сорвал недавно камешек фабионита, все еще болталась на занавеске.

— Сдается мне, здесь так никого и не было! — произнес Мик, оглянувшись по сторонам.

Он без всякого труда нашел люк, неслышно приподнял половину и поманил к себе Бьюти.

— Песик, — сказал он, — ты молодцом провела первый рейс, теперь мы должны пуститься во второй. Найди мне человека, которым пахнет это место, слышишь!

Он несколько раз нагнул голову Бьюти к вещам и углам, где мог еще сохраниться запах Чиче, и толкнул ее к отверстию. Но, прежде чем сойти туда вслед за нею, он повернулся к трубочисту и водопроводчику.

— Менд-месс, ребята! — сказал он им серьезно. — Не валяйте дурака.

— Месс-менд, Мик! — с жаром ответили оба.

Тингсмастер махнул им рукой и исчез в люке. Собака дожидалась его, взволнованно дыша и высунув язык.

Они были в потемках длинного ступенчатого коридора, выложенного ровными каменными плитами. Тингсмастер засветил ручной фонарь и двинулся вперед, придерживая Бьюти за ошейник. Бесконечный ход снижался все больше да больше и наконец превратился в туннель, изредка расширявшийся в полукруглую нишу. Они пробирались вперед, не слыша ни малейшего звука, пока нога Микаэля не наткнулась на что-то. Он издал изумленное восклицание.

Это был рельс. По туннелю проходила одноколейная дорога.

Мик опустился вниз и тщательно изучил рельс, рассмотрел гайки, винты, гвоздики. Работа была старая, крепкая и не американских заводов. Тогда он двинулся дальше, время от времени поглядывая на часы. Черт побери! Они шли уже без малого полдня, а впереди темнела все такая же дыра туннеля, уходящая в бесконечность, и если б оттуда показался таинственный вагон, и Мик и Бьюти были бы раздроблены.

Выбившись из сил к десятому часу пути, Тингсмастер залез в нишу, достал кусок хлеба и принялся за еду. Бьюти, нисколько не утомленная, уселась возле него, вертя хвостом, и ловя куски из рук хозяина.

— Мы, должно быть, уже за городом, Бьюти, — задумчиво сказал Мик. — Таких вещей, как этот туннель, спроста не строят. Мы с тобой охотимся за крупным зверем.

Поев и отдохнув, они двинулись дальше. Однообразие пути уже начинало утомлять Микаэля до дурноты, как вдруг он увидел, что туннель делает крутой поворот и колея внезапно обрывается. В ту же минуту Бьюти опередила его, повернула к нему голову с умным, зазывающим

взглядом и бесшумно бросилась вперед Он со всех ног побежал за ней.

Каково же было его удивление, когда за поворотом он увидел, как собака неистово кидается на стену, повизгивает и машет хвостом. Подойдя к ней, Тингсмастер почувствовал судорожное пожатие чьей-то руки, и хриплый голос произнес близехонько от него:

— Рад вам несказанно, сэр! Счастливая и спасительная встреча!

Мик тщетно искал глазами человека, произнесшего эти слова, пока не заметил скрытого в стене отверстия длиной не больше аршина. Снаружи его не было видно вовсе, и, если б не Бьюти, Мик спокойно миновал бы его. В отверстии виднелась растерянная и всклокоченная голова толстого человека, бледного и дрожащего, как в лихорадке, и его просунутая рука.

— Я в плену, сэр! Заперт в сумасшедшем доме! Умоляю вас всеми богами, сэр, освободите меня!

Тингсмастер молча осмотрел дыру, вынул лом и с полчаса работал над кирпичами. Вынув один, он принялся расшатывать другие, пока не образовал дыры, достаточно широкой, чтобы пропустить доктора Лепсиуса со всеми его принадлежностями.

— Уф! — пробормотал толстяк, вываливаясь в туннель. — Благословен будь этот Боб Друк и на земле и на небесах, если он уже не нуждается во врачебной помощи. Спасибо вам, сэр! Спасибо вашей собаке! Я доктор Лепсиус.

— Ладно! — ответил Тингсмастер, критически оглядев своего компаньона. — Вы говорите о Друке. Кто это такой?

— Мой предшественник по камере, выкопавший это отверстие.

Мик задумался. Он понял теперь, как письмо Друка очутилось на шее его собаки.

— Идемте с нами, — обратился он к Лепсиусу решительно. — Мы в погоне за крупным негодяем. Вам ничего не остается, как усилить нашу партию.

Доктор Лепсиус почистил фалды своего костюма, пригладил волосы, надел перчатки и философски ответил:

— Я тоже охотился за преступником. Надеюсь, сэр, что в дальнейшем это дело пойдет у меня удачнее.

Они опять двинулись по туннелю, изредка обмениваясь односложными словечками. Бьюти весело бежала вперед. Дорога была ей, по-видимому, хорошо знакома и не скрывала в себе ничего страшного. Изредка собака останавливалась и поглядывала на своего хозяина умными черными глазами.

Пройдя шагов сто, они снова запнулись о колею. На этот раз Тингсмастер вынул лупу и пристально изучил обе стены с правой и с левой стороны. Но все его поиски оказались тщетными: в стенах не было ни щелей, ни скважин, ничего похожего на скрытые двери в депо или гараж.

— Куда девается вагон, черт побери? — спросил он себя. — Сэр, пока вы сидели у своей лазейки, вы не заметили проходивших тут поездов или вагонов?

— Ни звука, ни шороха, ни шелеста! — воскликнул Лепсиус. — Лай вашей собаки был первой живой вестью.

— Странно! — пробормотал Тингсмастер.

Еще два часа — и у них подкосились ноги. Забравшись в нишу, Мик и Лепсиус поели хлеба и мирно заснули, в то время как верная Бьюти караулила их, бегая взад и вперед по туннелю.

Проснувшись, Тингсмастер мгновенно вскочил с места.

— Бегом! — скомандовал он доктору, и толстяк без малейшей досады засеменил за гигантом вдоль бесконечного коридора.

Колея прекратилась опять. На этот раз Мик уловил странные отзвуки в стене, показывавшие пустоту. Но он недолго интересовался этим.

— Мы спускаемся, взгляните-ка! — шепнул он, показывая на туннель.

И действительно, дорога круто спускалась вниз. Со стены начала сочиться вода. Отверстие туннеля становилось всё у́же и у́же, до тех пор покуда не превратилось в цилиндрическую дыру. Бьюти как ни в чем не бывало взмахнула хвостом и поползла вперед. Тингсмастер стал осторожно ползти вслед за нею, а за ним, тяжело отдуваясь, втиснулся в дыру и Лепсиус.

Здесь было трудно дышать. Металлические стены цилиндра казались сильно нагретыми. Откуда-то доносились какие-то странные, ритмические звуки. Вдруг собака схватила зубами металлическое кольцо, с силой рванула его, и в ту же минуту она, Тингсмастер и Лепсиус, как из пневматической пушки, были выброшены из своего цилиндра куда-то вниз, а отверстие сейчас же захлопнулось за ними со скользящим звуком.

При падении их друг на друга раздался страдальческий стон. Тингсмастер ощупал доктора Лепсиуса, Лепсиус ощупал Тингсмастера, оба ощупали собаку, — целехоньки!

— Кто простонал? — в один голос спросили они друг друга.

— Я! — ответил кто-то в углу до жути знакомым голосом.

Это не был ни Лепсиус, ни Тингсмастер.

В ту же секунду Тингсмастер засветил фонарь, уронил его вниз и с криком кинулся в угол:

— Биск! Дружище!

— Мик! Менд-месс!

Прошло полчаса, прежде чем оба друга пришли в себя и смогли наконец пуститься в расспросы. Тем временем Лепсиус обозрел пространство при помощи оброненного Миком фонаря и, найдя большую кадку с сухарями, принялся безмятежно за подкрепление.

— Мы на «Торпеде», — шепотом заговорил Биск. — У меня переломлены обе ноги и рука, но, по счастью, уже срастаются. Ты выловил из бутылки мое донесение?

— Нет, я получил девять голубей сразу, — ответил Мик, — и понял, что с тобой случилось несчастье.

Биск вкратце рассказал ему обо всем, что нам уже известно из его дневника. А потом докончил свой рассказ:

— В ту минуту, дружище, я думал, что часы мои сочтены. Я схватился за край отверстия, выбросил бутылку в воду, и вдруг оно втянуло меня, будто в воронку, закрутило по зубьям и переломало порядком кости. Не будь я Биск-шотландец, оно, должно быть, сделало бы из меня котлету. Только каким-то чудом я зацепился за стержень и был сброшен в этот угол с переломанными ногами. Дня три я истекал кровью. Здесь никогда не бывает света. Раза два тут хлопали тайники и мимо прошмыгивал кто-то, по счастью меня не заметивший. Один раз из тайника выскочила собака. Она зализала мне раны, высосала мне язвы, нашла сухари и воду, притащила их ко мне, сухари — в зубах, а воду — на языке. Не будь так темно, я мог бы ее разглядеть. Честное слово, мне показалось, что это Бьюти! Я оторвал лоскут от рубахи, написал в темноте своей кровью:

БИСК. ТОРПЕДА

и навязал ей лоскут на лапу. С того дня и началась моя поправка, Мик! Потом как-то, когда качка прекратилась и я понял, что мы остановились, с воронкой стало что-то приключаться: она задвигалась, завертелась, собака кинулась к ней и исчезла в дыре. Да, Мик, я прозакладываю голову, что это была мертвая собака капитана, завывавшая весь наш рейс внизу под палубой!

— Это была Бьюти, дружище! — весело воскликнул Мик. — Она-то и доставила нам твой лоскут. А теперь мы с тобой поохотимся на Чиче!

— Какой там Чиче... — тихо произнес Биск, и голос

его дрогнул. — Помяни мое слово, Мик, главный преступник — не кто иной, как рыжий капитан Грегуар!

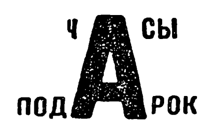
— Ну, извините! — спокойно процедил Лепсиус с торчащим изо рта сухарем. — Я слышал все ваши речи, друзья мои. Я скомбинировал факты. Пари на сто против одного, что главный преступник — профессор Хизертон!

Не успели еще прозвучать эти слова, как собака судорожно взвизгнула. Под ними начались ритмические содрогания; весь их тайник пришел в мерное движение.

— «Торпеда» тронулась! Мы опять поплыли! — горестно воскликнул Биск.

И в то время как эти трое вместе с собакой пустились в далекое путешествие, не подозревая куда, — наверху, в одной из кают «Торпеды», ехал в Кронштадт молчаливый и важный генеральный прокурор штата Иллинойс — мистер Туск, оставив спасенного им Друка на попечение счастливой матери. Он прошел в свою каюту не замеченный никем. За все время плавания он ни разу не показался на палубе. И, что всего удивительнее, его ни разу не видел даже сам капитан Грегуар.

Глава пятьдесят четвертая

— Ну, а теперь можно и доложить, — сказал себе Сорроу, тщетно прождав Лори, Нэда и Виллингса.

Лихорадка совершенно покинула его, высыпав наружу, как это всегда с ним бывало, болячками и язвами.

Заклеенный пластырями, но веселый и довольный, Сорроу вышел из своего жилища и заковылял к Петро-

совету. Вечером должно было состояться торжественное заседание, на котором оглашено будет соглашение с Америкой о торговле. И тогда же будет поднесена штучка... Сорроу знал, что карты в руках Кресслинга перепутались и прямая опасность русским друзьям не угрожает, но куда девалась эта штучка? И кто будет ее подносить? И где молодой Морлендер и Вивиан Ортон? На все эти вопросы он не имел ответа. И нужно было похлопотать, чтоб выпустили на свободу ребят.

Однако у дверей Петросовета его ждала неожиданность. Высокий милиционер, стоявший у входа, коротко объявил ему, что заседание уже состоялось.

К десятку вопросов, мучивших Сорроу, прибавились новые. Когда и почему перенесли заседание? Что произошло на нем? Поднесена ли штучка?

Побродив без толку по улицам вокруг Петросовета, Сорроу решился наконец заглянуть в дом на Мойка-стрит, где жил мнимый Василов. Но и тут было безлюдно и безмолвно. У дверей уже не сидел веселый чистильщик сапог, на лестнице ему никто не встретился, на дверях комнаты Василова висел замок.

Сорроу нахмурился и медленно вышел на улицу. Неизвестно, куда бы он делся, если б вдруг веселое «Менд-месс» не раздалось возле его уха и улыбающаяся рожица Лори, порядком раздобревшего на тюремных хлебах и от тюремного бездействия, не вынырнула из-за его плеча.

— Месс-менд! — быстро ответил Сорроу, не сдерживая своей радости, — Откуда ты? Где прочие?

— Я за тобой, старина, бегаю по всему Петрограду. Нюхом догадался, куда ты пойдешь. Шагай побыстрее, нас ждут у товарища Реброва, а доро́гой я тебе буду рассказывать все как есть, по-газетному, вроде романа с продолжением...

И пока они шагали по улицам, Лори Лен — почти бегом, а Сорроу — вприпрыжку, едва поспевая за ним, —

Лори со вкусом и толком рассказал ему о происшествии на Аэро-электроцентрали, о загадочном четвертом Василове.

— Мы малость применили к нему ручной способ, Сорроу. Конечно, если смотреть с точки зрения арифметики, нас трое, а он один. Может, это и неправильно в сумме. Но мы, Сорроу, старичина, посмотрели с другой стороны. Кусался он изрядно. А все-таки я выудил у него, какому богу он молится, да и нетрудно было понять... Ну-с, на допросе мы все втроем повинились в маскараде и так далее. Русские товарищи, Сорроу, вдоволь нахохотались с нами. А потом все было как по писаному. Приехали мы в одно место, а там уже стоит наша штучка в ящике, и оба налицо — мисс Ортон и Морлендер...

Но тут они дошли до места, и Сорроу, сделав Лори красноречивый знак убрать язык за зубы, быстро, как молодой, взбежал вверх по лестнице.

Лори был прав. Молодой Морлендер и Вивиан, как только затекшие члены их стали способны к движению, вдвоем выбрались тихонько из окна своей тюрьмы, спустились по крышам на улицу и в полном изнеможении добрались до квартиры Реброва. Выслушав, их накормили, напоили, растерли спиртом, уложили отдохнуть, а через полчаса рослые красноармейцы, обыскавшие пустую квартиру мнимой нищенки, доставили оттуда и ящик с часами. Крупный специалист, руководимый советами Нэда и Виллингса, распаковывал его, когда Сорроу в сопровождении Лори ворвался в комнату.

Ребров, уже знавший его понаслышке, крепко пожал руку знаменитому рабочему-изобретателю.

— Осторожней, друзья! — крикнул Сорроу, приблизившись к ящику. — Мы, правда, сделали что могли, но все-таки...

— А что вы сделали? — спросил специалист, медленно отвинчивая резной футляр часов.

— Намудрили малость, — сконфуженно ответил Сорроу. — Есть такое древнее выражение насчет бдительности. Так вот, мы его фонографически присоединили к бою, а бомбу, разумеется, вынули.

— Вы думаете, что вынули? — сказал специалист, рукою в резиновой перчатке быстро оборвав какой-то шнурок в часах. — Ну, если вынули, кто-то вложил ее обратно. Скорей ведро с песком! — Он вытащил из-под циферблата часов совсем маленький, компактный механизм с металлическим колпачком, под которым болтался оборванный шнур, и с величайшей осторожностью опустил его в песок. — Отправьте это к нам в лабораторию!

Те же красноармейцы, что принесли ящик, взяли ведро с закрытым в песке механизмом и быстро вынесли его из комнаты.

— Ну, а теперь, — сказал Ребров, — действуйте вы, товарищ Сорроу. Покажите нам, какую штуку вы вставили в этот милый подарочек капиталистов.

Сорроу торжественно подошел к часам. Они стояли сейчас, ничем не прикрытые, во всей удивительной красоте своей резьбы, сияя глубоким лаком своих стенок драгоценного бразильского дерева. Старый мастер нащупал завод, поставил стрелку на двенадцать, сделал несколько поворотов — и ясный, отчетливый, громкий голос произнес в полнейшей тишине по-латыни:

«Тимео данаос эт дона ферентес!»

— «Опасайся данайцев и дары приносящих!» — перевел Ребров расхохотавшись. — Дорогие друзья мои, ваше предупреждение очень кстати! И часы — великолепные часы, удивительная работа! — выдав свой секрет, будут служить нам и работать на нас так же верно, как работает на нас с вами само Время!

Глава пятьдесят пятая

Съезд психиатров

Спокойно и без всяких приключений прибыв на «Торпеде», мистер Туск спустился по трапу на русскую землю. По-видимому, он был знаком с этой страной, потому что без особого труда нашел себе удобную комнату в гостинице.

Далеко не так комфортабелен был выход на берег Мика, Лепсиуса и Биска. Шотландец, превесело ковыляя на своих заживших ногах, упражнялся в ходьбе между пустыми бочками пароходного трюма, когда «Торпеда» начала замедлять ход.

— В цилиндр! — воскликнул Биск.

И друзья едва успели один за другим ринуться в цилиндр, как он завертелся наподобие воронки, и воздух с невероятной силой выбросил их в открывшееся отверстие вместе с мусором, жестянками и бумажками, сухарями и окурками, скопившимися на его дне. Залепленные ими с головы до ног, наши путешественники очутились на дне деревянного колодца, снабженного почти отвесными ступенями. Держась за кольца, они поползли наверх, предводительствуемые умной Бьюти. Спустя десять минут она выпрыгнула на землю.

Они находились в топкой, малозастроенной местности, неподалеку от гавани. Здесь доктор Лепсиус выразил твердое намерение обчиститься, а Биск — определить при помощи компаса широту и долготу.

— Вздор! — ответил Мик. — Мы в Петрограде. Времени терять нечего. Взгляните-ка на собаку, как она пля-

шет и волнуется! Я дам ей хорошую понюшку, и пусть она приведет нас к Чиче.

С этими словами он вынул из кармана платок, натертый о половицы в номере «Патрицианы», и приложил его к самому носу Бьюти. Собака фыркнула, ощетинилась и стрелой понеслась по улице.

— Эй! — заорали наши путешественники, кидаясь вслед за нею и оставляя за собой прихрамывающего Биска.

Но догнать Бьюти было трудновато. Они мчались по улицам Петрограда с быстротой молнии, не обращая внимания на свистки милиционеров, и, наверно, задохнулись бы, если б Бьюти не остановилась у дверей красивого дворца, украшенного саженными афишами:

СЪЕЗД ПСИХИАТРОВ
ОТКРЫТИЕ

1. **Приветственные речи**
2. **Доклад профессора Бехтерева**
3. **Доклад профессора Хизертона**

— Черт побери! — проворчал Лепсиус, приближаясь к афишам. — Уж не цирк ли это и не завела ли нас Бьюти к своим четвероногим приятелям?

— Собака не из таковских, — ответил Мик. — Нам нужно обдумать, что предпринять.

— Нечего и обдумывать! — возразил Лепсиус, лингвистические способности которого на этот раз оказались на высоте. Он успел разобрать афиши и торжественно обернулся к Тингсмастеру: — Друзья мои, здесь стоят надписи на всех языках, даже на итальянском. В этом дворце — съезд психиатров! Здесь выступает профессор Хизертон! Дождемся где-нибудь в гостинице, пока конгресс откроется, и ручаюсь вам, что туда пройдем!

Через два часа, приняв приличный вид и держа Бьюти на цепочке, они уже стояли вместе с успевшим догнать их Биском перед входом во дворец.

— Профессор Лепсиус! — произнес толстяк, подходя к привратнику и тыча ему свои документы. — Меа мекум. Ассистенты! — С этими словами он указал на Биска, Тингсмастера и Бьюти.

— Собаку пропустить нельзя, — твердо отрезал привратник. — Иди сюда, пес! Иди, голубчик, посиди у меня в чулане.

— Это подопытная собака, питомец вашего ученого Павлова, — не менее твердо заявил Лепсиус. — Ее необходимо иметь на докладах.

Привратник, почесав затылок, пропустил всю компанию, а Бьюти дружески помахала ему хвостом.

— Вы оказались нелишним человеком, доктор, — не без уважения шепнул ему Тингсмастер, — только помните: пока вы там будете охотиться на вашего Хизертона, я должен словить моего Чиче.

— А я — моего Грегуара! — вмешался Биск.

Съезд психиатров был уже в полном разгаре, когда наши трое путешественников смешались с толпой и быстро протолкнулись к эстраде.

Несмотря на дневной свет, зал был залит сотнями электрических ламп. С обеих сторон партера шли нарядные ложи дипломатических представителей. В партере собрался весь цвет русской науки. В коридорах и проходах толпилась учащаяся молодежь. А на эстраде, богато декорированной зеленью и портретами, стоял длинный стол, за которым профессор Бехтерев только что приступил к докладу.

Тингсмастер внимательно оглядел зал. Его голубые глаза переходили от лица к лицу, как вдруг кто-то шепнул ему:

— Менд-месс!

— Месс-менд! — ответил он вздрогнув.

Техник Сорроу, весь покрытый плохо зажившими болячками от своей болотной лихорадки, тощий и бледный, положил ему руку на плечо.

— Вот уж не знал, что встречу тебя, старина! — шепнул он взволнованно. — Сегодня разрядили нашу бомбочку, известную тебе, дружище. Ну, и не солоно же хлебали господа фашисты! Мы с ребятами тоже малость поштурмовали их...

— Где Чиче, Сорроу?

— Увидишь, Мик, — спокойно ответил Сорроу.

Тингсмастер внимательно обвел глазами публику.

В третьем ряду партера, рядком и рука об руку, сидела бледная пара: Артур Морлендер с седой прядью в волосах и исхудавшая Вивиан. Голубые глаза Мика скользнули и по этим двум лицам. Он хотел что-то шепнуть Сорроу, но в ту же минуту зал задрожал от бурных аплодисментов: Бехтерев кончил свой доклад. Он встал, склонил перед собранием львиную голову и удалился с эстрады.

Распорядитель съезда вынес для следующего оратора новый стакан чая, сдвинул стулья, потом произнес на нескольких языках:

— Сейчас предстоит доклад профессора Хизертона о перерождении нервных центров под влиянием гипноза.

Прошло несколько томительных минут. Мик Тингсмастер невольно покосился на Лепсиуса. Толстяк стоял, вперив глаза в эстраду, и не замечал ничего и никого. Ноздри его трепетали, зрачки сузились, как у ищейки.

Еще несколько секунд, и раздались тихие старческие шаги. Перед ними выросла небольшая фигурка профессора Хизертона, седого как лунь, заросшего снежно-белой пушистой бородой, розового, как младенец, веселого, милого кроткого старичка, устремившего в зал немного рассеянный, из-под нависших бровей, добродушный взгляд ученого. Неистовые аплодисменты раздались в зале.

Биск фыркнул и дернул Лепсиуса за фалду. Толстяк продолжал, однако же, глядеть на бедного профессора в сердитом отчаянии. Он был разочарован, разбит, уничтожен.

Профессор обвел зал глазами и начал тихим, шамкающим голосом свой доклад. Напротив него, в пустовавшей до сих пор ложе для иностранных гостей, медленно раскрылась дверь. Один за другим вошли туда сенатор Нотэбит с дочерью, банкир Вестингауз и несколько американских заводчиков, на мгновенье притянув к себе взгляды всего зала. Было ясно, что иностранные гости чем-то обеспокоены и выведены из строя. Вестингауз был бледен и едва успевал подхватывать свой монокль, то и дело падавший вниз. Ему явно не хватало воздуха, и он часто дышал. На лицах американских заводчиков было недоумение; они молчаливо переглядывались.

— Видно, дошли слухи о бомбочке! — шепнул Сорроу Тингсмастер, указывая на них бровями.

Но в эту минуту кудрявая дочь сенатора, с любопытством глядевшая в зал, вдруг отчаянно вскрикнула:

— Маска! Маска!

Вслед за нею раздался писк банкира Вестингауза:

— Виви! Виви!

Эти крики, скандализовавшие ученую публику, странно потрясли розового, благодушного старичка на эстраде. Он прекратил шамкать. Зрачки его вперились туда, куда, свесившись из ложи, глядели Вестингауз и Грэс, странно расширились и неподвижно уставились на бледную пару. И в то же мгновенье, судорожно дернув руками, профессор Хизертон упал в обморок.

Распорядитель кинулся к нему со стаканом воды. Профессора подняли и посадили в кресло. Но все попытки привести его в себя были тщетны: он дрожал, бессмысленно блуждая глазами, не отвечал на вопросы и не проявлял ни малейшего намерения продолжить доклад.

Лицо Тингсмастера, следившего за этой сценой, стало серьезным. Он поглядел на доктора Лепсиуса. Но тот уже выработал план действий.

Застегнувшись до самого подбородка и достав из кармана пачку каких-то бумаг, он твердыми шагами направился к распорядителю и сказал ему шепотом несколько слов. Распорядитель помог ему взобраться на эстраду, записал себе в книжку его фамилию и обратился к публике:

— Профессору Хизертону дурно, он, к сожалению, не в силах закончить свою речь. Вместо него известный клиницист Америки доктор Лепсиус сделает доклад об открытой им Vertebra media sine bestialia[1].

В ту же минуту толстяк выкатился на край эстрады. Он стал возле кресла профессора Хизертона, обвел публику горящим взглядом и потряс в воздухе кипой бумажек.

— Леди и джентльмены, — вскричал он звонким голосом, — я ждал этого часа всю мою жизнь! Я ждал часа, когда я смогу изложить мое открытие перед собранием мировых ученых и продемонстрировать его на живом объекте. Все подобралось наилучшим образом: и собрание, и ученые, и даже объект! Позвольте мне не торопиться, леди и джентльмены! А вам позвольте посоветовать быть очень внимательными, сугубо внимательными, ибо то, что я вам скажу, должно потрясти все человечество!

Речь эта ничуть не походила на ученый доклад. Но в голосе Лепсиуса была такая сила, толстое лицо его так внушительно преобразилось, что спокойная и нарядная публика сдвинулась плотнее с непонятным для нее возбуждением. Даже Сорроу, Биск и Тингсмастер устремили на него глаза. Даже Артур Морлендер, сжав тихонько руку Вивиан, шепнул ей:

— Добрый старый Лепсиус тоже очутился здесь!

Даже стальные глаза генерального прокурора Илли-

---

[1] Средняя точка позвонка, названная Лепсиусом «звериной».

нойса остановились на Лепсиусе с чем то вроде дружелюбия. Один только профессор Хизертон лежал в своем кресле, тяжело дыша и ни к чему не проявляя никаких признаков интереса.

— Я начну издалека... — продолжал Лепсиус. — Много лет назад, еще молодым врачом, я попал на аристократический европейский курорт на практику. Здесь я познакомился с моим первым пациентом, бежавшим от революции министром. Его изгнал народ несколько лет назад. С тех пор он скитался по чужим землям, ел и пил непривычную для него пищу и не видел вокруг себя той обстановки, которая держит человека, как вспаханная и удобренная земля держит растение, и называется родиной. Он жаловался с некоторых пор на легкую хромоту и небольшую боль в позвоночнике. Я лечил его массажами, ваннами, водами. Это не помогло. Тогда я тщательно исследовал его позвоночник. Меня поразило, господа, ничтожное пятнышко, припухлость, едва прощупывавшаяся внизу позвонка, и странный бугорок между третьим и четвертым ребрами, заставлявшие моего пациента как-то низко держать плечи Потеряв его из виду, я забыл этот случай.

Практика моя росла. Мне пришлось почти сплошь работать среди высших классов. Меня вызывали на диагноз в Европу к коронованным особам. Приезжавшие в Америку аристократы лечились исключительно у меня. Среди моих пациентов было множество так называемых «претендентов» — людей, нашедших поддержку у капиталистов Америки и желающих с ее помощью вернуть себе потерянное ими положение на родине. Все эти люди стремились к власти вопреки воле большинства своего народа. И, как это ни странно, среди них я набрел еще на несколько случаев вышеупомянутой припухлости и бугорка Симптомы были все одинаковы. Больные жаловались на одно и то же Лечение не помогало Почти всегда я наблюдал неуловимые изменения в структуре позвоночника.

Мне пришлось наконец сделать два вывода: что означенные симптомы встречаются исключительно среди того класса людей, кто длительно пребывает вдали от привычного питания и в страхе перед народом. Они, эти симптомы, являются редчайшей формой дегенерации. Какой? Отныне вся моя жизнь была посвящена искомому ответу. Но я лишен был возможности клинически изучить моих высокопоставленных пациентов.

Тогда, леди и джентльмены, мне посчастливилось получить стационарного больного. Он не был сам из числа изгнанных властителей. Это был капиталист, человек, являющийся главной опорой беглых претендентов, делающий на их реставрации крупные ставки. И, как это ни странно, я нашел у него те же симптомы! Плечи его с каждым годом опускаются все ниже. Голова его с величайшей неохотой занимает вертикальное положение, и я не могу никакими соблазнами заставить его глядеть вверх.

В то же время, леди и джентльмены, руки моего пациента стали резко видоизменяться. Сперва они были только сильно подагрическими в суставах, потом я заметил, что утолщения начинают превышать обычную человеческую норму.

Здесь, господа, я хотел бы сделать остановку и иллюстрировать дело примером. Но сначала коротко об одном общем психологическом состоянии, которое предшествовало у моего пациента началу болезни. Оно совпадает с общими симптомами начального заболевания и у претендентов. Это — сильный, видимо, непереносно сильный для нервной системы ужас — ужас перед неизбежностью коммунизма! Перехожу к примеру...

Доктор Лепсиус сильно вздохнул, горящим взглядом обвел безмолвный зал, слушавший его затаив дыхание, и, как бы случайно, взял безжизненную руку профессора Хизертона. Рука была в черной перчатке.

Он дружески похлопал по ней, подняв ее кверху, и стал стягивать с нее перчатку. Один, другой, третий палец... Над публикой с эстрады вознесено нечто странное, долженствующее означать человеческую руку.

Глава пятьдесят шестая

ТАЙНА ДОКТОРА ЛЕПСИУСА

В зале пронесся шепот ужаса. Все как один не отрываясь глядели на перепончатую конечность, сильно распухшую в суставах, омерзительно цепкую и деформированную.

— Эта рука, — продолжал доктор Лепсиус сильно дрогнувшим голосом и побледнев, как смерть, — эта рука превзошла все мои ожидания. Она показывает такую степень дегенерации, которой мне еще не приходилось наблюдать в натуре! Я прошу поэтому у почтенного собрания разрешения демонстрировать этого старца целиком!

Распорядитель, окаменев от ужаса, не произнес ни слова. Кое-кто в зале встал с места. Женщины были близки к истерике.

И как раз в эту минуту на лице профессора Хизертона появились признаки оживления. Блуждающие глаза стали сознательней. Взгляд его упал на собственную руку, и в нем сверкнул страх. Зубы его щелкнули, скулы обтянулись. Вырвав руку у Лепсиуса, Хизертон вдруг подпрыгнул и вцепился ему в грудь.

Толстяк вскрикнул, в зале раздался стон. Два рослых

милиционера, вынырнув из-под эстрады, оттащили профессора Хизертона от Лепсиуса. Несмотря на их рост и мускулы, они с трудом удерживали этого небольшого человечка.

— Продолжайте! — крикнул кто-то из зала. — Теперь уже нельзя остановиться на середине!

— Я продолжаю... — с трудом ответил Лепсиус, вытерев холодный пот с лица. — Я продолжаю и докончу. Этот профессор — не профессор! Он не может быть работником умственного труда. Он — из тех, кого не хочет держать земля его родины, из тех, кто служили мне объектом для наблюдений!

С этими словами Лепсиус решительно подошел к Хизертону, схватил его за белоснежную шевелюру — и сдернул ее. Зал вскрикнул. На месте старца в руках милиционеров бился ярко-рыжий человек средних лет. Борода его упала на пол.

— Капитан Грегуар! — завизжал Биск, ринувшись к эстраде. — Убийца! Держите его!

Но Биска не допустили наверх. Железные пальцы Тингсмастера сжали ему руку.

— Смотри и слушай! — шепнул он ему повелительно. — Дойдет очередь и до тебя

Между тем Лепсиус, бросив белый парик наземь, бесстрашно схватился и за рыжий Секунда — и вместо рыжего человека перед залом бился бледный брюнет с перекошенным лицом, с бескровными губами и сверкающими глазами.

— Грегорио Чиче! — вскрикнул на этот раз сам Микаэль Тингсмастер.

Наступила жуткая тишина.

— Дамы, удалитесь! — потребовал Лепсиус. — Милиционеры, разденьте его.

Переводчик быстро перевел приказание Лепсиуса. Но никто не хотел удалиться, а милиционеры в одну минуту

стащили с Чиче одежду, оставив его в одном белье. Теперь им на помощь подошли еще двое. На голову Чиче накинули мешок.

— Поверните его спиной к публике! Вот так. Обнажите спину до пояса!

Милиционеры что-то замешкались.

— Леди и джентльмены, — продолжал Лепсиус свою речь, — я должен открыть вам теперь, в чем сущность отмеченной мною дегенерации. Кое-кто из вас читал, вероятно, старого немецкого философа времен Гёте — некоего Гердера. В своих возвышенных писаньях о человечестве он, между прочим, проводит мысль о вертикальном строении человеческого позвоночника в противоположность горизонтальному звериному. И вот, открытый мною бугорок оказался деформированной точкой хребта. Это — Vertebra media sine bestialia. Это начало роста позвоночника не по вертикали, а по горизонтали, как у зверей. Взгляните вот сюда... — Он быстро повернулся к Чиче и вдруг вскрикнул: — Черт побери, да что это такое?

— Не знаю, сэр... — пробормотал переводчик, стоявший возле милиционеров, трясущихся от страха. — На нем что-то железное, сэр. Это не сдернешь с тела.

Спина оголенного человека была в железном футляре.

Лепсиус кинулся к нему, заглянул во все стороны, нашел металлические пряжки, какие бывали на старых книжных фолиантах, и лихорадочно начал их отстегивать. Одна, другая, третья...

— Снимайте футляр!

Милиционеры рванули, на минуту выпустив Чиче. В ту же секунду потрясающий вопль вырвался из тысячи уст. На стол прыгнул зверь с изогнутым, как у кошки, хребтом. Он соскочил со стола в зал и на четвереньках понесся, едва касаясь пола, к выходу.

— Держите его! — истерически крикнул Лепсиус. — Это бесподобный, законченный объект!

Но ни одна душа не могла бы задержать Чиче. Толпа с воплем шарахнулась от него, и он мчался к свободному проходу до тех пор, пока громовый голос Тингсмастера не крикнул:

— Бьюти!

Тогда наперерез бегущему Чиче выросла белая фигура собаки. Бьюти, рыча, пересекла ему путь, но тут произошло нечто непостижимое. Шерсть на собаке стала дыбом, пасть ее жалобно оскалилась, она затряслась и отступила.

Проход был свободен. Чиче прыгнул к дверям мимо шарахнувшейся от него в смятении толпы. Еще секунда — и ночной петербургский сумрак поглотил бы его. Но тут в воздухе просвистела пуля. Красноармеец, неподвижно стоявший у запасного выхода, спокойно опустил к ногам дуло своего ружья. Полузверь-получеловек с пробитым пулей черепом рухнул на пол, не добравшись до двери.

Никто в течение нескольких секунд не был в состоянии ни говорить, ни сдвинуться с места.

Наконец раздался спокойный голос Тингсмастера:

— Тот, до кого побрезгал дотронуться зверь, перестал существовать, товарищи! Но еще не вымерли те, кто не брезгают пользоваться такими, как он!

— Вот именно! — ответил чей-то стальной голос.

К эстраде приблизился новый оратор. Он взошел на нее. Он оглядел публику серыми глазами, на мгновение задержавшись на мнимой чете Василовых. Но Артур и Вивиан не выдержали перенесенных страданий и пережитого ужаса, они оба лишились сознания.

— Я генеральный прокурор штата Иллинойс, — отчеканил незнакомец, отстраняя рукой кинувшегося к нему Лепсиуса. — Я послан сюда, чтобы задержать опасного преступника. Но я был сейчас в публике, и я шарахнулся вместе с нею, дав ему бежать. Если б не точная пуля этого спокойного молодого человека, вряд ли мы хорошо спали бы сегодня.

В зале уже поспешно, под присмотром взволнованного Лепсиуса, убирали труп Чиче.

Незнакомец продолжал:

— Вы видели перед собой одного из величайших преступников эпохи. Он неизвестного происхождения. Его зовут Грегорио Чиче. Родная страна с отвращением свергла его власть и выгнала из своих пределов. Но нашлись люди, поднявшие на щит этого человека. Они дали ему власть и деньги, помогали изменять обличья, убивали его руками. У этого человека было множество адресов. Он и польский аптекарь Вессон из города Пултуска, составитель и продавец страшнейших ядов. Он и рыжий капитан Грегуар, хозяин парохода «Торпеда». Он и преступный профессор Хизертон, гноящий в своем сумасшедшем доме под Нью-Йорком десятки здоровых, но неугодных коекому людей. В конторах, банках, армии, церкви, в лучших кварталах и последних кабачках он имел своих помощников. Его магнетическая сила велика. Его хитрости неисчислимы. Он сам пускал слух о себе, как о потомке Калиостро. И все-таки он не хозяин, а только наемник, такой же, каким был Калиостро при королевских дворах. И можно сказать одно: те, кто пользуются им, — хуже и страшнее, чем он.

Сказав это, незнакомец очень медленно сошел с эстрады, догоняемый дрожащим Лепсиусом Внизу, в толпе, толстяк схватил его наконец за фалды и с жаром упал ему на шею.

— Тсс! — произнес генеральный прокурор, приложив палец к губам. — Молчите! Позаботимся прежде всего об этих двух. — И он показал на Артура Морлендера и Вивиан, лежавших в глубоком обмороке.

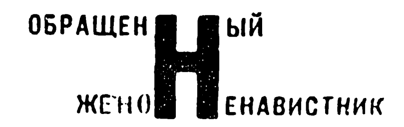
Вдвоем они вынесли их обоих из зала, подозвали автомобиль, уложили молодых людей на сиденье, вскочили сами, и прокурор назвал шоферу одну из петроградских гостиниц.

Молчаливо расходился народ со съезда Ложа с иностранцами опустела уже давно. Тингсмастер, Сорроу, Биск побрели в гавань, к скромному жилищу Сорроу. Бьюти медленно следовала за ними Шерсть ее все еще стояла дыбом, а хвост был судорожно поджат между задними лапами.

— Дело-то кончилось благополучно, Мик, — тихо сказал Сорроу, — а все-таки жутко на душе, когда подумаешь, что те, кто стоят за Чиче, еще целы и невредимы.

— Да, — ответил Тингсмастер. — Но удар, полученный ими, посильнее пули.

Глава пятьдесят седьмая

ОБРАЩЕННЫЙ ЖЕНОНЕНАВИСТНИК

Генеральный прокурор и Лепсиус внесли безжизненную молодую чету в номер гостиницы. Доктор пустил в ход свои профессиональные приемы, и спустя несколько минут Вивиан, а за ней и Артур проявили признаки жизни. Молодая девушка глубоко вздохнула, шевельнула губами и подняла веки. Прямо против нее сидел генеральный прокурор штата Иллинойс, озабоченно на нее глядя. В ту же секунду у Вивиан вырвался слабый крик:

— Иеремия Морлендер! — и она снова упала на подушку.

— Отец! — пробормотал Артур, приходя в себя. — Вы живы!

— Я жив, друзья мои, — спокойно ответил генеральный прокурор, протягивая руку сыну. — Но прежде чем

рассказать вам мою историю, я должен заверить Вивиан, что смерть ее матери была для меня не меньшим горем, чем для нее. Я был в те дни жертвой ее убийц. Я был пленен, обезоружен, искалечен, удален из Америки. Я был лишен памяти и рассудка. Если б не железные нервы, которых вы, Артур, к сожалению, от меня не унаследовали, я был бы уже мертвецом или жалким идиотом. Но мне удалось спасти себя, и это было первой неудачей Чиче.

— А миссис Элизабет?.. — с ужасом пробормотал Артур, начиная подозревать истину.

— Она никогда не была моей женой! Эта преступная женщина, Артур, — служанка того, кто убил мать Вивиан, кто убил бы и меня и вас обоих, — она секретарь Джека Кресслинга!.. Но на сегодня довольно. Вы оба должны хорошенько оправиться, прежде чем вернуться в Нью-Йорк.

Артур на минуту закрыл глаза.

— Отец, — прошептал он, — я предпочел бы остаться здесь.

Старший Морлендер удивленно поднял брови. Глаза его загорелись веселым огоньком.

— Остаться здесь? — переспросил он отрывисто.

— Да, — ответил Артур и на мгновение стал похож на своего отца. — Здесь я нашел самого себя Здесь у меня есть дело!

— Вы распропагандированы, — медленно промолвил Иеремия, — вы, сын крупнейшего изобретателя Америки, стали на сторону чужой державы. Лепсиус, он распропагандирован! — С этими словами Иеремия Морлендер сдвинул седые брови, скрестил руки на груди и грозно взглянул на сына. — Хорошо, сэр, оставайтесь! Но помните, что о моем изобретении вы не узнаете никогда ни единого слова. Я обязан передать его родине, и только родине. Я враг мелодрамы и не намерен проклинать вас. Но я скажу вам: «Прощайте, сэр!» И это будет раз и навсегда.

Артур вскочил с места и подошел к отцу. Оба они были одного роста, и молодой человек с седой прядью на лбу походил сейчас, как две капли воды, на старшего Морлендера.

— Как бы не так, сэр! — воскликнул он твердо. — Вы отлично знаете, что я сам доберусь до вашего секрета. Вы отлично знаете, что, попади он в руки Кресслинга, он не достанется американскому народу! Вы, старый хитрец, должны будете признать это, и черт меня побери, если вы не намерены обнять своего сына, сэр!

С этими словами Артур бросился на шею к суровому старику, который немедленно осуществил его прозорливую догадку.

Вслед за этим объятием Иеремия Морлендер без дальнейших разговоров схватил в охапку Вивиан, в то время как Лепсиус машинально целовал Артура. Но, когда наконец Вивиан попала к доктору Лепсиусу и, совершив круговорот объятий, молодые люди очутились друг перед другом, старый Морлендер отрывисто кашлянул, подмигнул толстяку, и оба они скрылись из комнаты.

— Вивиан... — произнес Артур Морлендер, подходя к бледной девушке и протягивая ей руки.

В эту минуту кто-то резко дернул меня за волосы, и я увидел у себя над плечом разъяренное лицо Иеремии Морлендера.

— Сударь, — сказал он мне отрывисто, — как отец и генеральный прокурор я приказываю вам оставить этих молодых людей в покое!

— Но я автор! — возмутился я. — Нельзя же кончить роман без единого поцелуя! Что скажет читающая публика?

— Она скажет, Джим Доллар, что любовные сцены вам не удаются! — иронически ответил Иеремия Морлендер.

Он отбил у меня всякую охоту, братцы, и потому распростимся со всей этой публикой, прежде чем доведем свое дело до точки.

Глава пятьдесят восьмая

Миссис Тиндик, собрав всю прислугу «Патрицианы» перед собой, только что закончила речь об игре природы, исправленную и дополненную ею для нового состава подчиненных, как вдруг окно с треском разбилось и в комнату влетело тухлое яйцо.

Миссис Тиндик подняла брови.

Но гнилой картофель в ту же минуту ловко расплющился о ее нос, а два-три новых яйца размалевали щеки.

— Пожар! — вскрикнула миссис Тиндик и как подкошенная свалилась наземь.

Между тем Сетто из Диарбекира торопливо сбежал с лестницы.

— Что бы это значило? — спросил он прислугу нахмурившись. — Перед гостиницей толпа. Уставились в наши окна и швыряются провизией третьего сорта!

— Политика, хозяин, — мрачно ответил повар. — При политике первое дело — поднять цену на продукт.

— Сходи-ка за газетой!

Повар недовольно нахлобучил шапку и вышел выполнять приказание своего патрона.

Спустя пять минут Сетто развернул свежий лист «Нью-йоркской иллюстрированной газеты» и пробежал глазами столбцы.

— Эге! Это что такое?

Глаза диарбекирца сузились, как у кошки, когда ее

щекочут за ухом, щеки диарбекирца порозовели, губы диарбекирца распустились тесемочкой. Перед ним жирным черным шрифтом стояло:

АМЕРИКАНЦЫ,

читайте об открытии знаменитого доктора Лепсиуса ! ! ! ! ! ! ! ! ! !

ДАМЫ,

читайте нашу газету ! ! ! ! ! ! ! !

МИЛЛИАРДЕРЫ,

имеющие текущий счет ! ! ! ! !

ПОКРОВИТЕЛИ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТОВ,

покупайте сегодняшний номер !

ЗАГЛЯНИТЕ

в газету ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! ! !

«Мы очень хорошо знаем, — так начиналась статья, — что многие американские семейства в погоне за предками совершенно забывают о потомках. Одни из них покупают себе пергаменты в твердой уверенности, что если у них есть пергамент, так есть и древний предок знаменитого рода Другие уверяют, что родичи их приплыли в Америку на первом корабле. Третьи мчатся в Европу в поисках лордов и виконтов. Четвертые, наконец — и это самое опасное — питают слабость к свергнутым политическим деятелям, изгнанникам своих народов.

Особенно повинны в этом наши отечественные миллиардеры, предпочитающие тратить американские доллары не на благоденствие американцев, а на поддержку шатающихся тронов, сползающих эполет и падающих портфелей. Изгнанники своих родин обещают нам все, что угодно, лишь бы наполнить карман всемогущим долларом, а в действительности только подводят нас и выставляют

Америку в смешном виде. Не лишнее будет, джентльмены, узнать, как обстоит дело с этими изгнанниками в медицине.

Наш знаменитый авторитет — почетный член Бостонского университета доктор Лепсиус, только что вернувшийся с научного конгресса, дал нам разъяснения о своем открытии, сделанном во время лечения экс-президентов и экс-генералов. Будучи строго медицинским, оно затруднительно для понимания, но маститый ученый не отказал нам в его популяризации. «Дело идет, — так выразился он в разговоре с нашим сотрудником, — о констатировании вертебра бестиалиа в процессум спинозум у креатура хумана». Иначе говоря, леди и джентльмены, ставленники наших миллиардеров обречены в самом ближайшем будущем прыгать на четвереньках и кушать не сидя за столом, а, можно сказать, лакая из блюдец. Мало этого: упомянутая болезнь заразительна и для самих миллиардеров!

Но молчание об этом!

Спрашиваю вас: допустимо ли на подобного рода людей тратить американские доллары? Нет и нет, джентльмены!

Долой экс-побирушек! Прочь экс-троны и экс-титулы! Туда же епископов и кардиналов! Пергамент изъять из частного обращения и распределить между гастрономическими магазинами Соединенных Штатов для строго торговых целей! Такова воля миллионной толпы избирателей!»

Сетто прочитал газету и встал с места.

— Жена! — крикнул он прерывающимся голосом. — Жена! Жена! Жена!

Хозяйка «Патрицианы» прибежала на его зов как была, в кухонном переднике и с помидором в руке.

— Жена! — произнес Сетто торжественным тоном. — Зови зурначей, бей в ладоши, ходи вокруг меня с музыкой. Сетто из Диарбекира — большой человек! Он получил свой полный процент: сто на пятьдесят!

ЭПИЛОГ

А в Миддльтоуне, на деревообделочном, работа кипит как ни в чем не бывало. Белокурый гигант ловко орудует рубанком, отряхивая с лица капли пота. Фартук его раздувается, стружки взлетают тучей, а голос гиганта весело выводит знакомую песенку:

> **Клеим, строгаем, точим,**
> **Вам женихов пророчим,**
> **Дочери рук рабочих,**
> **Вещи-красотки!**
>
> **Сядьте в кварталы вражьи,**
> **Станьте в дома на страже,**
> **Банки и бельэтажи —**
> **Ваши высоты!**

— Слушай-ка, Джим Доллар, — сказал Микаэль Тингсмастер, остановив рубанок и глядя на меня широкими голубыми глазами, — ты малость приукрасил всю эту историю. Ребята сильно ворчат на тебя, что ты выдал наши секреты раньше времени.

— А разве это худо, Мик? — пробормотал я в ответ. — Мое дело — описывать, а ваше дело — орудовать.

Веселые знакомые лица обступили нас гурьбой. Тут были сероглазый Лори, солидный Виллингс, длинноносый Нэд с веселой, вилявшей хвостом Бьюти. Тут был старичина Сорроу с трубкой в зубах. Биск, Том и Ван-Гоп заглянули в мастерскую ради сегодняшнего дня. И даже Карло-ямаец и кой-кто из ребят с обойной фабрики в Биндорфе, наконец-то присоединившейся к союзу Месс-Менд, сунули нос в двери.

— Ладно, помалкивай! — заорали они, надавав мне дружеских тумаков. — Прикуси свой бабий язык насчет всего дальнейшего!

И мастерская, как один человек, затянула песенку Мика:

На кулачьих кадушках,
Генераловых пушках,
Драгоценных игрушках —
    Всюду наше клеймо.

За мозоли отцовы,
За нужду да оковы
Мстит без лишнего слова
    Созданье само!

Джим Доллар

Написано в ноябре 1923 — январе 1924 года в Петрограде Переработано в июле—августе 1954 года в Кратове.

КАК Я ПИСАЛА «МЕСС-МЕНД»[1]

1. Открываю секрет производства

Когда «Месс-Менд» начал выходить еженедельными выпусками в 1924 году, никто не знал его автора. Многие думали, что под Джимом Долларом скрывается тот или иной советский писатель или группа писателей. Называли Алексея Толстого, Эренбурга, тогдашних молодых ленинградцев Слонимского, Никитина. Когда кто-то назвал и мое имя, раздались голоса: «Да разве Шагинян напишет такую вздорную штуку, как «Месс-Менд»!» или: «Ну разве сможет Шагинян сделать такую веселую вещь, как «Месс-Менд»!» Я писала в то время в газеты серьезные статьи и редактировала Бальзака и Коллинза... И меня считали писательницей скучной и солидной. Как ни жаль было открывать псевдоним, но пришлось это сделать В специальной книжке, выпущенной Кинопечатью и приуроченной к появлению «Месс-Менд» на экране, я тогда писала:

«Вздорный или веселый, может быть, то и другое, а может, еще и третье в придачу, но «Месс-Менд» изобретен, выдуман и написан только мной, и ни одна живая душа,

[1] Написано для издательства «Кинопечать» после выхода первого романа трилогии «Месс-Менд, или Янки в Петрограде». Дается в сокращении и переработке

кроме меня, не вписала в него ни единого слова и не принимала в его создании ни малейшего участия, за вычетом трех лиц:

1. Моей дочки Мирэли.
2. Моей сестры Лины.
3. Моего мужа Джима.

Участие их выразилось в следующем:

Дочь Мирэль (тогда пяти лет) потребовала, чтобы в книге непременно была ученая собака.

Отсюда — Бьюти.

Сестра Лина, встревоженная судьбой шотландца Биска, умоляла оставить его в живых.

Отсюда — спасение Биска.

Муж Джим, большой патриот и крестный отец Джима Доллара, возмутился: неужели в книге не будет армянина?

Я ответила: «Выставь кандидатуру».

Он выставил: «Сетто из Диарбекира».

Отсюда — Сетто из Диарбекира.

Тремя этими уступками и ограничилось допущение чужого творчества в создание «Месс-Менд».

2. Все началось с елисеевской мебели, лаврового листа и статьи в «Правде»

Осенью 1923 года страна наша еще находилась в тисках разрухи и голода. Группа писателей жила тогда в Петрограде, в общежитии Дома искусств — роскошном особняке, где до революции обитали богатые купцы Елисеевы. Мы получали скудные пайки К концу месяца они истощались, и оставался один лавровый лист.

Есть пословица: «Лавры спать не дают» Мы ее переделали в эпоху военного коммунизма: «Лавровый суп спать не дает».

В тот день, о котором я пишу, у нас был лавровый суп. Под тарелкой лежала «Правда». Отодвинув суп, я заметила заманчивый фельетон о том, что нам, советским людям, необходимо создать для молодежи свою приключенческую литературу и своего «красного Пинкертона». Такого, чтоб воспитывал, звал к светлому будущему, помогал бороться с фашизмом и строить социализм...

А ночью пришла лавровая бессонница. С Морской в комнату шел свет, бегали полосы от автомобилей. Вещи казались шевелящимися. Вокруг моей постели теснилась роскошная мебель из будуара купцов Елисеевых. Здесь были: ширмы, часы рококо, кресло с фигурками дубовых обезьянок по углам, гобеленовый диванчик.

Я стала на них смотреть. Сколько рабочих трудилось над этими штуками, чтобы купцы Елисеевы могли ими спокойно пользоваться! А ведь можно было бы сделать их с фокусами, чтобы они досаждали своим хозяевам, помогали рабочим бороться. Замки — открываться от одного только нажима, зеркала — снимать и хранить под собой снимки, стены — подслушивать, прятать ходы и тайники, сдвигаться и раздвигаться...

В полусне мир ехидных, наученных, вооруженных вещей обступил меня, выстроился, пошел в поход — и уже вовсе спящей я увидела большое бородатое лицо, голубые глаза, прямые пушистые брови, трубочку в зубах — рабочего Мика Тингсмастера, великого мастера и повелителя вещей. Утром, в постели, я продолжала выдумывать. Родилась мелодия вместе с песенкой:

...Клеим, строгаем, точим,
Вам женихов пророчим,
Дочери рук рабочих,
Вещи-красотки!..

Почему бы из этого не сделать «красного Пинкертона»?

Тема: рабочий может победить капитал через тайную власть над созданьями своих рук, вещами. Иначе — развитие производительных сил взрывает производственные отношения.

Содержание: возникает из неисчерпаемых возможностей нового — вещевого — трюка.

3. Отклик на идею

Несколько человек, попавших мне под горячую руку, раскритиковали все в пух и прах.

«Бывший» человек сказал язвительно:

— Разве вы не знаете, что у нас литературный курс меняется, как киносеанс, по вторникам, четвергам и пятницам? Пока вы напишете Пинкертона, понадобится красная художественная статистика или красный художественный письмовник.

Осторожный человек прибавил:

— Это наивно — писать «в оригинале» и надеяться, что к тебе отнесутся, как к переводу. Какие у вас шансы?

Шутник предложил:

— Посоветуйся с Гёте.

Я сняла с полки томик, раскрыла и прочитала: «Und da ist auch noch etwas rundes...» («И там есть еще кое-что кругленькое...») — из песенки о Кристель.

Шутник провозгласил примирительно:

— Тебе остается написать Пинкертона с приложением статистики и письмовника, объявить его иностранцем и назвать Долларом.

4. Материал для романа-сказки

Я засела писать.

У меня не было ни плана, ни названия, ни фабулы, ни действующих лиц, ни малейшего представления о том, что

будет содержать первая глава; ничего, кроме Мика Тингсмастера и его песенки.

Но мы жили в необычайно интересное время — великое время первых лет революции. Наш пример обострил во всем мире два крайних полюса-лагеря. Весть об Октябрьском перевороте и о первой стране социализма доходила до самых отдаленных мест нашей планеты, деля человечество на два лагеря. Великий призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» заставлял биться воедино сердца миллионов рабочих. Но он же вызывал звериную ненависть у хозяев старого мира, угнетателей и капиталистов, и тоже объединял их. В защиту империализма встал фашизм. Сперва он был итальянским: первым оплотом фашизма и его главаря, Муссолини, стала Италия. Обо всем этом нам ежедневно рассказывали газеты — и ясно, что впечатления от окружающих нас фактов и событий стали главным материалом моей сказки.

Писала я в необычном возбуждении· мне самой хотелось поскорей узнать, что будет дальше. За моей спиной стояли домашние. Они имели скверную привычку предсказывать, что будет дальше. Я назло и из самолюбия тотчас же придумывала совсем наоборот. Таким образом, интрига все время ускользала от догадок читателя, как преступник от сыщика, и я отыскала моего «покойного Иеремию» в «генеральном прокуроре штата Иллинойс» ровным счетом в самую последнюю минуту, неожиданно для себя, как если бы вскочила на подножку отходящего поезда, идущего не туда, куда мне нужно.

Таинственный Грегорио Чиче — разумеется, итальянец, как тогдашние фашисты, — выходил окруженный необычайным мраком. По вечерам я его боялась; кто-нибудь непременно должен был сидеть возле меня, и, если на пол падала книга или ручка, я вздрагивала от ужаса. Моя сестра жаловалась на кошмары Но самое страшное было в том, что я совершенно не знала, чем именно страшен

Грегорио Чиче и как объяснятся его особенности От незнания я все больше и больше отодвигала разгадку Когда она подошла вплотную, я так испугалась, что чуть не дала Грегорио Чиче улизнуть от возмездия. Дочь Мирэль долго не могла мне этого простить и не хотела гулять по Кирпичному переулку, потому что там стоит недостроенный дом и Чиче мог в нем спрятаться.

Панское правительство тогдашней Польши было остро враждебно советскому народу, и миссис Вессон, враг Советской России, оказалась у меня полькой. Симпатии и антипатии мои, так же как и отдельные события, все рождались и зависели от того, что происходило вокруг нас.

Может быть, читатель удивится тому, как описывает Джим Доллар Петроград 23 года. Разумеется, он не был и не мог быть таким, и его чудесные лаборатории, Аэроэлектроцентраль и экспериментальные заводы — плод авторской фантазии.

Но я решила описать нашу страну такой, какой мерещилась она мне в далеком будущем, — светлой страной непобедимой техники, величайших открытий, победы над голодом, климатом, болезнями. И этот утопический элемент надо было выдержать, во-первых, в тонах сказки, во-вторых, в виде такого волшебства, какое могло представиться глазам выдуманного мной американского автора.

Каким счастьем было для меня писание «Месс-Менд»!

5. Несчастная любовь выхохатывается

Каждую неделю я писала по выпуску. Дело дошло до штата Иллинойс. Из-под пера вылезла мисс Юнона Мильки, «молодая девица» пятидесяти лет, в коротеньком платье лаун-теннис и рыжем парике. Я заметила, что она обезьянничает с меня и выставляет в смешном виде мои

самые святые чувства. Ее рассказ вышел в черновике расплывчатым — это не от слез, а от смеха. Я хохотала так, что у меня начинались колики. Старая няня Вера Алексеевна приходила кропить меня святой водой. Одной рукой я держалась от смеха за живот, другой писала. А когда кончила, откинулась на спинку стула, зевнула от изнеможения и заметила, что любовь вся ушла вместе с хохотом, как лопнувшее яйцо — в кипяток, и что, пожалуй, ее даже и вовсе не было.

6. Откуда взялся «Месс-Менд»

Из словаря. Когда понадобился лозунг, я пустила кошку Пашку на словарь. Наша кошка любит поворачивать страницы. Пашка цапнула сразу пять листов, откинула, и я нашла сперва Mess потом Mend.

А значение самое подходящее: починка, ремонт, общая трапеза, смесь, заварить кашу.

7. Джим Доллар пускается в плавание

Каждое воскресенье у меня собирались друзья — писатели и книжные люди. Они слушали «Месс-Менд» от выпуска к выпуску. Когда роман был закончен, каждый высказал свое мнение.

Сложив их, получаешь следующее:

«Это черт знает что. Союз писателей обидится. Что скажет Евгений Замятин? И, наконец, можно сорганизоваться и написать целую серию таких романов, основать свое издательство и пойти в гору». Мы немедленно подали заявление, что хотим организовать издательство «Клуб рассказчиков», и нам немедленно в этом отказали.

После этого я осталась один на один со своим детищем, которое каждый читал без передышки и я сама пе-

речитывала десятки раз, — и все, и я в том числе, были в совершенном недоумении, что же это такое.

Но — три месяца прошло. Другой рукописи у меня не было. Я наскребла денег на самый дешевый поезд «максимку», завернула рукопись в газету, надела шинель, стоившую четыре миллиарда[1], и поехала в Москву.

Тогдашний директор Госиздата, большевик старой ленинской гвардии Николай Леонидович Мещеряков, взял у меня рукопись, как она была. Листочки, исписанные мелким почерком (мы еще не перепечатывали рукописи на машинке!), он захватил домой, в номер гостиницы «Метрополь», прочитал за одну ночь, вызвал меня на следующий день в Госиздат и тотчас заключил со мной договор. Было решено сохранить псевдоним Джим Доллар, и Н. Л. Мещеряков дал свое предисловие к роману, поддерживавшее мою шутку.

8. Несколько слов о романе

«Месс-Менд» был хорошо встречен советским читателем. Он переведен на несколько языков, целиком напечатан в «Роте Фане», печатался в Париже, в газете армянских демократов. В Австрии и Германии он выдержал несколько изданий. Отзывы о нем немецких рабочих составили целую книжку. Спрашивая себя, в чем причина счастливой судьбы этого романа, писавшегося в шутку, отвечаю:

Прежде всего он — не халтура. От первой и до последней страницы «Месс-Менд» создан тем лихорадочным подъемом, который называется «горением фосфора», иначе сказать — творчеством. Многие главы я переделывала по десятку раз. До сих пор я ненавижу первый выпуск и

---

[1] До денежной реформы 1922—1924 г.г. наши деньги были сильно обесценены, счет велся на миллиарды и миллионы, которые в просторечии часто называли «лимонами».

считаю его слабым, но иным он не мог быть, потому что в нем — первые шаги, ощупью, по не найденному еще пути. И, во-вторых, он весь обращен против двух главных зол современности — против войны и фашизма. Есть портреты, глаза которых, откуда ни посмотри, глядят прямо на вас. Глаза этой книги, кажется мне, глядят в современность.

В чем тайна формы «Месс-Менд»?

Не забудем, что это пародия. «Месс-Менд» пародирует западноевропейскую форму авантюрного романа, пародирует, а не подражает ей, как ошибочно думают некоторые критики.

Но судьба многих книг — начинаться в насмешку и кончаться всерьез, подобно Пиквику.

Используя обычные западноевропейские штампы детективов, я направила их острие против разрушительных сил империализма и фашизма 20-х годов нашего века, а всю положительную романтику и счастливую сказочность этой вещи — на прославление творческой, созидательной силы рабочего класса всех стран и народов.

В процессе писания пародия была изжита, и возник своеобразный пафос, я бы сказала — пафос нового, классового трюка. Изобретенный в «Месс-Менд» «трюк с вещами» носит не универсальный и не личный характер (как обычные трюки в романах и в кино), а рабоче-производственный, и быть другим он не может, потому что вещи делаются рабочими. Отсюда — плодотворность темы, ее не надуманный, а сам собой возникающий романтизм.

Потом: никто не заметил (да и я сама — пока не дописала), что в основе «Месс-Менд» лежит сказка — народная сказка о благородных животных. Шуточная уголовная развязка внезапно превращается в «народную словесность».

Для нового издания этого романа-сказки в наше вре-

мя, спустя тридцать два года после его написания, понадобились, конечно, очень большие переделки. Отодвинулись на второй план такие фигуры, как убийца и гипнотизер Чиче. Выросли и выдвинулись на первый план, открыв свой страшный облик, такие фигуры империалистов, как миллиардер Кресслинг. А в то же время мы сами стали старей и серьезнее, и многие нелепости и несуразицы прежнего варианта романа как-то смущают и не удовлетворяют нас в чтении. Пришлось их переработать и внести в книгу больше логики. Но утопическую, сюжетную и юмористическую часть я сохранила в целости, чтоб не заглох аромат 20-х годов — тех годов большой молодости нашей литературы, когда и наша великая страна, и мы, и читатели наши переживали раннее утро нового мира. И, если б я совсем заглушила этот аромат тогдашнего незабвенного времени, мой «Месс-Менд», может быть, стал бы таким солидным и скучным, что его и переиздавать бы не стоило.

Мариэтта Шагинян
(Джим Доллар)

ПРЕДИСЛОВИЕ Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ[1]

«Янки в Петрограде» — кинематографический роман: действие в нем развивается головокружительным аллюром. В этом отношении «Янки» — роман нашего времени, когда крупнейшие события сменяют друг друга с чисто кинематографической быстротой.

«Янки» — роман фантастический. Действующие лица в этом романе совершают неправдоподобные, невозможные для выполнения поступки. Но разве не фантастична вся наша эпоха? Разве во время революции, а в особенности Великой Мировой Пролетарской Революции, не фантастична вся жизнь? Разве не были и не являемся мы все время очевидцами того, как самые обыкновенные, казалось бы, рядовые люди совершают великие фантастические деяния? И, как роман фантастический, «Янки» вполне отвечает вкусам читателя эпохи революции. Но фантастика «Янки» — здоровая революционная фантастика, не имеющая ничего общего с возвратом к реакционной фантастике Гофмана, ищущей материала в чертовщине Средневековья.

«Янки» — картина борьбы фашизма с Советской Россией; последнюю поддерживают американские рабочие. Главный герой романа — это коллектив пролетариата.

---

[1] Печатается в сокращении.

Имя Джима Доллара совершенно незнакомо русским читателям. Судя по биографии, он американский рабочий. Он никогда не видал России. Он знает ее только по рассказам, по книгам да по газетам. Естественно, что описания его не соответствуют русской действительности. Отсюда ряд курьезных несообразностей. Так, одной из своих героинь он дает, якобы на русский манер, имя «Катя Ивановна». Речку Мойку он называет «бурной» и т. п. Но, конечно, не в этих курьезных ошибках дело, в особенности в таком романтически-рокамболевском романе, как «Янки в Петрограде». Сами эти курьезные ошибки — один из элементов романтического налета.

Несмотря на свою умышленно аляповатую форму, доходящую временами до гротеска, «Янки» представляет крупное, оригинальное и глубоко интересное произведение (я сказал бы, первое крупное произведение) из области революционной романтики. Оно читается с захватывающим интересом. Ряд товарищей, которым пришлось прочитать роман в рукописи, не могли оторваться от этого чтения; некоторые читали его всю ночь напролет. Мы уверены, что на долю «Янки» выпадет крупный литературный успех.

Н. Мещеряков

1923

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунок на переплете и форзац
А. Лурье

Для старшего возраста

Шагинян Мариэтта Сергеевна
(Джим Доллар)

МЕСС-МЕНД, ИЛИ ЯНКИ В ПЕТРОГРАДЕ

Ответственный редактор
И. М. Кассель.

Художественный редактор
Г. С. Вебер.

Технический редактор
В. А. Голубева.

Корректора *Э. Л. Лофенфельд* и
А. Б. Стрельник

Сдано в набор 10/III 1960 г. Подписано к печати 13/V 1960 г. Формат 84×108 1/32 — 11 печ. л. = 18.07 усл. печ. л. (14.56 уч.-изд. л.). Тираж 300000 (150001—300000) экз.
Цена 6 р. 85 к.
Детгиз. Москва. М. Черкасский пер., 1.

Типография «Пунане Тяхт», гор. Таллин,
ул. Пикк, 54/58. Заказ № 402

6 р. 85 k.